

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2019. Том 17, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Текстология церковнославянских памятников

- Славова Т.* Избранные псалмы (Пророчества Давида) в составе Толковой Палеи 5
- Борисова Т. С.* Крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы (опыт текстологического анализа по спискам XI–XIV веков) 14

Прикладная лингвистика

- Лебедева С. Г.* Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма “A Beautiful Mind”) 27
- Владыко Н. О.* Метод оценки близости слов в языковом сознании носителей разных вариантов французского языка (Франция, Бельгия, Канада, Швейцария) 46
- Козлова Н. В.* Ассоциативно-вербальная модель глагола *haben* и его синонимов в немецком языке 53

Стилистические исследования

- Савина Е. С.* Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» 65
- Крышталева В. Е.* Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века 77

Лингвокультурная когнитивистика и психолингвистика

- Васильева К. К., Эрдынеева К. Г.* Межкультурная коммуникация: китайский язык и его воздействие на когнитивные способности русскоязычных детей 91
- Башанова М. А., Юй Чжун, Яковлев А. А.* Наименования дней недели в языковом сознании русских и китайских студентов 102

<i>Колмогорова А. В., Чыпсымаа О. О.</i> Функции русского и тувинского языков в общении матери с ребенком в билингвальных семьях	115
<i>Дебренн М., Фомель К. С.</i> Психолингвистический ассоциативный эксперимент для изучения отношения французских и российских студентов к интернационализации высшего образования	124
<i>Дубицкая В. Г., Яковлев А. А.</i> Понимание слов с абстрактным значением в условиях учебного двуязычия	135
In memoriam	
<i>Захаров В. П., Шерстинова Т. Ю.</i> Памяти Григория Яковлевича Мартыненко	146
<i>Григорьев Ю.</i> Слово прощания	150
Информация для авторов	152

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2019. Volume 17, № 2

CONTENTS

Slavonic Textology

- Slavova, Tatyana.* Selected Psalms (“David’s Prophecies”) of *The Palaea Interpretata* 5
Borisova, Tatiana S. Stavrotheotokia Troparia of the Great and Holy Friday Antiphons
(Tentative Textological Analysis of the 11th – 14th Centuries Manuscripts) 14

Applied Linguistics

- Lebedeva, Svetlana G.* Linguostatic and Associative Verbal Parameters of an American
Mathematician’s Idiolect (Based on the Dialogue of the Film *A Beautiful Mind*) 27
Vladyko, Natalya O. Estimating Similarity of Words in the Language Consciousness of
Speakers of Different Variants of French (France, Belgium, Canada, Switzerland) 46
Kozlova, Natalia V. Associative-Verbal Model of the Verb *haben* and Its Synonyms in
German 53

Stylistic Studies

- Savina, Elena S.* Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel
Proust’s Novel “In Search of Lost Time” 65
Kryshtaleva, Vera E. Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and
France in the Beginning of 21st Century 77

Cultural Linguistics, Cognitive Studies and Psycholinguistics

- Vasilyeva, Klavdiya K., Erdyneeva, Klavdiya G.* Intercultural Communication: Chinese
Language and Its Impact on Cognitive Abilities of Russian-Speaking Children 91
Bashanova, Maria A., Yu Zhang, Yakovlev, Andrey A. Names of the Days of the Week in the
Language Consciousness of Russian and Chinese Undergraduate Students 102
Kolmogorova, Anastasia V., Chypsmaa, Oyumaa O. Functions of the Russian and Tuvan
Languages in Mother – Child Communication in Bilingual Families 115

<i>Debrenne, Michèle, Fomel, Katerina S.</i> Psycholinguistic Study of the Attitude of French and Russian Students to Internationalization in Higher Education	124
<i>Dubitskaya, Victoria G., Yakovlev, Andrey A.</i> Comprehension of Abstract Words in Second Language Acquisition	135
Instructions to Contributors	152

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Alevtina N. Leonova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence
Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23
E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru
On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 801.73 + 811.163.1
DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-5-13

Избранные псалмы (Пророчества Давида) в составе Толковой Палеи

Т. Славова

*Софийский университет Св. Климента Охридского
София, Болгария*

Аннотация

Среди библейских источников Толковой Палеи – коллекция избранных псалмов, называемая Пророчествами Давида, которая здесь является объектом текстологического изучения. Место этой коллекции сознательно подыскивалось и удачно выбрано составителем и дает основание принять, что пророчества принадлежали первоначальному составу палейного сборника. Их функция – объяснить Ветхий Завет как первообраз Нового, как предведение новозаветных событий о приходе Иисуса Христа. Книжник-компилятор подобрал различные псалмы и/или части из них, содержащие пророчества о Христе, обособив их тематически в 25 словах с заглавиями. Учитывая заключения о первоначальном славянском переводе Псалтыри и последующих его редакциях, можно было бы определить, какой из этапов развития славянского текста Псалтыри отражают Пророчества Давида в составе Толковой Палеи. С этой целью автор статьи сопоставляет их с соответствующими псалмами из Псалтырей XI–XVI вв. Текстологическое исследование показывает, что пророчества Толковой палеи стоят ближе всего к тексту Бычковской псалтыри, но в то же время они сохраняют большую часть особенностей первоначального перевода Псалтыри, отраженного в тексте Синайской глаголической рукописи. В палейных пророчествах Давида обнаруживаются следы глаголического протографа, очевидно, унаследованные из псалтыри, использованной в качестве источника. Можно обобщить, что эта псалтырь была относительно архаичной, со следами глаголического письма, и отражала отредактированный в Преславе первоначальный Кирилло-Мефодиевский перевод (типа Бычковской псалтыри). В нем отсутствовали особенности, характерные для обеих редакций XIV в. (норовской, святогорской).

Ключевые слова

Толковая Палея, Псалтырь, Бычковская псалтырь, Синайская псалтырь

Для цитирования

Славова Т. Избранные псалмы (Пророчества Давида) в составе Толковой Палеи // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 5–13. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-5-13

Selected Psalms (“David’s Prophecies”) of *The Palaea Interpretata*

Tatyana Slavova

*Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria*

Abstract

During the Middle Ages on the Eastern Orthodox Church territories there existed an encyclopedia book, entitled the *Palaea Interpretata* that was extremely popular and highly respected. The current paper studies one of the Biblical sources of *The Palaea Interpretata* – namely, the collection of selected psalms, entitled “David’s Prophecies” (давидъ же прорицаше). The discussion is focused on the compiler’s placing of the collection in *The Palaea*, in the part dedicated to David (i.e. after the excerpts from the First and Second Books of Samuel and before the First Book of Kings). David’s Prophecies belonged to the original content of *The Palaea Interpretata*. They had one major goal – to represent the Old Testament as a prototype of the New Testament and to prove the superiority of the Christian doctrine over the non-Christian ones. The Compiler of *The Palaea Interpretata* chose various psalms or parts of

psalms, dividing them into twenty five orations with respective titles. To trace the editing performed over the Psalter text the current article draws a parallel with the text of seven psalters from the 11th–16th centuries. It establishes the greatest resemblance with the Bychkov Psalter of the 11th century, which reflects the Preslav version of the Psalter translation. At the same time, it becomes obvious that “David’s Prophecies” of *The Palaea Interpretata* have also retained many of the peculiarities of the primary translation of the Psalter as reflected in Sinai Glagolitic Psalter. The Glagolitic traces are to be found in the very text of “David’s Prophecies” of *The Palaea Interpretata*, which obviously derive from the psalter, serving as their source and protograph. The source was of relatively old origin; it contained traces of Glagolitic letters, and reflected the Psalter’s primary translation into Old Bulgarian by Cyril and Methodius, which had been edited in Preslav.

Keywords

Palaea Interpretata, David’s Prophecies, Bychkov Psalter, Sinaiticum Glagolitic Psalter

For citation

Slavova, Tatyana. Selected Psalms (“David’s Prophecies”) of *The Palaea Interpretata*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-5-13

В Средние века на Православном востоке энциклопедическая книга под названием «Толковая Палея» (далее *ТП*) пользуется большой популярностью и высоким авторитетом. Значительным является число уцелевших списков Палеи (свыше 30 только русских) преимущественно XV–XVII вв., но есть также несколько списков второй половины или конца XIV в. *ТП* вызывает уважение своим внушительным объемом и компилятивной сложностью состава – книги Священного писания (Восьмикнижие, 1–2 Книга Царства, избранные псалмы Давида, цитаты из Евангелия и Апостола), толкования святых отцов, фрагменты из хроник и житий, апокрифов, богословских и естественнонаучных сочинений, астрономических трактатов о пасхальных вычислениях. Несомненно, ее составитель был человеком начитанным и образованным, большой богословской культуры и литературной эрудиции, знающий в деталях византийскую и славянскую книжность и умело использующий широкий круг византийских и славянских сочинений. Подбор разных по жанру источников преследует одну основную цель – представить Ветхий Завет как первообраз Нового Завета и доказать превосходство христианского мировоззрения над нехристианскими представлениями о мире. Поэтому события Ветхого Завета не просто излагаются, в них ищут символы, и они толкуются с учетом новозаветной истории.

Среди библейских источников *ТП* – коллекция избранных псалмов, называемая Пророчествами Давида, которая здесь является объектом текстологического изучения. Место этой коллекции сознательно подыскивалось и удачно выбрано составителем – она расположена в части, рассказывающей о Давиде, после отрывков из 1–2 Книг Царства и перед 3 Книгой Царства (библейская история Давида начинается с 1Цар 16:21 и кончается 3Цар 2:11). В Коломенском списке 1406 г. (Кол, РГБ, Тр.-Серг. ф. 304 № 38) Пророчества Давида (давидъ же прорицаше) находятся на л. 194б – 202б, столбцы 773–805. Они обнаруживаются и в других списках *ТП*, включая самые ранние: РНБ, ПДА. А. I. 119, XIV в.; ГИМ, Барсов № 619, конец XIV в., л. 220б – 233а; РНБ, Кир.-Бел. № 68 (1145), XV в.; РГБ, Тр.-Серг. № 731/1854, XVI в., л. 231б – 250. Пророчества не встречаются в двух списках, которые не имеют конца – во Вьенском XVI в. (Австрийская национальная библиотека, Cod. slav. 9), который доходит только до ИНав 5:15, и Якушкинском XVII в., который заканчивается на 1Цар 26:28. Пророчества Давида не обнаруживаются и в трех поздних списках, имеющих конец, так что их отсутствие в данном случае, очевидно, сознательное – Тихонравов 1576 г., Силинский XVII в. и Тихонравов XVII в. (Палея толковая 1892, 1896; стб. 774, примеч. 20). Коллекция избранных псалмов входит и в состав Хронографской палеи, но только в состав ее полной редакции – Румянцевской 1494 г. (РГБ, Рум., ф. 256, № 453, л. 301–308), Румянцевской 1517 г. (РГБ, Рум., ф. 256, № 719), Синодальной 1477 г. (ГИМ, Син № 210), она не

Несмотря на отсутствие Пророчеств Давида в некоторых поздних списках *ТП*, факт их наличия в самых ранних списках, как и в полных хронографских списках, дает мне основание принять, что пророчества принадлежали первоначальному составу палейного сборника. Их функция – развить до конца основную идею *ТП*, объяснить Ветхий Завет как первообраз Нового, как предупреждение новозаветных событий о приходе Иисуса Христа. Книжник-компилятор подобрал различные псалмы и/или части из них, содержащие пророчества о Христе, обособив их тематически в 25 словах со следующими заглавиями¹:

слово • КВ • о сннтин стго дха же на стыва аплы (Кол 799–800) – Пс. 1:6, 2, 3; 18:5; 49:5; 72:19; 93:12; 110:1, 2; 118:165; 138:17;

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 2

слово • ꙗ҃҃ • о собраннѣ ꙗз҃ыкѣ (Кол 800–801) – Пс. 9:20, 21; 17:50; 46:9; 48:2, 3, 4; 56:10; 64:8, 9; 66:3; 81:8; 85:9; 95:3, 10; 97:2; 101:16; 107:4; 116:1; 125:2;

слово • ꙗ҃҃ • о ѿвѣрженнѣ жндѣвствѣ (Кол 802) – Пс. 15:4; 35:13; 48:13, 14; 72:19; 85:15; 93:23; 105:13;

слово • ꙗ҃҃ • о призваннѣ странѣ (Кол 802–805) – Пс. 2:10, 11; 15:4; 17:44, 45; 30:20; 32:3; 35:13; 47:5, 6; 48:13; 65:4; 66:2, 4; 67:30; 71:17, 19; 82:19; 83:7; 85:15; 88:16, 17; 93:23; 95:1; 97:1, 3, 4; 99:1, 2; 101:23; 105:13; 135:1; 138:18; 143:9, 10; 148:11–14.

Составитель ищет в тексте псалмов предсказания о Мессии, сбывшиеся посредством рождения и жизни Иисуса: о триединстве Бога, о данной ему власти толковать скрытые тайны, о непорочной Деве и рождении Христа, о его воплощении, крещении и преображении (Преображение Господне), о его способности сотворять чудеса (например, воскресить мертвого Лазаря) и др. В избранных псалмах найден первообраз ряда новозаветных событий, связанных с Христом: его вхождение в Иерусалим, суд над ним, отречение евреев, предательство Иуды, тайная вечеря, его крестные страдания и распятие, воскресение и вознесение, схождение Святого Духа на апостолов и т. д. “Христологическая проблематика здесь дифференцируется по событиям двенадцатого праздничного цикла, выделяется напрямую связанная с христологией тринитарная и богородичная проблематика Боговоплощения” [Палая толковая, 2002. С. 602]. Псалмы в составе палейных пророчеств Давида (свыше 270 стихов или частей стихов) роднятся с так называемыми *мессианскими* псалмами (Пс. 2, 14, 21, 39, 44, 68, 71 и 109), но не совпадают с ними полностью и значительно превышают их объем.

Подобная тематическая группировка псалмов в 25 словах неизвестна за пределами состава *ТП*, поэтому их составителем является, вероятнее всего, сам компилятор палейного сборника, который в этой части удачно выдвигает свою основную задачу, показывая именно с помощью текста Псалтыри ветхозаветные лица и события как первообразы Нового Завета. Возможно, он использовал готовый славянский источник – Псалтырь, из которой подобрал соответствующие псалмы. Основанием такого предположения является точно переданный текст Псалтыри, отсутствие в нем какого-либо личного вмешательства. Исключение представляют краткие толкования к Пс. 63:7; 84:11–12; 109:1 и 8:3 (Кол 777–778, 780, 783, 787), которые не заимствованы в готовом виде ² и своим более упрощенным толкованием, скорее всего, являются делом самого составителя. Не исключено цитирование псалмов на память, так как книжники обычно знали их наизусть. Независимо от того, каким образом был использован текст Псалтыри (письменно или на память), его текстовая версия может пролить свет на вопрос, когда были составлены Пророчества Давида, ввиду того, что эта версия, должно быть, была актуальной для времени составления пророчеств. Поэтому далее подвергаются текстологическому анализу псалмы из 25 слов в *ТП*, чтобы установить, какую версию Псалтыри использовал составитель. Исследовательская традиция [Карачорова, 1989; Чешко и др., 1989; MacRobert, 1998; 2005] (см. также библиографию в [Карачорова, 2003]) обособляет архаическую группу псалтырей (с основной Синайской псалтырью), в которой засвидетельствован первоначальный перевод, испытавший впоследствии влияние трех основных редакций (версий): 1) преславской, отраженной в Чудовской псалтыри с толкованиями Феодорита Кирского XI в. и в богослужебной Бычковской псалтыри XI в.; 2) норовской начала XIV в., воспроизведенной в Норовской псалтыри; 3) афонской (святогорской) середины XIV в. с основными представителями Томичова, Пловдивская и Киприанова псалтыри.

Учитывая эти самые общие, а также другие более частные заключения о первоначальном славянском (среднеболгарском) переводе Псалтыри и последующих его редакциях, можно было бы определить, какой из этапов развития славянского текста Псалтыри отражают Про-

² Это не толкования Феодорита Кирского или Исихия Иерусалимского, см. [PG, 1859, vol. 80, coll. 857–1998; PG 1962, vol. 55, coll. 711–748; Jagić 1907].

рочества Давида в составе *ТП*. С этой целью я их сопоставляю с соответствующими псалмами из Синайской псалтыри (*С*, XI в., Синай, монастырь Св. Екатерины, cod. slav. 38, Пс. 1:1–137:8 [Северьянов, 1922]); Чудовской толковой псалтыри (*Ч*, XI в., ГИМ, Чуд. 7, Пс. 1:1–3:3, 41:7–48:3, 58:3–86:7 [Погорелов, 1910]); Бычковской псалтыри (*Б*, XI в., Синайский монастырь cod. slav. 6; РНБ Q.п.1.73, Пс. 9:7–105:46; 111:10–151:7 [Altbauer, Lunt, 1978; Тодоров, 1990. С. 56–71]); Норовской псалтыри (*Н*, XIV в., ГИМ, Увар. 285, Пс. 1:1–151:7, 9; [Чешко и др., 1989]); Томичевой псалтыри (*Т*, 1360 г., ГИМ, Увар. 285, Пс. 1:1–151:7 [Джурова, 1989]), Пловдивской псалтыри (*Пл*, XVI в., Пловдив, НБИВ № 3; [Чешко и др., 1989]) и Киприановой псалтыри (*К*, XV в., РНБ, ф. 173, № 142; [Чешко и др., 1989]).

Текстологическое исследование, которое включает только морфосинтаксические различия, лексические замены, пропуски, добавления и изменения в порядке слов, показывает следующие совпадения:

- совпадения псалмов в *ТП* с *С Б³ Ч⁴ Т К Пл*, отличающиеся от *Н*: Пс. 4:3 соуѣтънага (соуѣты *Н*), 7:16 створи (сѣдѣла *Н*), 7:16 н (его *Н*), 9:33; 56:6 възнесеть сѧ (възвысит сѧ *Н*), 19:7 познахъ (разоумѣхъ *Н*), 30:19 нѣмѧ (нѣглѣвы *Н*), 40:9 възкрѣтитъ (еже вѣстатъ *Н*), 48:2 по възселенѣн (въселенѣж *Н*), 48:3 земнин (земнороднин *Н*), 49:1 глѧ (възглѧ *Н*), 49:21 поставла (прѣдѣстѧла *Н*), 50:8 н тѧнаа (нѧа *Н*), 68:23 бѣдѧ (да бѣдетъ *Н*), 68:24 да не вѣдѧтъ, еже не вѣдѣтѧ (еже не вѣстѧтъ *Н*), 71:17 нѧа его (нѧа *Н*), 74:9 растворениѣ (урѣпанѧ *Н*), 75:10 вѣрѣснетъ (вѣстатѧ *Н*), 75:12 соущин окръсть (нѣже окрътъ *Н*), 77:6 инъ (дроугѧ *Н*), 81:5 оуѣдѣша (познашѧ *Н*), 87:13 познана бѣдѣтъ (познажѣ сѧ *Н*), 88:10 възмѣщенѧ (пѣны *Н*), 97:8 роукамин (рѣкож *Н*), 98:5 възносѧте (възвыситѧ *Н*), 101:21 раздрѣшитѧ (еже раздрѣшитѧ *Н*), 108:18 въ оутробоу (въ вѣнѣтрѣ *Н*), 125:2 створиши (еже створиши *Н*), 131:8 кнѣзѣмъ (кѣнѣмъ *Н*), 131:9 въ правду (правдож *Н*), 131:18 на ономъ (на томъ *Н*);

- совпадения псалмов в *ТП* с *С Б Н Т К Пл*, отличающиеся от *Ч*: Пс. 44:2 кнѣзѣмъ (кѣнѣмъ *Ч*), 67:17 бѣгоу (бѣгоу *Ч*), 68:25 да нѣмѣтъ, помѣтъ (постигнетъ *Ч*), 71:11, 97:3 цѣрѣ землѣ (цѣрѣ землѣ *Ч*), 73:22 поношение твоѣ еже естъ (поношенѧ твоихъ нѣже сѣтъ *Ч*), 75:12 помолѧте сѧ (обѣщѧте *Ч*), 83:2 коль (такѣ *Ч*), 85:9 створи (сѣтвори *Ч*);

- совпадения псалмов в *ТП* с *С Б* (*Ч* пропуск), отличающиеся от *Н Т К Пл*: Пс. 17:45 слоухомъ оухѧ (въ слоухѣ оухѣ *Н Т К Пл*), 21:17 злобѣмъ твоимъ (зѣлобѣмъ твоимъ *Н Т К Пл*), 30:20 скръ (скръ *Н Т К Пл*), 91:10 творѣши (дѣлаши *Н Т К Пл*), 94:2 исповѣданѧ (въ исповѣданѧ *Н Т К Пл*), 94:2 варѣмъ (прѣдварѣмъ *Н Т К Пл*), 101:14 помилѣши *К Пл* (шѣдриши *Н Т*), 117:22 не вѣдоу створиши (не вѣдоу *Н Т К Пл*), 131:9 не вѣдѧ (сѣенѧ *Н Т К Пл*);

- совпадения псалмов в *ТП* с *С Н Т К Пл* (*Б* пропуск), отличающиеся от *Ч*: Пс. 1:4 лица землѣ, землѣ (лица землѣ *Ч*), 2:6 надъ сіономъ горою стою (на сѣмѣ горѣ стѣи *Ч*), 2:9 скѣдеши (гѣдеши *Ч*);

- совпадения псалмов в *ТП* с *С Н Т К Пл*, отличающиеся от *Ч Б*: Пс. 83:3 о вѣжѣ живѣ (къ боу живѣ *Ч Б*);

- совпадения псалмов в *ТП* с *С Б Ч*, отличающиеся от *Н Т К Пл*: Пс. 77:6 да познаетъ (такѣ да познаетъ *Н Т К Пл*);

³ Без отсутствующих Пс. 4:3; 7:16.

⁴ Без отсутствующих Пс. 4:3; 7: 16; 9:33; 56:6, 19; 19:7; 30:19; 40:9; 49:1, 21; 50:8; 87:13; 88:10; 97:8; 98:5; 101:21; 108:18; 125:2; 131:8, 9, 18.

- совпадения псалмов в *ТП* с *Б Ч Н Т К Пл*, от *С*: Пс. 44:5; 50:8; 84:11; 87:12 (без *Ч*), 131:10, 11 (без *Ч*) *нстннѣ* (*рѣснотъж С*), 47:5 *снѣдоша* (*сѣнѣдѣ С*), 67:19 *възъшеи* (*възидѣ С*), 67:19 *прѣи* (*прѣи С*), 71:11 *всѣ ѿрѣ* (*ѿрѣ С*), 72:19 *погыбоша* (*погыбѣ С*), 73:22 *въскрѣни* (*възкрѣши С*);
- совпадения псалмов в *ТП* с *Б Н Т К Пл* (*Ч* пропуск), отличающиеся от *С*: Пс. 15:4 *сворѣ* (*сѣнемѣ С*), 18:5 *нѣдоша* (*нѣдѣ С*), 21:17 *обѣдоша* (*обѣдѣ С*), 21:18 *нѣтоша* (*нѣто С*), 21:19 *мѣнѣи*, *К Пл* *одеждѣ* (*одеждѣ С*), 39:9 *чрево* (*чрево С*), 101:23 *сѣверѣ* (*сѣнемѣ С Н Т К Пл*), 87:11 *враче* (*враче С*), 105:13 *оускорѣ* (*оускорѣ С*);
- совпадения псалмов в *ТП* с *Б Ч*, отличающиеся от *С Н Т К Пл*: Пс. 44:5 *напразнѣ* (*напразнѣ С Н Т*), 44:15 *блжѣ* (*блжѣ С Н Т Пл*);
- совпадения псалмов в *ТП* с *Б* (*Ч* липса), отличающиеся от *С Н Т К Пл*: Пс. 17:50; 56:10; 107:4 *исповѣ* (*исповѣ С Н Т К Пл*), 21:17; 101:1 *сѣверѣ* (*сѣнемѣ С Н Т К Пл*), 35:13 *могѣ* (*могѣ С Т К Пл* *възмогѣ Н*), 40:10 *лестѣ* (*лестѣ С Н Т Пл* *лѣстѣ К*);
- совпадения псалмов в *ТП* с *Б Н Т К Пл*, отличающиеся от *С* и *Ч*: Пс. 44:2 *скорѣ* (*скорѣ С*, *бръзѣ Ч*), 85:15 *нстннѣ* (*рѣснотъж С*, *нстѣ Ч*);
- совпадения псалмов в *ТП* с *Б*, отличающиеся от *С Ч Н Т К Пл*: Пс. 81:1 *въ зворѣ* (*сѣнемѣ С Ч Н Т К Пл*).

Результаты текстологического сопоставления обобщаются в следующей таблице:

Псалтырь	Совпадения ТП	Различия ТП	Пропуски (количество псалмов)
Бычковская (<i>Б</i>)	71	1	5
Синайская (<i>С</i>)	52	25	
Чудовская (<i>Ч</i>)	27	15	35
Норовская (<i>Н</i>)	30	47	

Следовательно, палейные пророчества стоят ближе всего к тексту Бычковской псалтыри, с которой имеется единственное различие без существенной текстологической значимости – Пс. 83:3 *бѣжѣ живѣ ТП* против *кѣ бѣжѣ Б*. С другой стороны, единственно с *Б* совпадают следующие показательные чтения: Пс. 44:2 *скорѣ ТП*, *Б* (*бръзѣ С*, *бръзѣ Ч*), 85:15 *нстннѣ ТП*, *Б* (*рѣснотъж С*, *нстѣ Ч*), Пс. 81:1 *въ зворѣ (сѣнемѣ С Ч Н Т К Пл)*. В то же время палейные Пророчества Давида сохраняют большую часть особенностей первоначального перевода Псалтыри, отраженного в тексте Синайской глаголической рукописи, совпадений с которой в два раза больше, чем различий. Сопоставление с толковой Чудовской псалтырью неполное, так как отсутствующих псалмов (35) приблизительно столько же, сколько и участвующих в сравнительно-текстологическом исследовании (42), но и из наличного текста Псалтыри становится ясно, что протограф палейных Пророчеств Давида не относился к типу Чудовской псалтыри, раз отличия (15) составляют больше половины совпадений (27). Этот факт до известной степени ожидаемый: составителю пророчеств было значительно проще использовать богослужебную, а не толковую псалтырь, чтобы ему не приходилось дополнительно отделять толкования от собственно псалтырного текста. Протограф палейных Пророчеств Давида не был также ни типа Норовской псалтыри (различий с ней гораздо больше чем совпадений), ни типа более поздних Томичевой, Киприановой, Пловдивской псалтырей. В псалмах в составе *ТП* отсутствуют характерные для Норов-

ской и святогорской редакций особенности, а совпадения с этими псалтырями (которые одновременно являются совпадениями и с *С Б* или *Ч*) обязаны тому обстоятельству, что в ряде случаев святогорская редакция следует чертам, присущим архаическим псалтырям (*С Б* или *Ч*).

Бесспорно то, что палейный протограф Пророчеств Давида принадлежал типу Бычковской псалтыри, о которой Лант, Карачорова, Тодоров и Томсон устанавливают, что она воспроизводит преславскую редакцию богослужебных книг, в которой имеются следы глаголической системы правописания [Lunt, 1976. С. 260; Карачорова, 1989. С. 184; Тодоров, 1990. С. 54–55; Thomson, 1998. Р. 810]. Следы глаголического протографа обнаруживаются и в палейных Пророчествах Давида, очевидно, унаследованные из псалтыри, использованной в качестве источника. Приведу только некоторые из них: в 13-м слове в.м. Пс. 46 ($\overline{м\bar{s}}$) указан Пс. 26 ($\overline{к\bar{s}}$); та же самая ошибка встречается и в 23-м слове – в обоих случаях первоначальная глаголическая буква $\overline{к}$ [40] была транскрибирована кириллическим переписчиком посредством буквы $\overline{к}$ [20]. Подобному типу ошибки, при которой не учитывается разница в цифровых обозначениях глаголических и кириллических букв, обязано и несоответствие в 23-м слове, где в.м. Пс. 81 ($\overline{п\bar{a}}$) указан Пс. 71 ($\overline{б\bar{a}}$), – в данном случае глаголическое $\overline{o}$ [80] передано посредством кириллического $\overline{o}$ [70]. См. еще в 10-м слове, где в.м. Пс. 88 ($\overline{п\bar{и}}$) стоит Пс. 76 ($\overline{б\bar{з}}$), – ошибка объясняется тем, что первоначальная глаголическая цифра $\overline{9\bar{z}}$ [88], заменена непосредственно кириллическим соответствием $\overline{б\bar{з}}$, но уже с другим значением [76]. В третий раз можно увидеть передачу глаголического $\overline{o}$ [80] кириллическим $\overline{o}$ [70] в 25-м слове, где в.м. Пс. 82 ($\overline{п\bar{в}}$) стоит Пс. 72 ($\overline{б\bar{в}}$). Ср. и обозначенное в *Кол* 776 как $\overline{д\bar{т}}$ (14) в.м. $\overline{д\bar{к}}$ (24) слово – возможное объяснение снова связано с тем, что не учитывается разница между глаголическими и кириллическими буквами-цифрами, вследствие чего глаголическое $\overline{и}$ [8] транскрибировано кириллическим $\overline{и}$ [10]. В слове 17 наблюдается передача глаголического $\overline{з}$ [8] кириллическим $\overline{з}$ [7] – так могло получиться обозначение Пс. 147 ($\overline{р\bar{м\bar{з}}$) в.м. Пс. 148 ($\overline{р\bar{м\bar{и}}$). Замена глаголического $\overline{г}$ [4] кириллическим $\overline{г}$ [3] есть в 3-м слове, где в.м. Пс. 44 ($\overline{м\bar{д}}$) стоит Пс. 43 ($\overline{м\bar{г}}$). Ошибка другого типа налицо в 25-м слове, где в.м. Пс. 72 ($\overline{б\bar{в}}$) указан Пс. 52 ($\overline{н\bar{в}}$), – причина, очевидно, связана с первоначальным глаголическим $\overline{р}$ [70] и последующей передачей того же значения $\overline{70}$ кириллической буквой ($\overline{o}$). Следует отметить, что аналогичные глаголические ошибки имеются и в византийской пасхалии в составе *ТП* [Славова, 2002. С. 195–211].

Можно обобщить, что псалтырь, являющаяся протографом Пророчеств Давида в составе *ТП*, была относительно архаичной, со следами глаголического письма, и отражала редактированный в Преславе первоначальный Кирилло-Методиевский перевод (типа Бычковской псалтыри). В нем отсутствовали особенности, характерные для обеих редакций XIV в. (норовской, святогорской).

Список литературы / References

Джурова А. Томичов псалтир. София, 1989.

Džurova, A. Tomič Psalter. Sofia, 1989. (in Bulg.)

Карачорова И. Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира. *Кирило-Методиевски студии*, 1989, № 6, с. 130–245.

Karachorova, I. On the Problem of the Old-Bulgarian Translation of the Psalter by Cyril and Methodius. *Cyrillo-Methodian Studies*, 1989, no. 6, p. 130–245. (in Bulg.)

- Карачорова И.** Псалтир // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3. С. 410–417.
- Karachorova, I.** Psalter. *Cyrillo-Methodian Encyclopedia*, 2003, vol. 3, p. 410–417. (in Bulg.)
- Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892. Т. 1; 1896. Т. 2.
- Palaea Interpretata. Kolomnja's Palaea Interpretata from 1406. Moscow, 1982, vol. 1; 1896. vol. 2. (in Russ.)
- Палея толковая.** Палея Толковая. М.: Согласие, 2002.
- Палея толковая.** Palaea Interpretata. Moscow, 2002. (in Russ.)
- Погорелов В.** Чудовская псалтырь XI века. Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древне-болгарском переводе. СПб., 1910.
- Pogorelov, V.** Chudovsky Psalter of the XI century. An excerpt of the Theodoret of Cyrus' Commentaries on the Psalter in Old Bulfarian Translation. St. Petersburg, 1910. (in Russ.)
- Северьянов С.** Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922.
- Severjanov, S.** Psalterium Sinaiticum. Glagolitic monument, dated to the 11th century. Petrograd, 1922. (in Russ.)
- Славова Т.** Тълковната палея в контекста на старобългарската книжнина. София, 2002.
- Slavova, T.** Palaea Interpretata in the contex of Old Bulgarian Literature. Sofia, 2002. (in Bulg.)
- Тодоров А.** Псалмы новой части Бычковской псалтыри (Sin. 6/N) // Palaeobulgarica. 1990. № 1. С. 49–71.
- Todorov, A.** Psalms of the new part of the Bychkov psalter (Sin. 6/N). *Palaeobulgarica*, 1990, no. 1, p. 49–71. (in Russ.)
- Чешко Е., Бунина И., Дыбо В., Князевская О., Науменко Л.** Норовская псалтырь // Среднобългарская рукопись XIV века. София, 1989. Т. 1, 2.
- Cheshko, E., Bunina, I., Dybo, V., Knyazevskaya, O., Naumenko, L.** Norov's psalter. In: Middle Bulgarian manuscript of the 14th century. Sofia, 1989, vol. 1, 2. (in Russ.)
- Altbauer, M., Lunt, H.** An Early Slavonic Psalter from Rus. Cambridge, 1978, vol. 1.
- MacRobert, M.** The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century. In: Interpretation of the Bible. Ljubljana, Sheffield, 1998, p. 921–948.
- MacRobert, M.** On the Problems of Identifying a "Preslav Redaction" of the Psalter. In: Acta Palaeoslavica. 2. In honorem professoris Angelinae Minčeva. Sofia, 2005, p. 39–46.
- Jagić, V.** Словѣнская псалтир. Psalterium Bononiense. Wien, 1907.
- Lunt, H.** The Byčkov Psalter. *Slovo*. 1976, no. 25–26, p. 255–261.
- Patrologiae cursus completus, series graeca. Ed. J. Migne. Paris, 1859, vol. 80, coll. 75–456, coll. 847–1998.
- PG 1862 – Patrologiae cursus completus, series graeca. Ed. J. Migne. Paris, 1862, vol. 55, coll. 711–748.
- Thomson, F.** The Slavonic Translation of the Old Testament. In: Interpretation of the Bible. Ljubljana, Sheffield, 1998, p. 603–920.

Список сокращений

ГИМ	–	Государственный исторический музей (Москва, Россия)
НБИБ	–	Народная библиотека “Ивана Вазова” (Пловдив, Болгария)
РНБ	–	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

28.02.2019

Информация об авторе / Information about the Author

Славова Татьяна, доктор филологических наук, профессор кафедры Кирилло-Мефодиевистики факультета славянской филологии Софийского университета Св. Климента Охридского (бул. “Цар Освободител”, 15, София, 1504, Бългaрия)

Tatyana Slavova, Doctor of Sci. (Philology), Full Professor, Chair of Cyrillomethodian studies at the Faculty of Slavonic Philology, Sofia University St. Kliment Ohridski (15 Tsar Osvoboditel Blvd., Sofia, 1504, Bulgaria)

tatyana_slavova@abv.bg

УДК 801.73 + 811.163.1
DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-14-26

Крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы (опыт текстологического анализа по спискам XI – XIV веков)

Т. С. Борисова

*Афинский национальный университет им. И. Каподистрии
Афины, Греция*

Аннотация

Статья посвящена текстологическому анализу крестобогородичных тропарей Антифонов Великой Пятницы. Данные тропари, употреблявшиеся на предпоследнем месте каждого из пятнадцати антифонов непосредственно перед обычным богородичным тропарем в восточнославянской традиции вплоть до Никоновской реформы, не имеют соответствий в греческих изданиях и описанных рукописных источниках. Наряду с восточнославянскими были выявлены и ранние южнославянские рукописные источники, более или менее последовательно включавшие в свой состав крестобогородичны. Сопоставительное текстологическое исследование, проведенное по 13 спискам Триодей постных и цветных, Триодей цветных и Стихарей постных и цветных XI–XIV вв., выявило две основные редакции данных тропарей, а также компиляционный тип текста Орбелской триоди. Отсутствие однозначной территориальной локализации данных редакций косвенно свидетельствует об их древнеболгарском происхождении. Присутствие данных тропарей в редакциях, наиболее последовательно отражающих византийскую традицию, и их отсутствие в редакциях со значительной оригинальной славянской составляющей позволяет предположить их византийское происхождение. Анализ поэтической структуры крестобогородичен свидетельствует об их тематической, мелодической и лексико-синтаксической (общие или антонимичные начальные и конечные слова или фразы) связью с другими тропарями каждого конкретного антифона, а также об использовании в них поэтических средств (синтаксического параллелизма, паронимических и лексических повторов, антитез), сходных с остальным текстом Антифонов. На основании этого делается вывод о вероятном изначальном вхождении крестобогородичен в состав византийских Антифонов в отличие от присутствующих в них сейчас обычных богородичных тропарей.

Ключевые слова

текстология, церковнославянская книжность, гимнография, Антифоны Великой Пятницы, крестобогородичные тропари

Благодарности

Благодарим Хиландарский исследовательский центр и научную библиотеку по палеославистике при Университете штата Огайо (США) за копию микрофильма Цветной триоди из собрания П. Фекулы.

Для цитирования

Борисова Т. С. Крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы (опыт текстологического анализа по спискам XI–XIV веков) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 14–26. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-14-26

Stavrotheotokia Troparia of the Great and Holy Friday Antiphons (Tentative Textological Analysis of the 11th – 14th Centuries Manuscripts)

Tatiana S. Borisova

*National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece*

Abstract

The paper deals with certain troparia found in several Church Slavonic manuscripts as a part of the Great and Holy Friday Antiphons which don't respond to the described Greek versions of the text. Troparia which appear in the penultimate place of each of the 15 Antiphons are devoted to the Mother of God and could be attributed to the Stavrotheotokion type. The Stavrotheotokia appear regularly almost in all East Slavonic manuscripts up to Patriarch

© Т. С. Борисова, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 2

Nikon book correction of the 17th century, while in the South Slavonic tradition they appear regularly only in two early Serbian manuscripts, in the most of the Antiphons in two early Bulgarian manuscripts and in one Antiphon in another Bulgarian manuscript. In the 14th century after the Mount Athos book correction the Stavrotheotokia disappear completely from the South Slavonic manuscript tradition. The goal of our study was a scientific critical edition of the Stavrotheotokia troparia based on 13 East and South Slavonic manuscripts (Triodion and Pentecostarion, Pentecostarion, Lent and Pentecost Sticherarium) of 11th – 14th centuries as well as their textological analysis. Based on the results of the textological analysis we distinguish two versions of the text: the first one is present in East Slavonic manuscripts and Zagreb Triodion, the second one – in two Serbian Triodia, and their compiled type – in the Orbele Triodion. Although no Greek correspondence to these texts have been found so far, the textual evidences argue for the Byzantine origin of a certain text. The outstanding poetic characteristics of certain troparia as well as their remarkable correspondence with the whole poetical structure of the Antiphons cause us to believe that unlike the Theotokia which are included in the Antiphons in the modern Greek and Slavic tradition, the Stavrotheotokia were the part of the initial text of the hymn. Since two versions of the Church Slavonic text are not located on a certain territory, the translation of these texts into Church Slavonic was probably made in the South Slavic area and later transferred to the East Slavonic tradition.

Keywords

textology, Church Slavonic literature, hymnography, Great and Holy Friday Antiphons, Stavrotheotokia troparia

Acknowledgements

We thank the Hilandar Research Library and Resource Center for Medieval Slavic Studies at the Ohio State University (Columbus, Ohio, USA) for the copy from the manuscript of the Pentecostarion from P. Fekula collection.

For citation

Borisova, Tatiana S. Stavrotheotokia Troparia of the Great and Holy Friday Antiphons (Tentative Textological Analysis of the 11th – 14th Centuries Manuscripts). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 14–26. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-14-26

Введение

Византийско-славянский межъязыковой и межкультурный диалог, начавшийся в IX в., осуществлялся в первую очередь путем перевода основных культурообразующих византийских текстов и параллельного формирования церковнославянского языка. Особую роль в данном процессе играли гимнографические тексты, первые переводы которых были сделаны на самых начальных этапах славянской книжности. Данные этапы во многом продолжают оставаться неописанными, что связано с малым количеством дошедших до нас рукописных источников и существенными расхождениями между ними, свидетельствующими о наличии нескольких традиций, восходящих к различным византийским источникам, к различным переводам на основе отличающихся переводческих принципов, а также о различном соотношении в гимнографических сборниках переводной и оригинальной славянской составляющих [Попов, 1985; 2008]. Последняя проблема осложняется относительно низкой степенью изученности византийской гимнографической традиции, что затрудняет поиски византийско-славянских текстовых соответствий.

Одним из византийских гимнов, важное место которого в православном богослужении позволяет предположить, что он был переведен уже в первые десятилетия славянской книжности, был цикл пятнадцати Антифонов Великой Пятницы, исполняющихся на утрени в промежутках между чтением первых шести из Двенадцати Евангелий Святых Страстей. Текст Антифонов, в современном богослужении состоящий из 40 тропарей и 15 богородичен, складывался постепенно, как византийские, так и славянские источники вплоть до XIV, а в восточнославянской традиции и XVII в. свидетельствуют о значительном варьировании состава тропарей, прежде всего касающемся богородичных тропарей, что указывает на их позднейшее включение в данный цикл [Javier, 2007. С. 211–220; Παλαδοπούλου-Κεραμέως, 1897. С. 116–133]. Помимо основной сохранившейся в современной богослужебной практике версии цикла, в которой каждый из антифонов завершается одним тропарем, посвященным Богоматери: первые четырнадцать обычными богородичными, а последний пятнадцатый крестобогородичным, т. е. тропарем, воспроизводящем плач Богоматери при Кресте Спасителя, – существовала и другая традиция с двумя богородичными тропарями в конце каждого

антифона (один на слава, и другой на и́зѣнѣ). Несмотря на то, что списки, более или менее последовательно выдерживающие данный принцип, сохранились и в византийской, и в славянской книжности, состав богородичных тропарей в них различен. Византийская традиция Антифонов с двумя богородичными тропарями, зафиксированная на материале иерусалимских богослужебных рукописей А. Пападопулу-Керамевсом [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897. С. 116–133], содержит главным образом обычные богородичные тропари, крестобогородичны используются только в отдельных антифонах и не имеют определенного места в их составе (могут быть как первым, так и вторым богородичным антифона). Ряд славянских списков Антифонов с двумя богородичными, напротив, донесли до нас строгую структуру, в которой на предпоследнем месте каждого антифона (после слава) находится крестобогородичен, а на последнем (после и́зѣнѣ) – обычный богородичен. Крестобогородичны, используемые в данных славянских списках, не совпадают с тропарями издания А. Пападопулу-Керамевса [Παπαδοπούλου-Κεραμέως, 1897. С. 116–133] и в принципе, насколько нам удалось установить, не имеют соответствий в греческих изданиях и описанных рукописных источниках [Borisova, 2018]. В отличие от большинства других богородичен ранних славянских редакций это уникальные тропари, не встречающиеся в других службах. В дальнейшем (после Афонской книжной справки) крестобогородичны полностью исчезают из южнославянских списков, но сохраняются в восточнославянской традиции вплоть до Никоновской справки, а в старообрядческих сборниках и позднее [Казанцева, 2009. С. 167–169], на тех же позициях и без существенных изменений в тексте, однако уже без указаний на особый богородичный «статус» данного тропаря, таким образом, формально каждый антифон завершается одним обычным богородичным на слава и и́зѣнѣ.

Целью данной работы является критическое издание крестобогородичен Антифонов Великой Пятницы на основе дошедших до нас ранних славянских источников XI–XIV вв., а также текстологический анализ данных текстов для определения их происхождения и истории в славянской письменности.

Источники и методы

Данное исследование основывается на результатах проведенного нами ранее сопоставительного изучения состава тропарей Антифонов 14 славянских списков XI–XIV вв. [Borisova, 2018], в результате которого была выявлена группа списков, последовательно содержащая крестобогородичны на предпоследнем месте каждого антифона. В нее входят следующие списки.

Восточнославянского происхождения:

- 1) Триодь цветная, нотированная, последняя треть XII в., Государственный исторический музей (Москва), собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, № 27 – далее *Вос.*;
- 2) Триодь цветная (Синодальная), XI–XII вв., Российский государственный архив древних актов, фонд 381, № 138 – далее *Син.*;
- 3) Стихирарь цветной, нотированный, XII в., собрание рукописей Хиландарского монастыря, 307, исследован по факсимильному изданию Р. Якобсона [Jakobson, 1957. Р. 15–18, 27 v – 48 r], пропущенный лист, содержащий текст антифона 10, между листами 41 и 42 обнаружен в Библиотеке РАН (Санкт-Петербург), собрание Дмитриевского, 44 – далее *Хил.*;
- 4) Стихирарь постный и цветной, нотированный, XIII в., Государственный исторический музей (Москва), собрание Успенского, 8 – далее *Усп.*;

5) Стихирарь постный и цветной, нотированный, XII в., Российский государственный архив древних актов, фонд 381, № 147 (не сохранились листы с последним антифоном 15, за исключением первой строки первого тропаря) – далее *147*;

6) Стихирарь постный и цветной, нотированный, XII–XIII вв., Российский государственный архив древних актов, фонд 381, № 148 – далее *148*;

7) Триодь цветная, XIV в., собрание П. Фекулы, № 8 (рассмотрена по микрофильму, хранящемуся в Хиландарском исследовательском центре Университета штата Огайо, США) – далее *Фек*.

Южнославянского (сербского) происхождения:

8) Триодь постная и цветная, сербская, 1328, Национальная библиотека Сербии, Белград, № 645 – далее *645*;

9) Триодь постная и цветная, сербская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.п.I.92 (утрачены листы, на которых содержались антифоны с шестого (второй тропарь) до одиннадцатого (предпоследний тропарь)) – далее *92*.

Кроме того, в результате компилирования разных редакций крестобогородичны могли не последовательно употребляться в составе одного или нескольких антифонов определенных списков. Всего нами были выявлены следующие 4 списка с не последовательным употреблением крестобогородичных:

1) Триодь постная и цветная (*Орбельская*), южнославянская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.п.I.102 [Црвенковска, Макаријоска, 2010. С. 306–310] – далее *Орб.* – крестобогородичны присутствуют во всех антифонах, за исключением антифона 8. Крестобогородичен, включенный в остальных списках в антифон 8, перемещен в антифон 7;

2) Триодь постная и цветная (*Загребская*), южнославянская, XIII в., Загребский Архив, Скопие, шифр IV d 107 [Црвенковска, 1999. С. 402–425] – далее *Загр.* – крестобогородичны присутствуют в антифонах с 3 до 14;

3) Триодь постная и цветная, XII–XIII вв., восточнославянская, Российский государственный архив древних актов, фонд 381, № 137 – далее *Киян.* – крестобогородичен есть только в антифоне 12;

4) Триодь постная и цветная, южнославянская, XIII в., Государственный исторический музей (Москва), собрание Хлудова, 133 – далее *133* – крестобогородичен есть только в антифоне 3.

Поскольку греческих соответствий данным тропарям установить не удалось, основной текст тропарей приводится по списку *147*, в целом, на наш взгляд, наименее загрязненному ошибками переписчиков. Вследствие отсутствия в данном списке листа, содержащего крестобогородичен антифона 15, данный тропарь приводится по списку *Син.* Основные разночтения между списками приводятся ниже. При описании разночтений не учитывались регулярные графические и фонетические варианты, а также перестановки слов в пределах двух слов, не приводящие к изменению смысла.

Тексты и разночтения крестобогородичных тропарей славянских списков

Антифон 1

Данный тропарь представлен в рукописной традиции в двух основных вариантах, соответствующих восточнославянской и южнославянской традициям соответственно. Главное различие между ними – пропуск фразы и мало *ѡтъ твою очю прѣдана* в южнославянской традиции и последовавшие за этим исправления и добавления текста:

сѣина ꙗко агньца видаѣши чистаѣа влѣкома и льстѣю зѣлоу предаѣма оубити за нѣи и мало вѣтъ твоѣю очѣю прѣдана нѣа вѣпинаше вѣ болѣзѣни зовоуѣши слово божѣе иже волею прѣданъ из мѣртвѣи хъ вѣскрьсѣ сѣпаси насъ

сѣина : нѣина 645] агньца : агница 645] чистаѣа : ти стаѣа *Усп.*] влѣкома : веѣкома *Орб.*] предаѣма оубити за нѣи : прѣданоу вѣити за нѣи и 92 : прѣноу вѣити за нѣи 645 : прѣдаѣма льстѣю зѣлимъ нѣта *Орб.*] и мало вѣтъ твоѣю очѣю прѣдана нѣа : от. 92=645=*Орб.*] прѣдана : ѿлоуѣчена *Фек.*] вѣ болѣзѣни : болѣзньно *Орб.*] зовоуѣши слово божѣе : зовоуѣши 92] прѣданъ : проданъ вѣистъ 92 : свежанъ вѣистъ и проданъ 645] вѣскрьсѣ : вѣскрьсе *Орб.* : от. 645] сѣпаси : помили *Усп.*

Антифон 2

Средняя часть данного краткого тропаря в южнославянской традиции имеет большое количество разночтений, связанных с контаминацией начального текста:

ꙗко оущедритъ аѣама ꙗко бесзмѣртнъ до смѣрти сѣине мои принде и не оущедрають бѣщадѣна моего иудѣи нѣ владѣко тѣи вѣставъ насъ слово оущедри

оущедритъ : оущедри тѣи 92 = 645] сѣине : сѣиноу *Фек.* = *Орб.* = 92 = 645] и не оущедрають бѣщадѣна моего иудѣи : и не оущедрають тебе ищедѣна моего иудѣи 92 : и не оушадѣють тебе ищедѣна моего иудѣи 645 : нѣ оущедри бѣщадѣна моего отъ иудѣи *Орб.*] слово : словѣ *Усп.* = *Син.* = *Фек.* = 645 = 92 : от. *Орб.*

Антифон 3

В отличие от предыдущих тропарей исходный вид текста, вероятно, лучше сохранился в южнославянской традиции, в то время как восточнославянская традиция воспроизводит контаминированный вариант с пропуском глагола провѣзгласи / прѣждепрорече и ошибочной заменой имени иудѣи на существительное людѣе:

рѣдающе христе рожьшина тѣа и глаголъ прѣдзвѣдаѣши иже дрѣвле смѣвнъ до конца вѣздыхашѣ беззаконьнии же людѣе тебе не вѣсхотѣша разоумѣти

прѣдзвѣдаѣши : прѣди видаѣше *Загр.* = *Орб.* = 133 : прѣдзвѣдоуѣши 92 = 645] дрѣвле : дрѣвѣ *Орб.* : прѣже *Фек.*] до конца : донца *Загр.* : от. 92 = 645] вѣздыхашѣ : вѣздыхаѣ прогла 92 : вѣздыхаѣ провѣзгласи 645 : прѣждепрорече вѣздыхашѣ *Орб.*] людѣе : иудѣа *Загр.* = 133 = 92 = 645 : иудѣи *Син.* = *Орб.*

Антифон 4

Не исключено, что исходный текст данного тропаря лучше сохранился в сербской традиции, поскольку именно в ней наиболее четко просматривается синтаксический параллелизм (см. ниже):

христоуѣбниство неправѣднѣ поучаеоме на та възпѣаше зѣраци христе богородице чистаѣ чѣсо ради оубо въ таковзѣхъ та видѣхъ осужена отъ июдѣи радѣма чюдесъ и акъи зѣлодѣѣа съ разбоиникѣма къ крѣстоу пригваждаема

христоуѣбниство : хѣ оѣбниство 92 = 645 = Орб.] неправѣднѣ : праведнѣ Загр.] поучаеоме : поучаемо са Загр.] зѣраци христе : зрѣци 645 : от. 92] чѣсо : чѣто Фек.] оубо въ таковзѣхъ : въ таковзѣхъ то 92 : въ таковзѣхъ те 645 : тако Загр.] видѣхъ осужена : виждоуѣ осуждаема 92 = 645 : видѣхъ христе боже всѣждена Орб.] радѣма чюдесъ и акъи зѣлодѣѣа : от. Син. : радѣма чюдесъ ѣако зѣлодѣѣа Загр. : чѣсо ради ѣако зѣлодѣѣа 92 = 645 : вдарѣма чюдесъ ради ѣако зѣлодѣѣа Орб.] съ разбоиникѣма : съ разбоиникъи та Хил. = Вос. = Син. = 148 = Фек. = Загр. : съ разбоиникъи 92 = 645 = Орб.

Антифон 5

Наличие ряда лексических вариантов свидетельствует о существовании двух различных редакций данного тропаря:

дѣньсѣ зѣраци творѣца тѣвари своѣхъ оученикѣхъ отълоучаема и ѣдиногѣ дѣржимѣ отъ июдѣи матерѣскѣи кричааше чистаѣ въ тебе съвѣдоуѣци ѣже прѣже чѣто страннѣе чюдѣо о како съиноу прѣзѣрѣ ма ѣже прѣже чистоу съхранивѣ ма

отълоучаема : лишѣма 92] и : от. 92 = Загр.] ѣдиногѣ : ѣдино Син.] июдѣи : жидѣвь Орб.] тебе : себѣ Фек. = 148 = Загр. = Орб. = 92 = 645] съвѣдоуѣци ѣже : съвѣдоуѣциѣ Фек.] страннѣе : страшнѣе Орб. = 92] прѣзѣрѣ ма : прѣма Загр.] прѣже чистоу : прѣчистоу Хил.] съхранивѣ : съхрани Орб.

Антифон 6

Большинство разночтений в тексте данного крестобогородична происходят из-за ошибок переписчиков. Существенные разночтения, возможно восходящие к различным редакциям, наблюдаются между сербским списком 645, с одной стороны, и всеми остальными списками, с другой:

господи съвѣдоуѣци рожѣшина та неиздреченѣно рожѣство възпѣаше къ распинальникомъ твоимъ аще и възплѣтѣса бесплѣтѣнъи не премѣни са ѣже бѣ чѣто оубо идѣсте оубити живота аще на дрѣвѣ възвѣсѣсте животъ подаѣти аще ли въ грѣбѣхъ отъсѣлете мѣртѣвѣца възставѣти дѣлѣготѣрѣ възкрѣсени покажи своѣ възкрѣсение възкрѣсивъи насъ чѣловѣколюбѣе слава тебе

неиздреченѣно рожѣство : неизреченѣе рожѣство Фек. = Загр. = Орб. : от. 645] распинальникомъ : распинителемъ 645 : распинаемъ Орб.] твоимъ : от. Фек. = Орб.] и : от. Син.] не премѣни са : не непрѣмѣни се 645 : неизмѣненъ съи Орб.] чѣто : како Фек.] идѣсте : приѣдѣсте Усп. = 645 = Орб.] аще : аще и 645 = Орб. : аще ли Фек.] възвѣсѣсте : възвѣситъ Орб. : възвѣстѣсте Хил. = Вос. =

148] подаетъ : въ подаетъ *Орб.*] отъсзаете : вѣмѣстите 645] въздвигнуть 645] покажи : и покажи 645] възскръсение : милосѣдїе 645] чловеколюбецъ : долготерпе *Фек.*

Антифон 7

В *Орб.* в данном антифоне употреблен крестобогородичен распинаема зраци, в большинстве списков включенный в антифон 8 и рассмотренный ниже. Анализ разночтений остальных списков свидетельствует о существовании двух редакций – списка 645 и остальных:

естьства оуставъ прешѣдъши распатию образа не разоумѣть тѣмъ же принесе ти слъзы любѣвьнѣна
боже възскръсни нѣинѣ и спаси ма

прешѣдъши : прѣвѣдъши възше 645] образа : оубо ѡбразъ 645] разоумѣть : раумѣ *Фек.*] любѣвьнѣна : покаианѣна 148] нѣинѣ : и нѣинѣ *Син.*: от. 645] ма : нѣи *Хил.* = *Син.*: нас 645

Антифон 8

Приводятся данные и для крестобогородична *Орб.*, включенного в антифон 7 (см. выше):
распинаема зраци ѡже отъ прѣчистѣиныхъ ложеи чистаѣ тѣ рожьши и болѣзнию приема про-
шадше радости отъ възскръсения твоего възпинаше къ тебѣ раздрѣши адьмово роукописание постра-
дати тѣшасѣ и спаси насъ ѡко чловеколюбецъ

ѡже отъ : ѡко отъ *Орб.*: и *Фек.*] прѣчистѣиныхъ : чистѣиныхъ *Син.* = *Вос.* = 148 = *Фек.* = *Загр.* = 645 = *Орб.*] чистаѣ : чиста *Загр.*: ти чистаѣ *Орб.*] рожьши : породъши 645] болѣзнию приема : болѣзнию приемлема *Хил.* = *Вос.* = *Син.* = *Фек.* = 148 = *Орб.*: болѣзнь приемле *Загр.*: болѣзнь неприемлюци 645] отъ възскръсения : отъ възскръшения *Фек.*: възскръсения *Загр.* = *Орб.*] възпинаше : възпинаше бо *Вос.* = 148 = *Загр.*: и възпинаше 645] раздрѣши : раздрѣшасѣ *Фек.*: раздрѣшивъ *Загр.*] адьмово роукописание : ме 645] пострадати : пострадавъ *Орб.*] тѣшасѣ : тѣшасѣсѣ *Фек.*: хотя и *Син.* = 645: хотя *Орб.*] чловеколюбецъ : благии чловеколюбецъ 645.

Антифон 9

За исключением варианта в конце тропаря в *Орб.*, возникшего по аналогии с другими тропарями антифона, между списками нет значительных разночтений, свидетельствующих о разных редакциях:

оужасаше сѣ видаци чистаѣ твое вольно пригвождение къ дрѣвоу и възпинаше христе оуцедри
твое милостивзи стадо

вольно : вольное *Фек.* = *Загр.* = *Орб.* = 645] и : от. *Загр.* = 645] възпинаше : вопише *Фек.*] твою милостивзи стадо : встави ма и въздамъ имъ *Орб.*] твою : свою *Усп.* = 645: от. *Син.*] милостивзи : милосѣдзи *Син.* = *Хил.* = *Усп.* = 645] стадо : спасе *Син.*

Антифон 10

В этом кратком тропаре за исключением вставки глагола в 645 тоже не присутствует существенных разночтений:

вѣстрасти рожьшина та за ны молить та помани чловѣколюбче вѣрою поющаа та

помани : помени и помилюи 645] поющаа : поющихъ Загр.: поющимъ 645

Антифон 11

Контаминация данного тропаря в Орб. и 92 приводит к существенным разночтениям:

животоу подателя и съмъртию обладающааго мати зъраци бездоушна мъртва на дрѣвѣхъ
взпинаше вижь тварь съболѣзнуиеть ми сѣноу нъ просвѣти са свѣте незаходимзи из мъртвзнихъ
исоусе яко тѣи еси отъче снание

животоу : живота Усп. = 645] зъраци : его зраци Орб.: и зрещи 645] съболѣзнуиеть ми сѣноу :
соболеуиеть сноу мои 645: съболѣзнуиеть сѣноу моли 92: съблзньнѣа нѣ тѣи ми сѣноу Орб.]
незаходимзи : незаходѣи Син.] тѣи : от. Син.] еси : от. Загр.] снание : снание и свѣтъ ми-
роу Орб.

Антифон 12

Начальная часть данного тропаря существенно контаминирована ошибками писцов, которые, однако, не свидетельствуют однозначно о наличии разных редакций:

беззаконноуиимъ ѿдинако коуестоуина пагоубо оубиннаа дѣва ѿже и мати възпикеть къ вамъ
се богъ плзть възпримзи се зѣмьнъ оубоживзи забвение страсть приемлетъ и силою движитъ
тварь расѣдається каменеи и зѣмля трасється църкѣ ризоу раздираетъ сѣлнѣе оужасаетъ са дерз-
новѣнниа оустѣдидетса непокоривии и васъ питѣвшѣаго разоумѣите

ѿдинако : ѿдина Загр.] пагоубо оубиннаа : пагоубо оубиннѣ Загр.: пагоубо оубиннаго 92:
пагоубѣнаа Син.] ѿже и : же и Киян. = 92: же Орб. = 645: от. Загр.] възпримзи : възпримѣи
645: възпримѣи Загр.: приемѣи Орб.] оубоживзи : оубживъ Загр. = 92 = Орб.: оубжение принимает
оубживи 645] забвение : забвение Син. = Усп. = Вос. = Хил. = 148 = Загр. = Киян. = Орб.: за-
бвение 92: забвению 645] оустѣдидетса : постидидетсе 92] васъ питѣвшѣаго : васъ питѣющѣаго
92: всѣ питѣвшѣаго Орб.: въспѣвшѣаго 645] разоумѣите : разоума Загр.: разоумѣите нечестивѣи
Орб.

Антифон 13

Отметим разночтения, восходящие, возможно, к разным редакциям, между сербскими списками, с одной стороны, и всеми остальными, с другой, а также большое число ошибок в списке Орб.:

давзи пророкѣи и законъ како подѣ законънѣимъ соудѣицьмъ сѣноу и боже безначальне хота
прѣстоиши како же ли та приимотъ адова цѣсарѣствѣна вѣсчѣскаа гѣретию дѣржащаго рече чистаа
зъраци висаща своєю волею вѣсѣмъртънааго

пророкѣ и законѣ : пророкѣ законѣ Фек. = Загр.: законѣ пророкѣи 92: прркомѣ законѣ Орб.] законѣиимѣ : незаконномѣ 92 = 645] сѣиноу и боже : сѣиноу божен Загр. = 92: сѣиноу божен и 645: сѣиноу божен мон Орб.] хота : како Орб.] прѣстоиши : прѣдѣстоиши Хил. = Фек. = 92 = 645 = Орб.] же ли та : же та Загр.: ли та 92 = 645] дѣржащаго : сѣдѣржащаго Вос. = Фек. = Загр.: удѣржащааго Усп. = Син. = 148 = 645] рече : глаголаше 92 = 645] висаща : та висаща 92 = 645: висима Фек. = Загр.: сѣина своего висаща Орб.] своею волею : волею Орб.: своеволеѣ Загр.] бесѣмьрътънааго : ѣдине бесмьрътъне 92 = 645.

Антифон 14

Наличие лексических вариантов указывает на существование различных редакций данного тропаря:

немалоу болѣзнь имааше чистаѣ при крѣстѣ стоящи и видащи пагоубо оубиства дѣръзновѣные и рѣданыемѣ нерасоудимымѣ оужасно плачущисѣ възпѣаше иже зѣмнѣиихъ немошь сѣвѣдзи господи слава тебе

и видащи : видащи Загр.: от. Орб.] пагоубо : пагоубно 645: пагоубнааго 148 : на пагоубѣ Орб.] оубиства : оубиство 645: оубиствнаго 92] дѣръзновѣные : дѣръзновениа 92: дѣръзновленно 645] нерасоудимымѣ : нерадимымѣ Син.: немальчымѣ 92 = 645] възпѣаше : и възпѣаше Фек.: възпѣа Хил.: глаголаше Усп. = Загр.] немошь : немощи 645: немощен Орб.

Антифон 15

Данный тропарь, завершающий цикл крестобогородичен, не содержит в себе, по крайней мере в дошедшем до нас виде, упоминаний о Богородице. Так как в списке 147 лист с данным тропарем отсутствует, текст приводится по Син.:

сѣвѣтило сѣи разоумѣа иссоусе чловеколюбче прѣвѣти сѣ въз людехъ твоихъ иже волею воубожава хота вѣтверсти ми ѣдемъ иже затвори аама прѣстоуплѣниемѣ дѣвѣле

твоихъ : от. Хил. = Вос. = 148 = Орб.] иже : от. Фек.] воубожава : оубожава Фек.: вбоубожава Орб. = 92 = 645] вѣтверсти : вѣтверсти ми Хил. = Вос. = 148] ѣдемъ : ѣдема Орб. = 92 = 645] аама : адамъ Фек. = Орб. = 92 = 645.

Результаты

Текстологический анализ приведенных выше тропарей показал следующее.

1. Несмотря на то, что нам пока не удалось найти соответствий данным тропарям в греческой книжности, вероятно, как конкретные тропари, так и сама структура антифонов, завершающихся крестобогородичным и богородичным восходит к византийской традиции. Об этом свидетельствует присутствие данного рода тропарей в триодях, наиболее последовательно отражающих византийскую традицию, и, наоборот, их отсутствие в триодях со значительной оригинальной славянской частью [Попов, 1985. С. 72–74], а также наличие собственно лексических вариантов-синонимов [Панин, 1995. С. 153–157] в разных славянских списках, появившихся, вероятно, при редактировании славянского текста по неизвест-

ному греческому оригиналу (см. *прѣвзгласи : прѣждепрорече* (Ант. 4); *отъзлочаема : лишаема*; *иудѣи : жидовѣ* (Ант. 5); *възставити : въздвигнети* (Ант. 6); *тѣща : хота* (Ант. 8); *рече : глаголаше* (Ант. 13); *въпинааше : глаголаше* (Ант. 14)).

2. Рассмотренные списки сохранили данные тропари в контаминированном виде со значительным количеством разночтений, в большинстве своем возникших в результате ошибок писцов. Анализ разночтений позволяет говорить о наличии для большинства тропарей двух редакций, восходящих к двум относительно независимым славянским протографам. Первая редакция присутствует во всех восточнославянских списках, за исключением *Киян.*, а также в *Загр.*; вторая – в сербских списках, *133* и *Киян.* Текст Орбельской триоды является компиляцией данных двух редакций. Отсутствие однозначного соответствия между регионом списка и представленной в нем редакцией дает основание предположить, что обе редакции возникли в одном регионе.

3. В отличие от обычных богородичных, сохранившиеся в ранних славянских списках крестобогородичны связаны как тематически, так и мелодически с прочими тропарями антифона. Подобно другим тропарям и читаемым вместе с ними Страстным Евангелиям, они последовательно излагают события Святых Страстей, передаваемых от лица страдающей Матери Божией: от ареста Христа (антифоны 1–5) до Распятия (антифоны 6–11), смерти на Кресте и Схождения в ад (антифоны 12–14). Многие крестобогородичны начинаются (см. антифон 5 (*дньсь*), антифон 8 (*да распзнети са – распинаема*)) или заканчиваются (см. антифон 3 (*беззаконнии же людие тебе не възхотѣша разоумѣти*), антифон 6 (*слава тебе*), антифон 7 (*и спаси ма*), антифон 8 (*пострадати тѣща и спасти насъ яко чловѣколюбець*), антифон 14 (*господи слава тебе*)) теми же словами, что и другие тропари конкретного антифона, что доказывает их изначальное предназначение для данного текста. Особенно интересны паронимии – антитезы в начале крестобогородична и предыдущего тропаря антифонов 12 (*закончуположници – беззакончуполющимъ*) и 14 (*малъ гласъ – немалоу волѣзнь*), свидетельствующие не только о поэтическом таланте их создателя, но и об изначальном включении крестобогородичных в цельную гармоничную поэтическую структуру произведения.

4. Необходимо подчеркнуть выдающиеся поэтические достоинства рассматриваемых тропарей, сочетающих в себе глубину и непосредственность лирического чувства с изысканностью риторической формы. Поэтическая структура крестобогородичен строится на сочетании:

- синтаксического параллелизма, например: *чесо ради въ такѣхъ то виждоу всоуджаема ѿ иудѣи чесо ради яко злодѣи съ разбонникзи къ кръстоу пригваждаема* (антифон 4 по списку 92), *аще и възплатиса бесплатынзи не премѣни са... аще на дрѣвѣ възвѣсисе животъ подаетъ аще ли въ гробѣ отъсзлете мъртвыца възставити* (антифон 6), *се богъ плзть възпримзи се земьнъ оубо живзи забвеноу* (антифон 12), *како подъ законънзимъ соудимъ сзиноу и боже безначальне хота прѣстоиши како же ли та примочуть адова цсарьствина вьсачьскаа гзрстиу държацаго* (антифон 13);
- однокоренных паронимических повторов находящихся в непосредственной близости слов, например: *яко безмъртънъ до сзмрти* (антифон 2), *зраци творьца твари* (антифон 5), *въскрьсни покажи свое възкрьсение възкръсивзи насъ* (антифон 6), *отъ прѣчистънихъ ложенъ чистаа* (антифон 8);

- лексических повторов ключевых для данного тропаря слов, например троекратные повторы глагола *прѣдати* в антифоне 1 и глагола *оуцѣдрити* в антифоне 2 и т. д.;
- центральной для образной системы как крестобогородичен, так и всех Антифонов антитезы всесильного Бога и страдающего Человека, которую можно наблюдать и в приведенных выше контекстах.

В целом поэтическая структура крестобогородичен соответствует поэтике прочих тропарей Антифонов, рассмотренной нами ранее [Борисова, 2019], и может свидетельствовать в пользу общего авторства данных текстов.

Заключение

Итак, проведенный нами текстологический анализ свидетельствует в пользу византийского происхождения крестобогородичных тропарей Антифонов Великой Пятницы, переведенных при составлении одной из ранних редакций церковнославянской триоди (вероятно, Преславской редакции). Присутствие части из данных тропарей в ранних болгарских и сербских списках доказывает южнославянское происхождение данного перевода, а также его редакции, использованной в сербских списках. Несмотря на это, последовательное включение крестобогородичен в текст антифонов закрепилось именно в восточнославянской традиции, южнославянские же списки под влиянием другого – вероятно, более раннего – славянского перевода без крестобогородичен в большинстве своем употребляют их непоследовательно, а после Афонской sprawy в принципе исключают из текста Антифонов. Несмотря на отсутствие в греческих описанных рукописных источниках и изданиях данных тропарей, их выдающиеся художественные достоинства и соотнесенность с общей художественной структурой Антифонов свидетельствуют в пользу того, что они, в отличие от обычных богородичен, изначально входили в данный цикл. Тем не менее мы не можем полностью исключить и вероятность того, что данные тропари были добавлены в текст позднее, однако, несомненно, они изначально создавались для данного произведения, копируя его язык и стилистику. В любом случае славянская традиция донесла до нас неизвестный шедевр византийской гимнографии, не сохранившийся в современном богослужении и не зафиксированный на настоящий момент в греческой рукописной традиции. Надеемся, что будущие открытия в византийской книжности прольют свет на историю данного текста и на начальные этапы византийско-славянского культурного и языкового переноса.

Список литературы / References

- Борисова Т. С.** Диахронный аспект в изучении поэтики церковнославянских переводных гимнографических текстов // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2019. № 3 (180). С. 175–180.
- Borisova, T. S.** Diakhronny aspect v izuchenii poetiki tserkovnoslavianskikh perevodnukh gimnograficheskikh tekstov [Diachronic aspect in the study of the Poetics of the Church Slavonic translated hymnographic texts]. *Ucheniye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, vol. 3 (180), p. 175–180. (in Russ.)
- Казанцева Т. Г.** Певческие рукописи Забайкальского территориального собрания Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук. Каталог. Новосибирск, 2009. 216 с.
- Kazantseva, T. G.** Pevcheskie rukopisi Zabajkal'skogo territorial'nogo sobraniya Gosudarstvennoy publichnoy nauchno-tekhnicheskoy biblioteki Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Katalog [Singing manuscripts of Zabajkalsk local collection of the State Public

Scientific and Technical Library of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. Catalogue]. Novosibirsk, 2009, 216 p. (in Russ.)

Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 218 с.

Panin, L. G. Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya [History of Church Slavonic language and linguistic textology]. Novosibirsk, NSU Publ., 1995, 218 p. (in Russ.)

Попов Г. Триодни произведения на Константин Преславски. София: Изд-во Болг. Академии наук, 1985. 621 с.

Popov, G. Triodni proizvedeniya na Konstantin Preslavski [Triodion Compositions by the Constantine of Preslav]. Sofia, 1985, 621 p. (in Russ.)

Попов Г. Проблеми на химнографското творчество на Климент Охридски (Към въпроса за пентикостарния състав на староизводните славянски троиди) // *Paleobulgarica*. 2008. Т. 32, № 2. С. 3–58.

Popov, G. Problemi na khimnografskoto tvorchestvo na Kliment Okhridski (Kŭm vŭprosa za pentikostarniya sŭstav na staroizvodnite slavyanski troidi) [Problems of the Hymnographic Work of Clement of Ohrid (on the Question about the Pentecostarion Composition of Old Slavonic Triodion)]. *Paleobulgarica*, 2008, vol. 32, no. 2, p. 3–58. (in Bulg.)

Црвенковска Э. Загребски Триод. Скопје, 1999. 496 с. (Сер.: Стари текстови. Т. 7.)

Tsrvenkovska, E. Zagrepski Triod' [The Zagreb Triodion]. Skopje, 1999. 496 p. (Ser.: Stari tekstovi [Old Texts], vol. 7) (in Maced.)

Црвенковска Э., Макаријоска Л. Орбелски Триод. Скопје, 2010. 394 с. (Сер.: Стари текстови. Т. 10)

Crvenkovska, E., Makarijoska, L. Orbelski Triod' [The Orbele Triodion]. Skopje, 2010, 394 p. (Ser.: Stari tekstovi [Old Texts], vol. 10) (in Maced.)

Borisova, T. S. The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition. In: *Fragmenta Hellinoslavica*. Thessaloniki, 2018, vol. 5, p. 57–82.

Jakobson, R. Fragmenta Chiliandarica Paleoslavica. A. Sticherarium. Copenhagen, 1957. (Ser.: Monumenta Musicae Byzantinae. Vol. 5)

Javier, F. Πάθος και Ανάστασις: Ιστορική εξέλιξη της Βυζαντινής υμνογραφίας της Μεγάλης Βδομάδας και της Εβδομάδας της Διακαινησίμου. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2007. 540 с.

Javier, F. Pathos kai Anastasis: Istoriki exelixa tis Vyzantinis Ymnografias tis Megalis Vdomadas kai tis Evdomadas tis Diakainisimou [Passion and Resurrection: Historical development of the Byzantine hymnography of the Great and Holy Week and the Easter Week], PhD Thesis. Thessaloniki, 2007, 540 p. (in Greek)

Παπαδοπούλου-Κεραμέως, Α. Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. Τ. Β'. Εν Πετρούπολει, 1897. 541 с.

Papadopoulou-Kerameos, A. Analekta Ierosolimitikis stakhiologias [Analects of Jerusalem Reader]. Vol. 2. Saint Petersburg, 1987, 541 p. (in Greek)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.02.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Борисова Татьяна Станиславовна, кандидат филологических наук, Ph.D. «Византийская филология», научный сотрудник отделения русской филологии и славяноведения Афинского национального университета им. Каподистрии (ул. Панепистимиу, 30, Афины 10679, Греция)

Tatiana S. Borisova, Candidate of Sci. (Philology), PhD “Byzantine Philology”, scientific collaborator at the Faculty of Russian Language, Philology and Slavic Studies at the National and Kapodistrian University of Athens (30 Panepistimiou Str., Athens, 10679, Greece)

borisova@slavstud.uoa.gr

tatianaborissova@gmail.com

УДК 81'13 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-27-45

Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма “A Beautiful Mind”)

С. Г. Лебедева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию идиолекта американского математика путем анализа прямой речи главного героя фильма “A Beautiful Mind”. Стилизованный идиолект ученого в кинотексте имеет многоплановый исследовательский потенциал: данная модельная языковая личность тяготеет не столько к своему прототипу, сколько к стереотипу языковой личности ученого-математика среди носителей американского английского. В исследовании использовалась лингвостатистическая методология на основе подсчета частоты словоупотреблений с помощью программы TextSTAT с последующим сравнением результатов с частотой начальных форм слов в Корпусе “COCA”. Это позволило объективно оценить степень отклонения лексикона стилизованного идиолекта ученого-математика от лексикона средней условной языковой личности носителя американского английского языка. Ассоциативно-вербальный анализ главного слова в словосочетании “A Beautiful Mind”, являющегося художественной кодировкой концепта *SCIENTIST* в исследуемом дискурсе, позволил локализовать ассоциативно-семантические поля концепта *MIND* в массовом сознании носителей английского языка и задать основные направления структурирования ассоциативно-семантических полей лексикона американского ученого. Классификация лексического наполнения ассоциативно-семантического поля “Professional communication” (термины, профессионализмы, жаргонизмы, номенклатура), изучение количественных соотношений данных групп лексики и их контекстуальных связей выявило специфические научные интересы исследуемой личности; ее обособленность в коллективе и девиантность речевого поведения. Анализ контекстуальных связей лексических единиц ассоциативно-семантического поля “Cognition” (существительные: *work, number, solutions, problems, choice, time, class, book, discovery, reason, love, bicycle*; глаголы: *to work, to solve, to imagine, to win, to lose, to break*) показал, что главной ценностью исследуемой личности является познавательный процесс, заключающийся в числовых решениях задач, с целью определить причинно-следственные связи явлений действительности. Эти решения не только мыслятся, но и воображаются, в познавательный процесс вовлечены чувства. Множественность решения обуславливает важность выбора. Структурирующие лексикон героя ассоциативно-семантические поля взаимосвязаны. В зонах их пересечения находятся лексические единицы *love* и *bicycle*, несущие информацию имплицитно, образуя символы, связывающие в сознании исследуемой языковой личности ряды разнородных понятий.

Ключевые слова

лингвостатистические методы, языковая личность, профессиональный идиолект, идиолектная девиантность, лексикон, ассоциативно-семантическое поле, кинодиалог

Благодарности

Автор выражает благодарность канд. филол. наук В. В. Коротеевой за плодотворное обсуждение и ценные замечания по сути данного исследования.

Для цитирования

Лебедева С. Г. Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма “A Beautiful Mind”) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 27–45. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-27-45

Linguostatistic and Associative Verbal Parameters of an American Mathematician's Idiolect (Based on the Dialogue of the Film *A Beautiful Mind*)

Svetlana G. Lebedeva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The study is focused on an American mathematician's idiolect by analysis of the protagonist's direct speech in the film *A Beautiful Mind*. The ideal scientist's generalized image followed by the stylization of his idiolect contains the research capacity: this modelled language personality refers not only and not so much to its prototype, but to the stereotype of a mathematician's idiolect circulated to American English speakers. The study was done by the methodology based on counting the word frequency by using software TextSTAT and comparing the results with the word frequency in the Corpus of Contemporary American English to assess the degree of deviation of the mathematician's stylized lexicon from an average American English native speaker's lexicon objectively. The associative semantic analysis of the studied personality's main metonymic characteristic expressed by the phrase "A Beautiful Mind" located the associative semantic fields of the concept *MIND* in the native English speakers' mass consciousness and set the main directions to research the associative semantic fields of the American mathematician's general lexicon as follows: "Cognition", "Mental condition" and "Eccentricity". The further research is focused on the scientist's vocabulary which is directly related to his professional activity. The structuring the field "Professional communication" (terms, professional slang, jargonisms, nomenclature), studying the quantitative ratios of these vocabulary groups and their contextual links revealed the specific scientific interests, isolation in a team and deviant language behavior. The analysis of the field "Cognition" indicated several nouns and verbs (*work, time, number, to work, to win, to lose* and others) as its semantic center. The research of their contextual links showed that the language personality's main value is a dedicated cognitive process consisting in numerical solutions of problems to determine the causal relationships of reality. The solutions are not only thought, but imagined; feelings are also involved in the cognitive process. Multiplicity of solution makes choice important. The associative semantic fields structuring the mathematician's lexicon are interrelated. There are lexical units (*love, bicycle*) that carry information in the intersections of the fields implicitly. Such lexical units form symbols which connect the series of heterogeneous concepts in the studied language personality's mind.

Keywords

Statistical linguistic methods, language personality, professional idiolect, lexicon, associative semantic field, film dialogue.

Acknowledgements

The author would like to show her gratitude to V. V. Koroteeva for the fruitful discussion and valuable comments on the essence of the study.

For citation

Lebedeva, Svetlana G. Linguostatistic and Associative Verbal Parameters of an American Mathematician's Idiolect (Based on the Dialogue of the Film *A Beautiful Mind*). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 27–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-27-45

Введение

Изучение идиолекта профессионального деятеля способствует как раскрытию его языковой картины мира, так и реконструкции языковой модели поведения. Данное исследование идиолекта американского ученого-математика представляет собой анализ ассоциативно-вербальных параметров понятия "А (Beautiful) Mind" как главной метонимической характеристики личности ученого-математика в исследуемом кинотексте и анализ профессионального лексикона ученого-математика, а именно ассоциативно-семантических полей "Professional communication" и "Cognition". Реализованная в исследовании лингвостатистическая методология позволяет на основе объективных данных, а не оценочных суждений, делать выводы о степени отклонения лексикона стилизованного идиолекта ученого-математика от лексикона средней условной (называемой иногда виртуальной) языковой личности носителя американского английского языка. Упомянутая лингвостатистическая методология представляет собой количественный анализ лексикона языковой личности через подсчет час-

тоты словоупотреблений с помощью программы TextSTAT и сравнение результатов с частотой начальных форм данных слов в Корпусе современного американского английского “CO-SA”.

Целью работы является исследование идиолекта американского ученого-математика, главного героя фильма “A Beautiful Mind”.

Объектами данного исследования являются:

1) представление языковой личности ученого-математика через понятие “a (beautiful) mind” в современном английском языке при помощи интернет-ресурса “Word associations network”;

2) художественная репрезентация идиолекта математика в кинотексте “A Beautiful Mind”.

Предметом исследования является общенаучный, математический и общекультурный лексикон данной языковой личности.

Идиолект профессионального деятеля в современной коммуникативистике

Понятие профессионального идиолекта в современной коммуникативистике выводится из понятия языковой личности в целом. Е. И. Голованова определяет профессиональный идиолект или профессиональную языковую личность как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [2010. С. 263] Е. И. Голованова выявила содержание и определила структуру категории профессионального деятеля, проанализировала концепт *ПРОФЕССИЯ*, из которого следует, что профессия – одно из проявлений сущностных свойств языковой личности. Согласно Е. И. Головановой, основу вербально-семантического уровня или лексикона профессиональной языковой личности составляют лексические единицы ассоциативно-семантического поля профессиональной коммуникации, структурированные следующим образом:

- 1) ядро – терминология;
- 2) околоядерная зона – профессионализмы;
- 3) околопериферийная зона – жаргонизмы;
- 4) периферия – номенклатурные единицы [Голованова, 2004. С. 6].

Данный методологический подход принципиально совпадает с методологией Ю. Н. Караулова и его последователей: языки профессиональной коммуникации Е. И. Голованова рассматривает как когнитивно-коммуникативные пространства, полагая термины главным средством концептуальной ориентации.

С. В. Мыскин определяет профессиональный идиолект или профессиональную языковую личность как «индивидуально-социальное явление, формирование которого обусловлено ее профессиональным самоопределением, т. е. процессом поиска субъектом личностного смысла в трудовой деятельности» [2013. С. 154] С. В. Мыскин выявил четыре аспекта изучения профессиональной языковой личности: психологический, деятельностный, социальный и лингвистический. Исходя из трехуровневой структуры языковой личности по Ю. Н. Караулову, исследователь выделил следующие уровни профессиональной языковой личности:

«а) коммуникативно-компетентностный – совокупность выработанных умений осуществлять профессиональное общение в соответствии с потребностями коммуникативной ситуации и целями профессиональной деятельности;

б) лингвокогнитивный – представлен профессиональной картиной мира, выраженной тезаурусом, а также образом профессионального мира субъекта, характеризующим отнесенность его к отдельной профессиональной группе;

в) мотивационный – система побудительных факторов, обуславливающих пристрастность языкового профессионального сознания субъекта в отражении объективного мира труда в соответствии с личностными смыслами».

Методологический подход С. В. Мыскина полагает первоочередной целью изучение взаимосвязи субъекта с объективной профессиональной действительностью, «Я-самоопределение» специалиста в процессе профессионального взаимодействия.

По мнению автора настоящей работы, идиолект профессионального деятеля – это, с одной стороны, общие для представителей определенной профессии профессиональные сведения, взгляды и ценности, выраженные в языковых единицах, ассоциативно-семантическое ядро которых составляют термины, профессионализмы и номенклатура; с другой стороны, профессиональный идиолект – это собирательный тип языковой личности, обозначающий принадлежность к определенной профессиональной субкультуре, символ данной общности для представителей других общностей.

Методы исследования

В процессе работы лексикон исследуемой языковой личности был подвергнут количественному, структурно-семантическому и контекстуальному анализу.

Количественный метод данного исследования заключался в следующем. Вся прямая речь героя была обработана программой “TextSTAT”¹. Результатом явился полный список начальных форм слов с количеством их употреблений или абсолютной частотой. Относительная частота словоупотреблений рассчитывалась по формуле: $r = f/t$, где r – относительная частота, f – абсолютная частота, t – общее количество словоупотреблений в прямой речи героя фильма ($t = 3\,730$). Этот список был сопоставлен с первыми 5 000 слов Корпуса “СОСА”² (далее – Корпус), для которого относительная частота словоупотреблений была рассчитана аналогично (за общее количество словоупотреблений в Корпусе была взята цифра 450 000 000 с его официального сайта³).

Это позволило оценить количественное отклонение лексикона героя, или идиолектную девиантность, от средне-условного лексикона носителя языка в пределах первых 5 000 самых частотных слов Корпуса. Данное отклонение было рассчитано по формуле: $d = r/r_2$, где d – отклонение лексикона героя, r – относительная частота употребления слова в прямой речи героя, r_2 – относительная частота употребления слова в Корпусе. Сортировка данных в процентном формате позволила увидеть лексический контент, отклоняющийся от среднего в большую ($> 100\%$) и меньшую ($< 100\%$) сторону. Именно эти слова позволили увидеть своеобразие лексикона исследуемой языковой личности. Из этого списка анализировались лексические единицы, встречающиеся в прямой речи главного героя кинотекста не менее 3 раз, их общая совокупность покрывает 78 % высказываний исследуемой личности. Исключением стал анализ ассоциативно-семантического поля “Professional communication”, где были проанализированы все входящие в данное поле слова.

Характеристика исследованного материала

В работе анализировалась прямая речь главного героя фильма и все сцены фильма с его участием: 61 киноконтекст, около 500 предложений, около 3 730 словоупотреблений 890 лексических единиц.

Кинотекст “A Beautiful Mind” – это биографическая кинодрама о жизни Нобелевского лауреата Джона Нэша, снятая Роном Ховардом в 2001 г. Фильм стал одной из наиболее известных попыток художественного воплощения профессиональной языковой личности американского ученого-математика. В силу массовой природы киноискусства созданный в этом фильме образ математика является идеальным образом выдающегося ученого, а его речь – стилизацией языка профессиональной личности. Собирательность образа и стилизация его

¹ <http://neon.niederlandistik.fu-berlin.de/textstat/> (дата обращения 22.08.2018).

² Corpus of Contemporary American English. <https://www.wordfrequency.info/top5000.asp> (дата обращения 09.11.2018).

³ URL: <https://www.wordfrequency.info/free.asp> (дата обращения 27.10.2017).

идиолекта включает в себе многоплановый исследовательский потенциал: не будучи реальной языковой личностью, данная модельная языковая личность тяготеет не только и не столько к своему прототипу, сколько к стереотипу профессиональной языковой личности ученого-математика в широком кругу носителей американского английского.

Представление идиолекта ученого-математика через ассоциативно-семантический анализ понятия “Mind”

Успех фильма (кассовые сборы составили 170 млн долларов в США, 142 млн долларов за пределами США) показал как убедительность образа ученого-математика в целом, так и убедительность его стилизованного идиолекта для широкой аудитории носителей американского английского, в частности. Исходя из коммуникативной природы кинематографа, одним из главных условий успешности кинотекста должно быть соответствие его содержания тем представлениям о предмете, которые свойственны массовому сознанию, а художественная кодировка материала должна удовлетворять ожиданиям и возможностям потенциальных интерпретаторов. Художественная кодировка личности американского математика Джона Нэша в исследуемом материале представлена словосочетанием “a beautiful mind”, которое является названием фильма и метонимической характеристикой личности главного героя. Метонимия “mind” здесь замещает смежные понятия “thinker”, “scientist”, “mathematician”, кем и является герой, в прямой речи которого эти слова отсутствуют, в отличие от существительного “mind”, ($f = 6$, r примерно в 8,5 раза превышает среднюю), следовательно, понятие “mind” активировано в сознании героя. Совокупность ассоциативных реакций на существительное “mind” показывает предполагаемый отклик на данную кодировку в массовом сознании носителей языка. Анализ ассоциативных реакций и выявление ассоциативно-семантических полей позволяет увидеть контуры концепта *MIND* в массовом сознании носителей языка, которым этот фильм был адресован, и задать примерные направления дальнейшего научного поиска в исследовании лексикона языковой личности героя фильма.

Рассмотрим данные ассоциативного словаря “Word associations network”⁴ на стимул “mind”, выбрав по пять самых частотных ассоциаций среди существительных, прилагательных и глаголов.

Существительные: 1. Asking – обращение с вопросом; 2. Sancho – Санчо (Панса), прецедентное имя; 3. Quixote – (Дон) Кихот, прецедентное имя; 4. Thinking – мышление, размышление, суждение; 5. Mint – ассоциируется как часть словосочетания «mint for mind», означающее «свежее осмысление» или «переосмысление».

Среди первых 5 существительных мы видим:

1) три отглагольных: “asking”, “thinking” и “mint” (последнее в переносном значении «переосмысление»). Все они имеют непосредственное отношение к умственной деятельности. При этом понятие “mind” в первую очередь ассоциируется с постановкой вопроса (“asking”) и уже после – с мыслительным процессом (“thinking”) и переосмыслением (“mint”);

2) два прецедентных имени – главные герои романа Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» Санчо Панса и Дон Кихот: понятие “mind” ассоциируется с образами двух широко известных эксцентриков.

Прилагательные: 1. Feeble (mind) – скудоумие, умственная отсталость; 2. Sane (mind) – психическое здоровье; 3. Business (mind) – деловой склад ума, деловая хватка; 4. Inquiring (mind) – проникательный, пытливый ум; 5. Conscious (mind) – рассудок, сознающий разум, активное сознание.

Прилагательные дают возможность восстановить словосочетания «прилагательное + существительное» и оценить основные качественные характеристики концепта *MIND* в массовом сознании носителей языка. Две самые частотные ассоциации связаны с темой ментального здоровья: это антонимическая пара “feeble (mind)” – “sane (mind)”. За ними следует

⁴ URL: <https://wordassociations.net/en/words-associated-with/mind?start=0> (дата обращения 10.11.2018).

“business (mind)”, “inquiring (mind)” и “conscious (mind)”. Отсюда мы можем предположить, что в массовом сознании ментальное здоровье оказывается теснее связано с концептом *MIND*, чем деловая хватка, успешная умственная деятельность или выдающиеся мыслительные способности.

Глаголы: 1. To flash – вспыхивать, озарять; 2. To mend – ассоциируется как часть словосочетания “to mend the mind”, означает «исцелять разум»; 3. To wit – устар. ведать, знать, узнать; 4. To probe – исследовать, прощупывать, опробовать; 5. To conjure – показывать фокусы, колдовать, заниматься магией, вызывать в воображении.

Анализ глаголов показывает следующее: на первое место здесь помещается такое качество разума, как возможность постигать что-либо внезапно, путем озарения “to flash through the mind”. “To mend” – на втором месте – вновь отсылает нас к важности ментального здоровья. Следующие две глагольные ассоциации – устаревшее “to wit” и “to probe” – лежат в ассоциативно-семантическом поле, которое условно можно назвать “Cognition”. Интересна пятая глагольная ассоциация “to conjure”: посредством этого глагола понятие “mind” – ассоциативно связано с понятиями “imagination” и “magical”, т. е. как с областью воображаемого, так и с областью потустороннего и непознанного.

Сгруппируем ассоциации по ассоциативно-семантическим полям с учетом их уровней частотности. Самое большое – ассоциативно-семантическое поле “Cognition” (asking, to flash, to wit, thinking, inquiring, to probe, mind, conscious mind; индекс частотности 1–5⁵). Поле “Mental condition” (feeble mind, sane mind; индекс частотности 1–2) количественно не так велико, однако лексические единицы этого поля имеют большую частотность. Поле с условным названием “Eccentricity” (Sancho, Quixote, to conjure; индекс частотности 2–5) имеет существенную частотность. Поле “Practical activity” представлено всего одной позицией (Business mind, индекс частотности 3). Это позволяет сделать выводы о том, что в сознании среднего носителя языка слово “mind” в первую очередь связано с познавательной деятельностью, по сравнению с которой практическая деятельность оказывается на относительной периферии. Большую роль в познавательной деятельности играет воображение. Герои, живущие воображением, относятся к типу чудаков, однако добрых и вполне безобидных. Слово “mind” в сознании среднего носителя современного английского языка также имеет прямую связь с проблемой душевного здоровья, которое, пожалуй, ценится выше, чем возможные успехи на поле познания.

Таким образом, в массовом сознании носителей языка концепт *MIND* включает в себя ассоциативно-семантические поля, которые можно условно назвать “Cognition” (количественно лидирует), “Mental condition”, “Eccentricity” и “Practical activity”. Самое большое поле “Cognition” напрямую отсылает к профессиональной деятельности ученого.

Тот факт, что среди самых частотных ассоциаций на художественную кодировку личности главного героя фильма “mind” превалируют лексические единицы, семантически тяготеющие к ассоциативному полю “Cognition”, свидетельствует о том, что данный кинодиалог и кинотекст в целом сфокусированы на проблемах профессиональной жизни главного героя, прямая речь которого призвана отображать профессиональную языковую личность ученого.

Таким образом, мы видим, что ассоциативно-семантические поля “Cognition”, “Mental condition” и “Eccentricity” с наибольшей частотой отражают лексико-семантическое наполнение концепта *MIND*, служащего художественной кодировкой понятия “scientist” в исследуемом дискурсе. В дальнейшем исследовании данные ассоциативно-семантические поля были взяты за гипотетические направления структурирования общекультурного лексикона ученого-математика.

⁵ Индекс частотности лексических единиц означает: 1 – наибольшую частоту, 5 – наименьшую частоту в выборке.

Анализ ассоциативно-семантического поля “Professional communication”

За основу лексикона исследуемой профессиональной языковой личности было взято ассоциативно-семантическое поле “Professional communication” (табл. 1), куда вошли все термины, профессионализмы, жаргонизмы и номенклатурные единицы из прямой речи героя без учета их частотности в дискурсе. Это связано с тем, что самые частотные слова прямой речи героя не на 100 % освещают его профессиональный лексикон по причине того, что кинематографическое моделирование данной языковой личности не имело основной задачей показать узкоспециальную сферу деятельности математика.

В табл. 1 приведены количественные параметры всех лексических единиц поля “Professional communication”, структурированные по подразделам в привязке к данным Корпуса; единицы, образующие словосочетания, даны в последовательности прилагательное + существительное; в конце каждого подраздела приведены его суммарные процентные доли как в данном поле, так и в прямой речи героя в целом.

Предварительный анализ идиолекта героя показал, что именно профессиональная лексика является одним из главных маркеров его языковой девиантности: 63% профессионального словаря героя вообще не входит в 5000 самых употребительных слов американского английского. Оставшаяся часть (37%) профессиональной лексики имеет пересечения с первыми 5000 словами Корпуса, однако их относительная частота от 1,4 (*field*) до 68 (*dynamics*) раз выше, чем в среднем по Корпусу.

Проанализируем поле “Professional communication”, двигаясь по направлению от ядра к периферии.

Ядерную зону здесь составляют термины. В лексиконе исследуемой профессиональной языковой личности, за исключением 2 слов (*mathematics*, *mathematical*), термины представляют собой словосочетания: *governing dynamics* ($f = 4$), *manifold embedding* ($f = 2$), *multivariable calculus*, *non-linear equations*, *non-singular event*, *patterned reoccurrence*, *rational function*, *rational value*, *relativistic exploration*, *refractive faces*, *Riemann hypothesis*, *vector fields*, *wavelength dispersal*, *Riemann Zeta function*.

Во-первых, самые частотные термины сужают поле главных научных интересов героя: это динамика управления и вложение многообразий. Во-вторых, обилие терминов в речи героя является главным показателем его профессиональной принадлежности – математик. Доля терминов среди всей профессиональной лексики оказывается самой большой – 46 %.

Следующая зона поля профессиональной коммуникации – профессионализмы и жаргонизмы. Профессионализмы – слова или выражения, свойственные речи представителей той или иной профессиональной группы, просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов, их неофициальные заменители в речи лиц, связанных по профессии [Русский язык..., 1997. С. 375] Жаргонизмы – экспрессивно переосмысленная лексика, являющаяся принадлежностью социальных и профессиональных групп людей [Там же. С. 123] В исследуемом идиолекте профессионализмов не так много: *classified* (засекреченный, $f = 2$), *paper* (научная работа, $f = 2$), *doctorate* (докторская диссертация). Жаргонизмов еще меньше: *derivative drivel* (банальная работа), *scholar of trivia* (недоучка). Совокупная доля профессионализмов и жаргонизмов среди всей профессиональной лексики – 11 %.

Профессионализмы и жаргонизмы являются маркерами неформальных коммуникативных контактов на профессиональном поле. Совокупное количество профессионализмов и жаргонизмов оказывается примерно в четыре раза меньше как терминов, так и номенклатурных единиц, что косвенно свидетельствует о том, что непосредственные контакты с коллегами у исследуемой профессиональной языковой личности затруднены. Другими словами, сравнительно небольшое количество профессионализмов в речи героя свидетельствует о том, что в коллективный рабочий процесс он включен слабо и не мыслит себя членом профессиональной группы. Повышенная частотность слов *paper* ($f = 2$, r примерно в 3 раза превышает среднюю) и *classified* ($f = 2$, r примерно в 5 раз превышает среднюю) говорит о том, что в сфере непосредственных профессиональных контактов для героя самым важным является написание работы и секретный характер своей деятельности.

Таблица 1

Частотное поведение единиц ассоциативно-семантического поля
Professional communication

Table 1

The Frequency Behavior of the Lexical Units Referring to Associative-Semantic Field
Professional communication

Lexical Units	Source Text Frequency	Source Text Rate	Corpus Frequency	Corpus Rate	Deviation, %	Source Text Rate, %
Термины						
mathematics	1	0,0003	6828	0,0000	1766,42	0,03
mathematical	1	0,0003				0,03
governing	4	0,0011				0,11
dynamics	4	0,0011	7084	0,0000	6810,34	0,11
manifold	2	0,0005				0,05
embedding	2	0,0005				0,05
multivariable	1	0,0003				0,03
calculus	1	0,0003				0,03
non-linear	1	0,0003				0,03
equations	1	0,0003	7372	0,0000	1636,07	0,03
non-singular	1	0,0003				0,03
event	1	0,0003	75559	0,0002	159,63	0,03
patterned	1	0,0003				0,03
reoccurrence	1	0,0003				0,03
rational	1	0,0003	5941	0,0000	2030,15	0,03
function	1	0,0003	28011	0,0001	430,58	0,03
rational	1	0,0003	5941	0,0000	2030,15	0,03
value	1	0,0003	82942	0,0002	145,42	0,03
relativistic	1	0,0003				0,03
exploration	1	0,0003	7294	0,0000	1653,57	0,03
refractive	1	0,0003				0,03

Периферию ассоциативно-семантического поля профессиональной коммуникации составляет номенклатура. Номенклатура – перечень, совокупность названий, употребляемых в какой-либо отрасли науки. К номенклатурным единицам лексикона профессиональной языковой личности относятся следующие слова: *algorithm, data, cipher, equation, equilibrium, miscalculation, number, prevalence, problem, proof, singularity, solution, space-time, theory, value, variable*. Примерно половину (15 из 31) общего числа словоупотреблений здесь дают следующие слова: *number* – число ($f = 6$), *problem* – задача ($f = 5$), *solution* – решение ($f = 4$). Они обозначают профессиональную рутину героя – числовое решение задач. Доля номенклатуры среди всей профессиональной лексики составляет 43 %.

Таким образом, термины уточняют область специфических научных интересов героя. Сравнительно небольшое количество профессионализмов показывает, что герой не мыслит себя членом специфической профессиональной группы. Номенклатурные единицы определяют содержание научной рутины героя.

В речевом поведении исследуемой профессиональной языковой личности ученого область применения лексических средств профессиональной коммуникации не ограничивается коммуникативным полем научного сообщества. Независимо от ситуации общения, данная личность оперирует не только терминами и номенклатурой, но также существительными, обозначающими абстрактные понятия, глаголами, описывающими отвлеченные действия, прилагательными, призванными вносить уточнения. Все это порождает многочисленные стилистические отклонения, создает впечатление академической избыточности речи. Например, в сцене с Алисией в ресторане свое предложение руки и сердца герой начинает вопросом: *“Alicia, does our relationship warrant long-term commitment? 'Cause I need some kind of proof, some kind of verifiable, empirical data”* [00:50:46]. Стилистика вопроса выявляет в нем взгляд на отношения как на оценку перспектив научного проекта, а не предложение руки и сердца.

Его высказывания не вписываются в каноны эмоционального интеллекта, а характеризуются четким логическим оформлением причин и следствий. Вероятно поэтому, союз *if*, вводящий придаточное условия, встречается в речи героя в 2,3 раза чаще, а союз *because*, вводящий придаточное причины, – в 3 раза чаще, чем в среднем в Корпусе. *“Adam Smith needs revision. If we all go for the blonde, we block each other. Not a single one of us is gonna get her. So then we go for her friends, but they will all give us the cold shoulder... because nobody likes to be second choice. Well, what if no one goes for the blonde? We don't get in each other's way, and we don't insult the other girls. That's the only way we win”* [00:20:05]. Помимо этого, реплики Нэша, как правило, длиннее реплик его собеседников, что позволяет сделать вывод о склонности данной языковой личности к монологу.

Недостаточность неформальных профессиональных контактов, на которую указывает дефицит профессионализмов, с одной стороны, и академическая избыточность разговорно-бытовой речи, с другой стороны, позволяют сделать вывод о девиантности речевого поведения исследуемой профессиональной языковой личности ученого как в кругу коллег, так и за его пределами.

Анализ ассоциативно-семантического поля “Cognition”

Как уже упоминалось, содержание профессиональной деятельности ученого-математика отражено понятием “cognition”. Ассоциативно-семантическое поле этого понятия включает в себя все лексические единицы, так или иначе связанные с работой исследуемой профессиональной языковой личности.

В табл. 2 приведены все лексические единицы поля *Cognition* с $f \geq 3$, структурированные по частям речи. Эти количественные данные включают порядковые номера лексических единиц при сортировке согласно f по убыванию (rank), их абсолютную (frequency) и относительную (rate) частоту в привязке к аналогичным данным в Корпусе. Последняя колонка отражает отклонение относительной частотности единиц поля от данных Корпуса (deviation) в процентном формате.

Таблица 2

Частотное поведение единиц ассоциативно-семантического поля *Cognition*

Table 2

The Frequency Behavior of the Lexical Units Referring to Associative Semantic Field *Cognition*

Source Text Rank	Lexical Units	Source Text Frequency	Source Text Rate	Corpus Rank	Part of Speech	Corpus Frequency	Corpus Rate	Deviation, %
Существительные								
165	bicycle	3	0,0008	4413	n	5960	0,0000	6071,03
153	book	4	0,0011	242	n	154013	0,0003	313,25
103	choice	5	0,0013	631	n	60487	0,0001	997,00
105	class	5	0,0013	432	n	91323	0,0002	660,35
166	equations	3	0,0008	4019	n	7372	0,0000	4908,21
194	idea	3	0,0008	312	n	122140	0,0003	296,24
85	mind	6	0,0016	470	n	82808	0,0002	873,91
88	number	6	0,0016	204	n	186005	0,0004	389,06
114	problem	5	0,0013	171	n	217728	0,0005	276,98
108	reason	5	0,0013	360	n	106863	0,0002	564,33
137	solution	4	0,0011	1224	n	32052	0,0001	1505,19
59	time	10	0,0027	52	n	764657	0,0017	157,73
62	work	9	0,0024	199	n	187533	0,0004	578,83
Глаголы								
283	break	3	0,0008	495	v	79310	0,0002	456,23
181	imagine	3	0,0008	912	v	43487	0,0001	832,05
152	lose	4	0,0011	284	v	134102	0,0003	359,76
173	solve	3	0,0008	1839	v	19501	0,0000	1855,46
145	win	4	0,0011	362	v	111478	0,0002	432,77
182	wonder	3	0,0008	791	v	50875	0,0001	711,22
93	work	6	0,0016	117	v	318210	0,0007	227,42
Союзы								
40	if	18	0,0048	40	c	933542	0,0021	232,56
51	because	11	0,0029	89	c	438539	0,0010	302,53
6	that	66	0,0177	12	c	3430996	0,0076	232,01
Наречия								
95	only	6	0,0016	101	r	379574	0,0008	190,65
113	always	5	0,0013	206	r	179474	0,0004	336,01

Предварительный анализ лексики прямой речи героя показал, что около 30 % частотно отклоняющихся от средних по Корпусу значимых частей речи, а именно существительных (r которых превышает среднюю по Корпусу от 1,5 до 15 раз) и глаголов (r которых превышает среднюю по Корпусу от 2 до 18 раз), относится к ассоциативно-семантическому полю “Cognition” (см. табл. 2). Таким образом, составляющая лексикона, связанная с работой исследуемой профессиональной языковой личности по сравнению с другими составляющими ее лексикона (отраженных ассоциативно-семантическими полями “Mental condition” и “Self-identification”), оказывается количественно доминирующей. Проанализируем контекстные связи и взаимосвязи наиболее отклоняющихся по частоте существительных и глаголов данного поля.

Анализ существительных

Научную рутину Нэша как математика составляет поиск решений задач. Существительное *solution* ($f=4$, r примерно в 15 раз превышает среднюю) имеет наибольшее отклонение по r в поле “Cognition” среди существительных.

Анализ контекстов показал, что, во-первых, в сознании героя решению свойственно быть множественным: “*There is often... a number of solutions for any given problem*” [00:30:40]. Это утверждается во время чтения лекции студентам. Видеоряд подтверждает уверенность героя в истинности приведенных слов: его мимика, жесты и движения говорят о спокойной убежденности в том, что он говорит. Он представляет множественность решения как некую аксиому.

Во-вторых, источник решений – воображение героя: подавляя галлюцинации медикаментозно, он захлопывает доступ к своему воображению и становится неспособен увидеть решение: “*But it's difficult with the medication, because it's hard to... see the solution*” [01:21:02].

Прием препаратов и подавление способности видеть решение – «проблема без решения» или путь в никуда: “*Because I couldn't do my work. I couldn't help with the baby. I couldn't – I couldn't respond to my wife... It's a problem. That's all it is. It's a problem with no solution*” [01:36:08]. В бытовой ситуации герой не видит решения задачи, что порождает внутренний конфликт героя, так как противоречит его профессиональному мнению о множественности решения в математике. И действительно, далее он замечает: “*And that's what I do, I solve problems. That's what I do best*” [01:36:11]. Его вера в себя логически обоснована. Это классический пример доказательства от противного, из которого мы видим, что осознание личностной проблемы и поиск ее решения героем имеет четкую логическую направленность.

Поскольку в сознании героя любая проблема имеет несколько решений, становится логичной повышенная частотность существительного *choice* ($f=5$, r примерно в 10 раз превышает среднюю). Обратимся к контекстам:

“*That would be my first choice. And actually, I don't really have a second choice, sir*” [00:14:44];

“*...nobody likes to be second choice*” [00:19:51];

“*It appears I have no choice*” [01:02:49];

“*I left you with no other choice*” [01:11:58].

Согласно убеждениям героя, любая проблема имеет множество решений, следовательно, выбор должен быть множественен. Однако все четыре предложения со словом “choice” содержат отрицания: в сознании героя множественность выбора отрицается. Это противоречие подтверждает наличие внутреннего конфликта.

Существительное *solution*, как и глагол *to solve*, всегда сопровождаются существительным *problem* ($f=5$, r примерно в 2,5 раза превышает среднюю). Например, “*As I was saying, this problem here... will take some of you many months to solve. For others among you, it will take you the term of your natural lives*” [00:30:56].

Из приведенного примера мы также видим, что время является немаловажной составляющей «цены» решения задачи, которое может занять от нескольких месяцев работы

до всей жизни исследователя. Из 10 словоупотреблений существительного *time* ($f = 10$, r примерно в 1,5 раза превышает среднюю) 3 в составе речевых клише. Остальные 7 говорят о том, что время героя невероятно дорого: “*All I need is time*” [01:36:31], и полностью тратится на работу: “*I just lost track of time at work... again*” [00:49:43], “*I didn't have time to wrap it*” [00:49:48].

Время оказывается своеобразным маркером приоритетов, который не только вычеркивает личную жизнь, но и взаимодействие с научным сообществом. В этом отношении примечательно употребление связанных с профессиональной деятельностью существительных *class* ($f = 5$, r примерно в 6,5 раз превышает среднюю) и *book* ($f = 4$, r примерно в 3 раза превышает среднюю).

По ходу развития сюжета мы встречаем следующие случаи употребления существительных *class* и *book* в негативной коннотации:

“*I cannot waste time with these classes... and these books”* [00:08:10];

“*Classes will dull your mind*” [00:09:15];

“*I can't keep staring into space. Got to face the wall, follow their rules, read their books, do their classes”* [00:17:01];

“*I think this class will be a waste... of your – and what is infinitely worse – my time*” [00:29:46].

Ни посещение лекций вместе с другими, ни проведение занятий в качестве преподавателя не представляют какой-либо ценности для героя в начале фильма. С развитием сюжета Нэш приходит к принятию совместной деятельности в научном сообществе: “*I was wondering if I might audit your course. This will be my first class*” [01:48:24]. Таким образом, существительное *class* можно считать маркером учебной деятельности ученого.

Все 4 случая употребления существительного *book* также имеют негативную коннотацию. В первых двух случаях, которые приведены выше, герой выражает пренебрежительное отношение к учебникам, в третьем – к «искусствам» своего воображаемого друга Чарльза, который ведет в Гарварде авторские семинары по произведениям Д. Г. Лоуренса (фактически “*classes*”), советуя другу сменить поле деятельности на что-то более важное: “*I really do think you should buy yourself a new book*” [00:48:17]. В последнем, четвертом, случае употребления существительного *book* герой в шутку заявляет, что намерен украсть идеи своих учеников, чтобы опубликовать их под своим именем и прославиться: “*Let me go back to what you were doing before. I might want to steal this, write a book and get famous*” [01:53:38].

На протяжении фильма мы ни разу не видим Нэша за чтением книги. Главный визуальный маркер его деятельности – записывание формул на оконном стекле. Он видит окружающий мир сквозь череду своих математических выкладок. Этот образ отражает подвижность его мышления, связь с изменчивой и непредсказуемой реальностью. В противоположность этому, чтение книги в лексиконе исследуемой языковой личности метафорически отражено фразой “*Got to face the wall*”, которая подчеркивает конечность изложенных в книге размышлений, их фиксированность и оторванность от изменчивой реальности.

Таким образом, если считать существительные *class* и *book* маркерами сотрудничества в научном сообществе, негативные коннотации употреблений данных лексических единиц указывают на то, что исследуемая профессиональная личность склонна сознательно исключать себя из профессиональных коммуникативных процессов. Если посещение / ведение «уроков» и чтение / написание книг данная языковая личность не считает достойным для себя занятием, то у исследователя возникает вопрос: с чем же данная личность ассоциирует понятие *work*, которое, как мы видели, оказывается в приоритете с огромным отрывом от остальных сторон жизни?

Рассмотрим контекстное окружение существительного *work* ($f = 9$, r примерно в 5,5 раза превышает среднюю).

В сознании Нэша работа должна быть не просто компетентной, но новаторской: “*Adequate work... without innovation*” [00:09:53], – критически отзываясь Нэш о работе соученика. Обыденная работа не признается им достойной усилий, он характеризует ее как тривиаль-

ную: *"At first all my work here was trivial, but a new assignment came up and – I can't really tell you any details..."* [00:48:39]. Эта личность стремится к великим делам: *"You know, the Russians have the H-bomb, the Nazis are repatriating South America, the Chinese have a standing army of 2.8 million, and I am doing stress tests on a dam"* [00:27:54]. Ему льстит, что такая работа должна держаться в секрете: *"I can't talk to you about my work, Alicia"* [00:45:23].

С одной стороны, его работа не имеет никакого отношения к военным приложениям, ни в какие секреты он не посвящен: *"My work is non-military in application. I don't know anything"* [01:05:06]. Но с другой стороны, она все-таки мыслится им как секретная именно по причине политического и военного противостояния Соединенных Штатов и «русских», из-за угрозы некой «вселенской» катастрофы: *"I've been doing top secret work for the government. There's a threat that exists... of catastrophic proportions. I think the Russians feel my profile is too high"* [01:12:48].

Воображаемая секретная вовлеченность в противостояние сверхдержав порождает в сознании героя конфликт и раздвоение. Таким образом, мы снова видим в речи подчеркивание важности работы как таковой, однако ее цель из примеров контекстного окружения существительного *work* остается неясна.

Содержание деятельности профессиональной языковой личности ученого проясняет еще одно высокочастотное существительное – *reason* ($f = 5$, r примерно в 5,5 раза превышает среднюю). Все 5 его употреблений сосредоточены в одном контексте предпоследней сцены фильма, когда герой произносит нобелевскую речь, обращенную в первую очередь к жене, ассоциируя понятие *"reason"* с идеей любви, как источником всякого научного вдохновения: *"I've always believed in numbers. In the equations and logics... that lead to reason. But after a lifetime of such pursuits, I ask, what truly is logic? Who decides reason? My quest has taken me through the physical, the metaphysical, the delusional... and back. And I have made the most important discovery of my career. The most important discovery of my life. It is only in the mysterious equations of love... that any logical reasons can be found. I'm only here tonight because of you. You are the reason I am. You are all my reasons"* [02:01:30].

В данном контексте низкочастотное, но семантически нагруженное существительное *love* несет особую функцию: оно объединяет высокочастотные единицы лексикона, выражая главную мысль всего кинотекста: *"It is only in the mysterious equations of love... that any logical reasons can be found"* [02:01:13]. При этом контекстный анализ глагола *to love* ($f = 1$) выявил его синонимическое употребление с *to like*, показывая, что понятие *"to love"* в обыденной речи героя семантически снижено: *"My wife, she loves mayonnaise"* [01:52:40]. Подобная речевая тактика уменьшает вероятность возвышенных или сентиментальных высказываний о любви: называя словом *"to love"* понятие *"to like"*, говорящий избегает упоминания «всего» основного значения понятия *"love"*, поскольку в сознании героя оно отнесено к таинствам, что подтверждает и характеризующее его прилагательное *mysterious*.

Анализ вышеприведенного текстового фрагмента показал, что содержанием работы ученого-математика является поиск причины бытия (*reason*), которой оказывается любовь (*love*), которая, свою очередь, непознаваема (*mysterious*). Таким образом, открытие героем «сути вещей» можно признать частным случаем того, что древнегреческий философ Сократ определял как «Я знаю, что ничего не знаю». Последнее позволяет заключить, что познавательный процесс героя в целом лежит в русле мыслительных традиций европейской цивилизации.

Специфическую роль в ассоциативно-семантическом поле *"Cognition"* приобрело существительное *bicycle* ($f = 3$, r в 60 раз превышает среднюю) из задачи юмористической тональности про двух велосипедистов и муху, которая становится невинной жертвой их столкновения. Эту задачу герой разбирает со студентами после своего возвращения в научное сообщество: *"So you have a fly on the tire of bicycle B, and the fly, who can travel at 20 miles an hour, leaves the tire of bicycle B and it flies... to the tire of bicycle A and backwards and forwards... and so on and so forth until the two bikes collide... and the poor little fly is squashed"* [01:53:18].

Сцена с задачей представляет собой знаковую деталь кинотекста, суммируя последовательность трех киноконтекстов: герой едет на велосипеде по траектории в виде знака «бесконечность»; пишет на оконном стекле, забранном решеткой, знак «бесконечность», который завершает его ранее сделанные выкладки; задает студентам задачу про велосипеды и муху. Таким образом, постановщик намеренно фокусирует внимание зрителя на образе *bicycle*, напминающем знак «бесконечность». Лаборатория, в которой работал и откуда вынужден был уйти Нэш – “*Wheeler Lab, the new military think tank at M.I.T.*” [00:02:45], или Лаборатория Уилера. Этот «военный мозговой центр» Массачусетского технологического института назывался по имени его руководителя, Джона Уилера, одного из создателей атомной бомбы, который во время действия фильма так же, как и Джон Нэш, работал в Принстонском университете. Существительное “*wheeler*” является разговорным синонимом существительного “*bicyclist*”. Оно явно переключается с фамилией руководителя центра и может также ассоциироваться с выражением “*re-invent the wheel*” – «изобретать велосипед». Это помогает нам декодировать мессидж фильма определенным образом. В силу аналогий со знаком «бесконечность» езда на велосипеде символизирует направленную в бесконечность мысль героя. Результат его размышлений дает измененный взгляд на мир (формулы на оконном стекле), однако герой смотрит на реальность через решетку, создающую препятствие, которое нужно преодолеть. Последующая задача про “*the poor little fly*” – бедную муху, раздавленную в результате столкновения двух велосипедистов (под которыми можно понимать американских и советских конкурентов), символизирует трагедию главного героя: он тоже стал жертвой этой тайной борьбы, впав в безумие перед ужасом вражеской угрозы.

Таким образом, существительное *bicycle* в идиоме исследуемой личности математика служит емким символом деятельности этого ученого, в сознании которого оно имеет ассоциативные связи с понятиями “*cognition*”, “*invention*”, “*competition*”, “*individualism*”, “*eccentricity*” и “*sacrifice*”. Несмотря на контекстную связь данной лексической единицы с ассоциативно-семантическим полем “*Cognition*”, оно имплицитно связывает это поле с другими ассоциативно-семантическими полями лексикона исследуемой языковой личности – “*Self-identification*” и “*Mental condition*”.

Анализ глаголов

Анализ глаголов показал, что почти все смысловые глаголы, существенно отклоняющиеся по частоте употребления, относятся к ассоциативно-семантическому полю “*Cognition*”.

Глагол *to work* ($f = 6$, r примерно в 2 раза превышает среднюю) имеет не слишком большое частотное отклонение, из чего можно сделать вывод, что Нэш отождествляет себя со своей профессией в немного большей для среднего американца мере и что он является почти типичным американцем в этом отношении.

Контексты употреблений глагола *to work* раскрывают понятие в сознании героя в нескольких аспектах. Так, работать можно над решением специфической научной задачи: “*I’ve been working on manifold embedding*” [00:15:08]; работать можно на кого-то: “*I’ve been working for him*” [01:13:07]; работать до достижения результата приходится долго: “*I can work it out. All I need is time*” [01:36:31]; условия работы не очень важны: “*I could just work out of the library*” [01:44:55].

Наибольшее отклонение в данном поле имеет глагол *to solve* ($f = 3$, r примерно в 18 раз превышает среднюю). Два раза слово употребляется в сочетании с существительным *problem*, и один раз – в сочетании с выражением *Riemann hypothesis* – гипотеза Римана, что фактически тоже является задачей. Таким образом, r глагола *to solve* (в 18 раз чаще среднего) почти полностью соотносится с r существительного *solution* (в 15 раз чаще среднего) и еще раз подтверждает, что главным содержанием деятельности героя является решение задач или поиск решений.

Проведенный выше анализ (см. контекстный анализ существительного *solution*) показал, что решения герой находит «в воображении». Глагол *to imagine* ($f = 3$, r примерно в 8 раз

превышает среднюю) в двух случаях употребления является синонимом глагола “to see” – видеть, понимать: “*I imagine you're getting quite used to miscalculation*” [00:04:01], “*can you imagine the effect that would have... on conflict scenarios, and arms negotiations... currency exchange?*” [00:11:53]. Там, где средний носитель языка «видит» и «понимает», Нэш «воображает». Но его восприятие оказывается раздвоенным: он видит и воображает одновременно. Из третьего случая употребления ясно, что эта способность видеть-воображать насущна для героя: “*I choose not to indulge certain appetites. Like my appetite for patterns. Perhaps my appetite to imagine and to dream*” [01:58:57]. Яркая метафора *appetite to imagine* рождает ассоциацию с пищей вообще и с пищей для ума, которую герой добывает воображением. Данный риторический прием не только делает речь героя яркой, эмоционально насыщенной, но и подтверждает, что в его познавательный процесс вовлечены чувства.

Эмоциональную напряженность в ассоциативно-семантическое поле “Cognition” привносит антонимическая пара *to win* ($f = 4$, r примерно в 4 раза превышает среднюю) и *to lose* ($f = 4$, r примерно в 3,5 раза превышает среднюю). Герой придает большое значение дарвиновской идее жизни как соперничеству, борьбе, в которой выживает сильнейший. Поэтому основная сюжетная линия фильма опирается на антитезу «*to win* или *to lose*»: “*In competitive behavior someone always loses*” [00:11:35], “*That's the only way we win*” [00:20:04], “*I would have thought you'd only find out... if you won or lost*” [01:57:37]. В контекстах эти глаголы оказываются связанными с отклоняющимися по относительной частоте наречиями: *always* ($f = 5$, r примерно в 3 раза превышает среднюю) и *only* ($f = 6$, r почти в 2 раза превышает среднюю), которые в данном случае являются маркерами категоричности. Любой результат работы оценивается исследуемой профессиональной личностью либо как победа, либо как поражение, третьего для него не дано. Поэтому закономерно, что в прямой речи героя частота употреблений *to lose* и *to win* идеально сбалансирована: 4 против 4; это отчасти показывает, что в его сознании вероятности поражения и победы приписываются равные шансы. Отметим вместе с тем, что содержание математического открытия Нэша напрямую связано с опровержением идеи конкуренции как главного двигателя экономического прогресса. Его суть заключается в частности в том, что при согласованности действий всех членов общества выигрывают все, проигравших нет: “*Adam Smith said... the best result comes... from everyone in the group doing... what's best for himself, right? That's what he said, right? Right. Incomplete. Incomplete, okay? Because the best result will come... from everyone in the group... doing what's best for himself... and the group. Governing dynamics. Governing dynamics. Adam Smith... was wrong*” [00:20:43].

Высокая r глагола *to break* ($f = 3$, r в 4,5 раза превышает среднюю) говорит о том, что данное понятие активировано в языковом сознании Нэша, что подтверждается примерами:

“*...conventional number theory... It breaks down in the face of relativistic exploration*” [01:01:26] – «Возьмем теорию обычных чисел... В приложении к теории относительности она рушится»;

“*Schizophrenic break from reality, right?*” [01:29:26] – «Это же шизофренический прорыв из реальности!»

Действительно, открытие опровергает старую концепцию, это норма научного прогресса. Человек с ментальными отклонениями делает то же самое – нарушает общепринятую концепцию реальности. Таким образом, идея работы в языковом сознании Нэша – это попытка «проломиться» из одной реальности в другую, когда соприкосновение с непознанным обходится высокой ценой – невероятным умственным напряжением, не исключающим ментальных сбоев. Результатами работы являются новая концепция реальности и победа, т. е. признание открытия научным сообществом.

Остальные частотно отклоняющиеся единицы идиолекта героя принадлежат к ассоциативно-семантическим полям “Mental condition” и “Self-identification”, однако освещение их подробного анализа выходит за рамки данного исследования, поскольку не имеет прямого отношения к лексикону ученого-математика.

Заключение

Достоверность результатов данного исследования обусловлена его методами. Выявленная степень девиантности идиолекта ученого объективна по причине методологии его анализа и может быть достаточно легко перепроверена. Количественный подсчет абсолютной (f), расчет относительной (r) частоты единиц лексикона и их сопоставление с общеязыковыми показателями (d), представленные в табл. 1 и 2, отразили лингвостатистическое поведение высокочастотных лексических единиц в профессиональном идиолекте его носителя. Оно стало затем основанием для семантического структурирования лексикона ученого, что явилось, в свою очередь, основой дальнейшего (ассоциативного и контекстуального) анализа его идиолекта. Таким образом, статистические методы и заданный ими вектор научного поиска исключают субъективный характер социокультурных выводов, сделанных в работе.

Анализ лексического наполнения ассоциативно-семантического поля “Professional communication” показал, что термины сужают научную специализацию героя: это динамика управления (*governing dynamics*) и вложенные многообразия (*manifold embedding*). Дефицит профессионализмов показывает, что герой не мыслит себя членом профессионального сообщества. Номенклатурная лексика отражает содержание повседневной работы исследователя – числовое решение задач и уравнений (*number, equation, solution, problem*). Дефицит неформальных контактов с коллегами, с одной стороны, и академичность речи вне работы, с другой стороны, характеризуют речевое поведение героя как девиантное, указывая на сложности, которые он испытывает в коммуникации – как в кругу коллег, так и за его пределами.

Структурно-семантический и контекстуальный анализ частотно отклоняющихся от Корпуса лексических единиц прямой речи героя кинотекста выявил ряд его личностных особенностей. Основной ценностью исследуемой профессиональной языковой личности является ее работа (*work*) – целенаправленный познавательный процесс, заключающийся в числовых (*number*) решениях (*solutions*) задач (*problems*), которые призваны определить причинно-следственные связи явлений действительности с целью совершить открытие или найти причину явлений (*reason*). Эти числовые решения не только мыслятся (*to solve*), но и воображаются (*to imagine*), в познавательный процесс вовлечены также чувства. Множественность решения обуславливает важность выбора (*choice*).

Структурирующие лексикон героя ассоциативно-семантические поля взаимосвязаны. В зонах их пересечения находятся низкочастотное, но семантически емкое существительное *love* и высокочастотное, нагруженное индивидуальными смыслами существительное *bicycle*. Эти лексические единицы несут информацию как эксплицитно, так и имплицитно, образуя символы, которые связывают в сознании исследуемой профессиональной языковой личности ряды разнородных понятий: *love* связывает любовь и первопричину вещей; *bicycle* – индивидуализм, чудачество, изобретательство, соперничество, жертвенность.

Список литературы / References

Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1980. 61 с.

Bogin, G. I. Contemporary Linguodidactics. Kalinin, Kalinin Uni Publ., 1980, 61 p. (in Russ.)

Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (Лингвокогнитивный анализ): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 15.07.2005. Челябинск, 2004.

Golovanova, E. I. The Category of a Professional in the Dynamic Language Space (Linguo-cognitive analysis). Chelyabinsk, 2004. (in Russ.)

Голованова Е. И. Профессиональная языковая личность: специфика профессиональных процессов в сфере теории и практики // Non multum, sed multa: У когнитивных истоков

современной терминологии: Сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С. 261–270.

Golovanova, E. I. Professional Language Personality: the Specificity of Professional Processes in Theory and Practice. In: *Non Multum, Sed Multa: The Cognitive Origins of Modern terminology*. Moscow, 2010, p. 261–270. (in Russ.)

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Karasik, V. I. Language Circle: Person, Concepts, Discourse. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (in Russ.)

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Karaulov, Yu. N. Russian Language and Language Personality. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p. (in Russ.)

Мыскин С. В. Профессиональная языковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30), ч. 1. С. 150–157.

Myskin, S. V. Professional Language Personality. *Philology: Theory and Practice*, 2013, no. 12 (30), part 1, p. 150–157. (in Russ.)

Мыскин С. В. Теоретико-методологические аспекты теории языковой профессиональной личности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1. С. 62–75.

Myskin, S. V. Professional Language Personality Theory: Theoretical and Methodological Aspects. *RUDN Journal: Language Theory, Semiotics, Semantics*, 2014, no. 1, p. 62–75. (in Russ.)

Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Дрофа, 1997. 703 с.

Russian Language: Encyclopedia. Ch. ed. Yu. N. Karaulov. Moscow, Drofa, 1997, 703 p. (in Russ.)

Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М.: Флинта, 2011. 480 с.

Churilina, L. N. Language Personality in a literary text. Moscow, Flinta, 2011, 480 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
29.11.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Лебедева Светлана Геннадьевна, преподаватель кафедры межкультурной коммуникации Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Svetlana G. Lebedeva, lecturer of the Department of Intercultural Communication, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

s.lebedeva@g.nsu.ru

УДК 81'13

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-46-52

Метод оценки близости слов в языковом сознании носителей разных вариантов французского языка (Франция, Бельгия, Канада, Швейцария)

Н. О. Владыко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению способа установления близости восприятия слова в языковом сознании носителей французского языка, проживающих в четырех франкоговорящих регионах – в Бельгии, Канаде, Швейцарии и Франции. Для исследования представленного вопроса нами было выбрано слово *vie* (жизнь), которое входит в ядро языкового сознания носителей французского языка, по результатам ассоциативного эксперимента, который проводился в 2008 и 2009 гг., где выбранное слово было реакцией на 315 различных слов-стимулов. Ассоциативные поля стимула *vie* (жизнь) извлечены из Словаря ассоциативных норм франкофонии (нормализованного) (САНФН), который содержит данные ассоциативного эксперимента, проводившегося с сентября 2013 по сентябрь 2015 г. в Интернете с помощью google-опросника в четырех исследуемых регионах. Установление близости восприятия слова *vie* (жизнь) осуществляется на основе формулы нахождения индекса семантического сходства слов, которая была предложена Д. Ю. Просовецким. Применение формулы было несколько модифицировано, т. е. формула, изначально применявшаяся для установления семантической близости двух разных слов-стимулов, используется нами с целью определения сходства восприятия одного слова-стимула в языковом сознании носителей французского языка из Бельгии, Канады, Швейцарии, Франции. Расчет индекса производится попарно и включает 6 пар: Франция – Бельгия, Франция – Канада, Франция – Швейцария, Бельгия – Канада, Бельгия – Швейцария, Канада – Швейцария. Используемая формула представляет собой отношение двойного количества одинаковых реакций в паре ассоциативных полей к сумме объемов ассоциативных полей пары исследуемых стран. Проведенные расчеты показывают, что индексы семантического сходства восприятия слова-стимула *vie* (жизнь) в четырех исследуемых регионах имеют разброс, соответственно исследуемые поля имеют в своем составе схожие элементы, однако полного совпадения состава полей не наблюдается.

Ключевые слова

ассоциативный эксперимент, языковое сознание, французский язык

Для цитирования

Владыко Н. О. Метод оценки близости слов в языковом сознании носителей разных вариантов французского языка (Франция, Бельгия, Канада, Швейцария) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 46–52. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-46-52

Estimating Similarity of Words in the Language Consciousness of Speakers of Different Variants of French (France, Belgium, Canada, Switzerland)

Natalya O. Vladiko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article considers a method that helps to evaluate the level of similarity of a word in the language consciousness of the French language speakers from four different francophone regions (France, Belgium, Switzerland, Canada). To il-

© Н. О. Владыко, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 2

illustrate the approach the word *vie* (life) has been chosen as it belongs to the nucleus of the language consciousness of French speakers, according to the results of the associative experiment that was made in 2008 and 2009 via Internet with the aid of google-questionnaires. To assess similarity in understanding the word *vie* (life) by French speakers from the chosen regions we use the semantic closeness index finding formula proposed by D. Yu. Prosovetsky. Originally the formula was applied to the calculation of the semantic closeness of two different words. In this research the formula has been adapted to the analysis of one word-stimulus presented in the associative fields of the regions considered. To apply this formula one needs first to count the number of similar words that appear in associative fields of the chosen word pairwise. Six pairs are addressed (France-Belgium, France-Canada, France-Switzerland, Belgium-Canada, Belgium-Switzerland, Canada-Switzerland). After that, the doubled number of similar words in one pair of countries is divided by the sum of the total number of reactions of the two given fields.

The calculations conducted in this article pairwise for the word *vie* (life) present the following numbers of the index of semantic closeness: pairs Belgium-Switzerland, Switzerland-Canada, France-Switzerland 0,09 each; the highest index belongs to the pairs of France-Canada and Belgium-Canada 0,12 each; the pair France-Belgium occupies the intermediary position with the result of 0,1. The calculations illustrate that the associative fields of the word *vie* in the four considered regions (France, Belgium, Switzerland, Canada) include similar elements, however, the exact agreement is not observed.

Keywords

associative experiment, language consciousness, the French language

For citation

Vladyko, Natalya O. Estimating Similarity of Words in the Language Consciousness of Speakers of Different Variants of French (France, Belgium, Canada, Switzerland). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 46–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-46-52

Введение

Изучение языкового сознания является одной из ключевых задач в психолингвистических исследованиях. В рамках традиций московской психолингвистической школы языковое сознание определяется как “образы сознания, овнешняемые языковыми знаками” [Тарасов, 1993. С. 10]. Е. Ф. Тарасов утверждает, что образы языкового сознания соединяют в себе умственные знания, которые выстраиваются самим субъектом в процессе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании как результат переработки получаемых от органов чувств в ходе предметной деятельности перцептивных данных [Тарасов, 1993].

В современных лингвистических исследованиях используется широкий спектр экспериментальных методов, направленных на изучение языкового сознания: например, метод семантического дифференциала, метод незаконченных предложений, компонентный анализ, ассоциативный эксперимент и т. д. Одним из ключевых методов рассмотрения языкового сознания является *ассоциативный эксперимент*. Процедура данного эксперимента состоит в том, что информанту предоставляется список слов-стимулов, который обычно включает в себя наиболее релевантные для исследования лексемы, на каждый стимул необходимо в письменном или устном виде отреагировать первым пришедшим в голову словом.

Ассоциативный эксперимент делится на несколько типов: *цепной*, в котором информанты предоставляют несколько реакций на каждый стимул из предоставленного списка; *направленный*, в котором информантов просят предоставить реакции, относящиеся к определенному грамматическому или лексическому классу; *свободный*, в котором информантов просят предоставить первые пришедшие в голову реакции на определенный список слов стимулов, не накладывая никаких дополнительных ограничений. Свободный ассоциативный эксперимент представляется относительно простым и в то же время эффективным методом для изучения лингвистических, психологических и социологических феноменов разного рода. Именно этот тип ассоциативного эксперимента используется для создания ассоциативных словарей и словарей ассоциативных норм на материале различных языков.

Вербальные ассоциации, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, проливают свет на глубинные структуры сознания и языковую картину мира носителей определенного языка. Языковые картины мира различных народов могут иметь значительные расхождения, например, как отмечает А. А. Леонтьев, на один и тот же стимул «кисть» жители различных регионов могут предоставить различные реакции: житель Ярославля скажет «кисть рябины», житель Душанбе – «кисть винограда» [Леонтьев, 1999]. Данный факт заставляет задуматься, имеют ли место и в каком объеме подобные различия в вариантах одного языка, которые используются в разных регионах. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть данный вопрос на примере вариантов французского языка, использующихся в Бельгии, Канаде, Швейцарии и Франции.

Методология

Для рассмотрения поставленного вопроса мы используем метод, предложенный Д. Ю. Про-совецким [2015], который позволяет определить ассоциативную близость слов, а именно то, насколько тесно два слова связаны в сознании носителей того или иного языка. Для этого он предлагает использовать следующую формулу нахождения индекса ассоциативного сходства:

$$ИАС(L1, L2) = \frac{2S}{V1 + V2},$$

где $V1$ и $V2$ – объемы ассоциативных полей, т. е. общее число реакций на лексему 1 и лексему 2, а S – число одинаковых реакций, которые проявились и в ассоциативном поле лексемы 1 и в ассоциативном поле лексемы 2.

Расчеты

Мы предполагаем, что данный метод может также успешно применяться для установления близости слов и для рассмотрения сходных и различных черт в восприятии одного и того же слова в разных вариантах одного языка. Рассмотрим данный подход на примере слова *vie* (жизнь), которое входит в ядро языкового сознания носителей французского языка, по результатам ассоциативного эксперимента, проводившегося в 2008 и в 2009 гг. Исследуемые ассоциативные поля извлечены из Словаря ассоциативных норм франкофонии (нормализованного) (САНФН). Словарь был составлен на основе ассоциативного эксперимента, который проводился с сентября 2013 по сентябрь 2015 г. с помощью google-опросника. Носителей французского языка из Бельгии, Канады, Швейцарии и Франции просили дать первые возникшие в голове реакции на список стимулов, состоящий из 100 наиболее частотных слов во французском языке.

Франция – Бельгия

В данной паре количество одинаковых реакций составляет 53 слова: *mort* (смерть)¹, *existence* (существование), *joie* (радость, веселье), *longue* (длинная), *belle* (прекрасная), *vivre* (жить), *bonheur* (счастье), *courte* (короткая), *eau* (вода), *naissance* (рождение), *espoir* (надежда), *être* (быть), *heureuse* (счастливая), *éternelle* (вечная), *respirer* (дышать), *santé* (здоровье), *temps* (время), *vivant* (живой), *précieuse* (ценная), *sang* (кровь), *active* (активная), *à la vie à la mort* (пока смерть не разлучит нас; букв: в жизни и смерти), *âme* (душа), *amour* (любовь), *biologie* (биология), *cœur* (сердце), *difficile* (сложный), *dure* (тяжелая), *essence* (сущность),

¹ Перевод с учетом контекста (пара «стимул – реакция»).

facile (легкий), fragile (хрупкий), histoire (история), la vie est belle (жизнь прекрасна), mourir (умереть), nature (природа), profiter (радоваться ж.), à deux (вдвоем), bébé (младенец), chance (удача), combat (борьба), Dieu (Бог), en rose (в розовом цвете), entière (целый), essentiel (существенный), évolution (эволюция), expérience (опыт), fleuve (река), long (длинный), lumière (свет), rien ne vaut la vie (ничто не сравнится с жизнью), saine (здоровая), terre (земля), trépas (кончина).

Количество реакций в поле слова *vie* из Франции – 576, из Бельгии – 474. Находим индекс ассоциативного сходства по вышеприведенной формуле:

$$\text{ИАС}(\text{Франция, Бельгия}) = \frac{2 \cdot 53}{576 + 474} \approx 0,1.$$

Франция – Швейцария

Количество одинаковых реакций – 39: mort (смерть), existence (существование), joie (радость, веселье), longue (длинная), belle (прекрасная), vivre (жить), courte (короткая), eau (вода), espoir (надежда), éternelle (вечная), santé (здоровье), aimer (любить), âme (душа), vivant (живой), précieuse (ценная), sang (кровь), amour (любовь), aventure (приключение), don (дар), facile (легкий), histoire (история), la vie est belle (жизнь прекрасна), mourir (умереть), nature (природа), profiter (извлекать пользу), unique (уникальный), à deux (вдвоем), bébé (младенец), chance (удача), chemin (дорога), devenir (стать), énergie (энергия), en rose (в розовом цвете), entière (целый), évolution (эволюция), lumière (свет), rose (розовый), sourire (улыбка), vive la vie (да здравствует жизнь).

Количество реакций в поле слова *vie* из Франции – 576, из Швейцарии – 332.

$$\text{ИАС}(\text{Франция, Швейцария}) = \frac{2 \cdot 39}{576 + 332} \approx 0,09.$$

Франция – Канада

Количество одинаковых реакций – 60: mort (смерть), existence (существование), joie (радость), longue (длинная), belle (прекрасная), vivre (жить), bonheur (счастье), courte (короткая), eau (вода), naissance (рождение), espoir (надежда), être (быть), heureuse (счастливая), éternelle (вечная), respirer (дышать), santé (здоровье), temps (время), vivant (живой), précieuse (ценная), sang (кровь), active (активная), aimer (любить), amour (любовь), beau (красивый), biologie (биология), cellule (клетка), cœur (сердце), de chien (собачий), de merde (паршивый), de rêve (ж. мечты), difficile (сложный), don (дар), dure (продолжается), éphémère (эфемерная), essence (сущность), facile (легкий), fragile (хрупкий), mourir (умереть), nature (природа), profiter (извлекать пользу), rêvée (идеальная), unique (уникальный), à deux (вдвоем), bébé (младенец), en rose (в розовом цвете), fin (конец), futur (будущее), inestimable (бесценный), magnifique (великолепный), mouvement (движение), mystère (загадка), respiration (дыхание), riche (богатый), rose (розовый), saine (здоровый), simple (простой), survie (выживание), vie (жизнь), vis ta vie (живи как хочешь), vitesse (быстрота).

Количество реакций в поле слова *vie* из Франции – 576, из Канады – 459.

$$\text{ИАС}(\text{Франция, Канада}) = \frac{2 \cdot 60}{576 + 459} \approx 0,12.$$

Бельгия – Швейцария

Количество одинаковых реакций – 38: mort (смерть), belle (прекрасная), joie (радость, веселье), longue (длинная), vivre (жить), existence (существование), bébé (младенец), espoir (надежда), profiter (извлекать пользу), amour (любовь), eau (вода), la vie est belle (жизнь пре-

красна), naître (рождаться), nature (природа), courte (короткая), entière (целый), lumière (свет), mourir (умереть), précieuse (ценная), remplie (насыщенная), santé (здоровье), à deux (вдвоем), âme (душа), année (года), chance (удача), de fou (дурацкий), durée (длительная), en rose (в розовом цвете), éternelle (вечная), évolution (эволюция), facile (простой), histoire (история), respect (уважение), sang (кровь), souffle (дыхание), sourire (улыбка), vivant (живой), vraie (истинная).

Количество реакций в поле слова *vie* из Бельгии – 474, из Швейцарии – 332.

$$\text{ИАС(Бельгия, Швейцария)} = \frac{2 \cdot 38}{474 + 332} \approx 0,09.$$

Бельгия – Канада

Количество одинаковых реакций – 58: mort (смерть), belle (прекрасная), joie (радость, веселье), longue (длинная), vivre (жить), bonheur (счастье), existence (существование), naissance (рождение), bébé (младенец), espoir (надежда), heureuse (счастливая), profiter (извлекать пользу), amour (любовь), eau (вода), être (быть), nature (природа), cœur (сердце), courte (короткая), dure (продолжается), merveille (чудо), mourir (умереть), paisible (мирный), passage (переход), précieuse (ценная), remplie (насыщенная), respirer (дышать), santé (здоровье), actif (активный), active (активная), à deux (вдвоем), année (год), années (года), arbre (дерево), assurance (страховка), beauté (красота), biologie (биология), bouger (бугер), cadeau (подарок), de famille (семейный), devant soi (перед собой), difficile (сложный), douce (сладкая), durée (длительность), en rose (в розовом цвете), essence (сущность), éternelle (вечная), famille (семья), fleur (цветок), fragile (хрупкий), profiter de la vie (радоваться жизни), saine (здоровая), sang (кровь), surprise (сюрприз), temps (время), tout (все), trépidante (трепетная), trop courte (очень короткая), vivant (живой).

Количество реакций в поле слова *vie* из Бельгии – 474, из Канады – 459.

$$\text{ИАС(Бельгия, Канада)} = \frac{2 \cdot 58}{474 + 459} \approx 0,12.$$

Швейцария – Канада

Количество одинаковых реакций – 35: mort (смерть), longue (длинная), belle (прекрасная), joie (радость, веселье), vivre (жить), existence (существование), courte (короткая), espoir (надежда), éternelle (вечная), durée (длительная), eau (вода), en rose (в розовом цвете), nature (природа), remplie (насыщенная), santé (здоровье), vivant (живой), action (действие), à deux (вдвоем), aimer (любить), amour (любовь), année (год), bébé (младенец), don (дар), et mort (и смерть), joyeux (веселый), liberté (свобода), libre (свободный), mourir (умереть), précieuse (ценная), profiter (извлекать выгоду), rose (розовый), sang (кровь), soi (сам), valeur (ценность), vieillesse (старость).

Количество реакций в поле слова *vie* из Швейцарии – 332, из Канады – 459.

$$\text{ИАС(Швейцария, Канада)} = \frac{2 \cdot 35}{332 + 459} \approx 0,09.$$

Выводы и перспективы применения

Рассматривая проведенные расчеты, мы видим, что индексы ассоциативного сходства слов имеют разброс. Наименьшие показатели ИАС в парах Бельгия – Швейцария (0,09),

Швейцария – Канада (0,09), Франция – Швейцария (0,09). Наивысший показатель ИАС встречается в парах Франция – Канада и Бельгия – Канада, по 0,12 в каждой паре. ИАС в паре Франция – Бельгия занимает промежуточное положение с показателем – 0,1. Как видно из проведенных расчетов, ассоциативные поля слова *vie* (жизнь), составленные на основе ассоциативных экспериментов в Бельгии, Канаде, Швейцарии и Франции, имеют в своем составе схожие элементы, однако полного совпадения состава полей не наблюдается.

Таким образом, использование данной экспериментальной процедуры позволяет установить, насколько близки слова в сознании носителей французского языка, принимавших участие в ассоциативном эксперименте в четырех исследуемых франкофонных странах. Нам представляется, что данный подход также может успешно применяться не только в рамках вариантов одного языка, но и для сопоставления ассоциативных полей и, как следствие, языкового сознания носителей разных языков, на материале существующих ассоциативных словарей.

Список литературы / References

- Дебрени М.** Словарь ассоциативных норм франкофонии (нормализованный) (САНФН). URL: <http://dictaverf.nsu.ru/joint> (дата обращения 05.03.2019).
- Debrenne, M.** The Dictionary of Associative Norms of French Speaking Countries (normalized). URL: <http://dictaverf.nsu.ru/joint> (in Russ.)
- Леонтьев А. А.** Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287с.
- Leontiev, A. A.** Basic Principles of Psycholinguistics. Moscow, 1999, 287 p. (in Russ.)
- Просовецкий Д. Ю.** Психолингвистический метод выявления оценки, содержащейся в слове // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3. С. 78–80.
- Prosovetskiy, D. Yu.** A Psycholinguistic method of Determination of the Word Assessment. *Vestnik VGU. Filologiya. Zhurnalistika*, 2015, no. 3, p. 78–80. (in Russ.)
- Просовецкий Д. Ю.** Временная динамика употребления лексем «хороший», «хорошо» // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2014. Вып. 29. С. 20–26.
- Prosovetskiy, D. Yu.** The temporal dynamics of the use of the lexemes “good”, “well”. In: Social Communication and its Development. Voronezh, 2014. Vol. 29. P. 20–26. (in Russ.)
- Тарасов Е. Ф.** Методологические проблемы сознания // Василевич А. П., Зимняя И. А., Леонтьев А. А., Ли Тоанг Тханг, Марковина И. Ю., Михалева И. М., Никитина Е. С., Сорокин Ю. А., Соснова М. Л., Стеценко А. П., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Шахнарович А. М. Язык и сознание: парадоксальная рациональность: Коллект. моногр. // Под ред. Е. Ф. Тарасова. М., 1993. 174 с.
- Tarasov, E. F.** Methodological Problems of Consciousness. In: Vasilevich A. P., Zimnyaya I. A., Leontiev A. A., Li Toang Tkhang, Markovina I. Yu., Mikhaleva I. M., Nikitina E. S., Sorokin Yu. A., Sosnova M. L., Stetsenko A. P., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Shakhnarovich A. M. Language and Consciousness as Example of a Paradoxical Rationality. Monograph. Ed. by E. F. Tarasov. Moscow, 1993. 174 p. (in Russ.)
- Akhmad, I., Chmel, V.** Association as Linguistic Phenomenon. Ukraine. URL: http://www.kamts1.kpi.ua/sites/default/files/files/ahmad%20chmel_association.pdf
- Debrenne, M.** Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications. In: Variétés, variations et forme. Ecole Polytechnique, 2011, p. 355–366.

- Galperin, P. Ya.** Linguistic Consciousness and Some Questions of the Relationship between Language and Thought. *Journal of Russian & East European Psychology*, 1992, vol. 30, no. 4, p. 81–92.
- Mukhametzyanova, L., Shayakhmetova, L.** Application of Associative Experiment in Forming the Foreign Communicative Competence. *English Language Teaching*, 2014, vol. 7, no. 12, p. 60–64.
- Ufimtseva, N.** The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014. P. 36–43.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.03.2019

Сведения об авторе / Information about the author

Владыко Наталья Олеговна, аспирант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Ляпунова, 4, Новосибирск, 630090, Россия)

Natalya O. Vladyko, post-graduate student, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (4 Lyapunov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

natalya.vladyko@gmail.com
ORCID 0000-0003-0746-0571

Ассоциативно-вербальная модель глагола *haben* и его синонимов в немецком языке

Н. В. Козлова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Исследование человека говорящего – *Homo Loquens* – связано с рассмотрением индивидуального образа мира носителя того или иного языка, эксплицированного в языковом сознании и материально существующего в виде словесных образов-ассоциаций. В настоящей работе рассматриваются результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями немецкого языка (в результате которого было получено 137 различных реакций, общее количество реакций – 305, при анализе внимание уделено как первичным, так и вторичным ассоциациям). Материалом исследования послужил базовый глагол *haben* ‘иметь’, формирующий ядро сферы обладания, и его синонимы, выявленные посредством лексикографического анализа пяти словарей синонимов, а также словаря-корпуса современного немецкого языка dwds.de (*gehören* ‘принадлежать’, *verfügen* ‘иметь в своём распоряжении’, *besitzen* ‘владеть, обладать’, *gebieten* ‘распоряжаться’). В основе анализа лежит системный подход, позволяющий раскрыть структуру значений и смыслов в ментальном лексиконе и построить ассоциативно-вербальную модель взаимосвязанности ассоциативных полей синонимичных слов-стимулов. Лексикографический, корпусный и ассоциативный анализы материала позволяют констатировать следующее: 1) ничтожно малое количество отказов респондентов от ответов (1,64 %), а также таких ассоциаций, в которых наблюдается отсутствие смысловой связи со словом-стимулом (2 %); 2) ассоциирование преимущественно по «парадигматическому» типу при сопоставлении семантической структуры исходного слова и ассоциативного ответа (около 60 %); 3) высокая степень уникальности синтагматических ассоциаций; 4) обладание в сознании носителей немецкого языка связано с такими неединичными реакциями, как *Geld* ‘деньги’, *Gut* ‘товар, благо, имущество’, *Güter* ‘товары’, *Macht* ‘сила, мощь’, *Testament* ‘завещание’, *Freunde* ‘друзья, приятели’, *nichts* ‘ничто’.

Ключевые слова

Homo Loquens, ассоциативный эксперимент, ментальный лексикон, глагол *haben*, ассоциативно-вербальная модель

Для цитирования

Козлова Н. В. Ассоциативно-вербальная модель глагола *haben* и его синонимов в немецком языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 53–64. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-53-64

Associative-verbal model of the verb *haben* and its synonyms in German

Natalia V. Kozlova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

An associative experiment, widely used in recent years in psycholinguistic studies, allows for an in-depth study of the semantics of a word by considering logical relationships in associative fields. In addition, the results of such an experiment provide “access” to the speakers’ language consciousness and enable the researcher to describe its structure. At the same time, the “construction” of associative-verbal models makes it possible to understand and study the sys-

tematic character of the individual speaker's world view and language consciousness of the speakers of a certain language and culture. All this determines the relevance of the associative-verbal models and specific lexemes analysis. The study of the speaking personality – *Homo Loquens* – is connected with the analysis of an individual world view explicated in language consciousness and actually existing in the form of verbal images – word associations. This article discusses the results of a free associative experiment with participation of the native German speakers (as a result of this experiment, 137 different associative reactions were received with the total number of associative reactions 305; the analysis focused on both types of responses – primary and secondary word associations). The subject matter of the study is the verb *haben*, forming the centre in the sphere “possession” and its synonyms (*gehören*, *verfügen*, *besitzen*, *gebieten*). The synonyms were identified through a lexicographical analysis with the help of five dictionaries of synonyms and the Contemporary German language corpora dwds.de. The analysis is based on a systematic approach that allows us to reveal the structure of senses and meanings in the mental lexicon and the interconnectedness of associative fields of synonymous stimulus words. The lexicographical, corpus and associative types of analysis reveal the following: 1) a negligible number of respondents' refusals to respond; 2) associating with a “paradigmatic” type in regard to the semantic structure of the stimulus word and associative response; 3) a high degree of uniqueness of “syntagmatic” associations; 4) “possession” is associated with such reactions as *Geld*, *Gut*, *Güter*, *Macht*, *Testament*, *Freunde*, *nichts*.

Keywords

Homo Loquens, associative experiment, mental lexicon, verb *haben*, associative-verbal model

For citation

Kozlova, Natalia V. Associative-Verbal Model of the Verb *haben* and Its Synonyms in German. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 53–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-53-64

Введение

Методика ассоциативного эксперимента, широко применяющаяся в последние годы в психолингвистических исследованиях, позволяет провести углубленное изучение семантики слова посредством рассмотрения логических связей в ассоциативных полях. Кроме того, результаты такого эксперимента предоставляют «доступ» к пониманию самой сути языкового сознания и дают возможность описания его структур. В то же время «конструирование» ассоциативно-вербальных моделей позволяет выявить системность содержания образа сознания и системность языкового сознания носителей того или иного языка и шире – той или иной культуры. Данные положения определяют актуальность анализа ассоциативно-вербальных моделей конкретных лексем, в частности концептуально значимых глаголов, так или иначе обозначающих обладание. Для немецкого языка – это, прежде всего, *haben*, формирующий ядро сферы обладания, а также его синонимы *gehören* ‘принадлежать’, *verfügen* ‘иметь в своем распоряжении’, *besitzen* ‘владеть, обладать’, *gebieten* ‘распоряжаться’. При таком анализе на первый план выходит именно системный подход, так как основная цель проводимого исследования – раскрыть структуру значений и смыслов ассоциативных полей синонимичных слов-стимулов.

Ассоциативно-вербальная модель как способ изучения языкового сознания

В последние годы в лингвистике постулируется тот факт, что объектом научных исследований выступает человек говорящий / *Homo Loquens* – «личность, одним из видов деятельности которой является деятельность речевая. Он есть объект языка, культуры, лингвокультуры, сообщества, коммуникации, т. к. он формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества именно в коммуникации, впитывая в себя культуру данного сообщества с помощью (в том числе) языка данного сообщества, осваивая, усваивая и присваивая себе его лингвокультуру. Вместе с тем он и субъект языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации, т. к. он есть носитель сознания, человек-личность, находящийся в непрерывном процессе коммуникации, “сплетающий внутри себя”... язык, культуру и лингвокультуру и “вплетающий себя” в язык, культуру и лингвокультуру» [Красных, 2017.

С. 14–15]. Исследование человека говорящего подразумевает рассмотрение индивидуального образа мира, эксплицированного в языковом сознании и материально представленного в виде словесных образов. Следует подчеркнуть, что «образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека» [Уфимцева, 2017. С. 28].

Само языковое сознание в психолингвистике понимается как:

- «сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями», и близко к понятию «образ мира», т. е. «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1993. С. 18];

- «компонент когнитивного сознания, “заведующий” механизмами речевой деятельности человека; это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности, как оперирование речью. Оно формируется у человека в процессе усвоения языка и совершенствуется всю жизнь, по мере пополнения им знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков» [Стернин, 2002. С. 8];

- «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2004. С. 36].

Таким образом, языковое сознание кумулирует в себе тела языковых знаков – лексические значения, которые оптимально вербализуются в зависимости от коммуникативных намерений *Homo Loquens* и соотносятся с фрагментом окружающей его действительности. При этом языковое сознание определенным образом структурировано, ведь у человека есть способность к категоризации и классификации. Таким образом, языковое сознание включает в себя, прежде всего, ядро, формирующееся на основании первичных вербальных ассоциаций, вызванных словом-стимулом, а также периферию, на которой закреплены индивидуальные образы и представления носителей того или иного языка и культуры.

Еще Фердинанд де Соссюр писал: «Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу» [Соссюр, 1977. С. 52]. И этот «клад» на современном этапе развития лингвистической мысли может быть понят через понятие ментального лексикона:

- «внутренней репрезентации лексической информации» (“interne Repräsentation lexikalischer Informationen” [Grimm, Engelkamp, 1981. S. 245]);

- «языкового уровня знаний в долговременной памяти» (“sprachliche[r] Wissensstand im Langzeitgedächtnis” [Jeske, 2009. S. 5]).

Иначе говоря, ментальный лексикон – это система, «отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представления (экстралингвистического) энциклопедического знания» [Кубрякова, 1996. С. 97].

В психолингвистике понятие ментального лексикона конкретизируется и уточняется как чрезвычайно сложная система «объемных многоярусных многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению разносторонняя информация о предметах и явлениях окружающего мира, об их свойствах и отношениях, об их оценке индивидом и т. п., как и о языковых особенностях обозначающих их вербальных единиц» [Залевская, 1990. С. 156], т. е. слово выступает

«как средство доступа к единому информационному тезаурусу человека» [Уфимцева, 2017. С. 30].

На данный момент наиболее оптимальным практическим методом изучения ментального лексикона являются ассоциативные эксперименты разных видов с дальнейшим построением ассоциативно-вербальной сети рассматриваемого языка.

Уже стало каноническим (но при этом ничуть не утратило своей актуальности и по сей день – ввиду недостаточной изученности на материале различных языков, в частности на материале немецкого языка) определение ассоциативно-вербальной сети, предложенное одним из основателей психолингвистики как науки в нашей стране А. А. Леонтьевым. Он понимает ассоциативно-вербальную сеть как стабильную психофизиологическую структуру, фиксирующую значения слов и связей между ними. В основе организации ассоциативно-вербальной сети лежат смысловые и звуковые отношения между словами. Звучащее слово приводит к оживлению у слушающего структуры узла его вербальной сети. При этом в наибольшей мере должны активизироваться структуры нервных связей воздействующего слова, в ослабленной мере другие словесные структуры. Такое «совозбуждение» вызывает в сознании вместе со словом все его ассоциативные связи – важные, основные, дополнительные [Леонтьев, 1965. С. 15–21]. Именно процесс «совозбуждения» и лежит в основе ассоциирования, изучение которого позволяет оторвать завесу построения, принципов и системности языкового сознания. При этом ассоциативно-вербальная сеть ориентирована одновременно на когнитивную, языковую и коммуникативно-речевую сферы, демонстрирует «язык в его предречевой готовности» [Караулов, 1999] и представляет собой «вербально-знаковое отражение образа мира человека, отличаясь устойчивостью и изменчивостью в определенных пределах, соотносимых с динамикой изменения самого образа мира» [Шапошникова, 2012. С. 67]. Одним из ключевых здесь является понятие «зеркальных нейронов», открытых М. Арбибом и Г. Ризцоллатти [Rizzolatti, Arbib, 1998; Arbib, 2003], позволяющее рассматривать язык как способ соединения когнитивной, семантической и фонологической форм. Нейронные системы дают возможность осуществлять синтез не только информации, основанной на внешних стимулах, но и собственные действия и реакции. Такие «зеркальные нейроны» пронизывают всю систему производства и понимания речи и позволяют нам ориентироваться в социуме. А язык «обеспечивает номинацию ментальных репрезентаций сенсорного опыта и, таким образом, “объективизирует” индивидуальные впечатления, обеспечивая описание мира и коммуникацию» [Черниговская, 2017. С. 67]. Данные «индивидуальные впечатления», формирующие в итоге язык конкретного индивидуума, вербально запечатлены в виде словесных ассоциаций.

Для разных языковых систем степень изученности ассоциативно-вербальной сети разнится. Так, для немецкого языка на данный момент не создано более-менее крупного ассоциативного словаря, позволившего бы нам проводить исследования всей совокупности ассоциаций – как прямых, так и обратных. В связи с этим большинство исследователей ограничивается изучением небольших фрагментов ассоциативно-вербальной сети, которые могут быть охарактеризованы через понятие «ассоциативно-вербальная модель» – в частности, ассоциативно-вербальные модели той или иной лексики либо словосочетания (как свободного, так и устойчивого). Однако и исследования таких фрагментов языковой действительности позволяют нам вскрыть механизм ассоциирования и кроющегося за ним системности образа, стоящего за словом.

Взаимосвязанность ассоциативных полей синонимичных слов-стимулов со значением обладания

Объектом ассоциативных экспериментов выступает «субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним» [Леонтьев, 2011. С. 19]. В частности, проведение свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первичного ответа, когда не может

быть верной или неверной реакции. По мнению Н. В. Уфимцевой, «материалы, собранные с помощью этой методики, позволяют судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими методами исследования. Свободный ассоциативный эксперимент дает возможность получить информацию относительно психологических эквивалентов “семантических полей” и вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [2014. С. 342], т. е. приблизиться к пониманию сущности языка как конкретного индивидуума, так и коллектива, говорящего на одном языке.

Целью настоящего исследования является рассмотрение результатов свободного ассоциативного эксперимента носителей немецкого языка и подробное изучение полученных реакций. На данный момент в нашем эксперименте принял участие 61 человек, эксперимент все еще продолжается, так что полученные результаты могут быть охарактеризованы как пилотный проект.

В данной публикации мы остановимся на базовом для немецкого языка глаголе *haben* ‘иметь’ и четырех его синонимах (*gehören* ‘принадлежать’, *verfügen* ‘иметь в своем распоряжении’, *besitzen* ‘владеть, обладать’, *gebieten* ‘распоряжаться’). Данные синонимы были отобраны по результатам лексикографического анализа (Bulitta E., Bulitta H., 2003; Görner, Kempcke, 2003; Kroeber, Spalier, 1997; Schill, 1993; DWDS; Duden online).

В основе анализа лежит системный подход, позволяющий раскрыть структуру значений и смыслов и выявить взаимосвязанность ассоциативных полей синонимичных слов-стимулов, так как «именно значимость каждого элемента является системообразующим фактором для предметных значений и их вербальных овнешнений» [Уфимцева, 2017. С. 45]. Всего было получено 137 различных реакций, общее количество реакций – 305, при анализе внимание уделено как первичным, так и вторичным ассоциациям, учитывая, что «все языковые процедуры опираются на ассоциативные связи в нейронных цепях и имеют вероятностный характер, а ассоциативные связи между словами в ментальном лексиконе основаны на фонологическом и семантическом сходстве» [Черниговская, 2017. С. 58]. При этом анализ соотношения «стимул – реакция» проводится на основе дефиниций, содержащихся в толковом словаре Duden online и словаре-корпусе DWDS.

Прежде всего, стоит констатировать ничтожно малое количество отказов от ответа и лишь для глагола *haben* (в 1,64 %). Кроме того, ничтожно мал процент ассоциаций, в которых наблюдается отсутствие смысловой связи со словом-стимулом, – 2 %. Например, глагол *gehören* ‘принадлежать’ вызвал такие единичные ассоциации, как *hören* ‘слышать’, *gehörchen* ‘слушаться, повиноваться’, а глагол *verfügen* ‘иметь в своем распоряжении’ – реакцию *belügen* ‘обманывать’. Во всех этих случаях мы наблюдаем ассоциирование по созвучию со словом-стимулом (различие с исходным словом лишь на несколько букв: *gehören* – *hören* – *gehörchen*; *verfügen* – *belügen*).

При соотнесении вида смысловой связи можно констатировать, что носители немецкого языка приводят в основном парадигматические ответы (приблизительно в 60 %, на рисунке, представленном далее, они выделены зеленым цветом). Парадигматические отношения – это отношения противопоставленности и / или функционального тождества языковых элементов. Иначе говоря, в парадигму объединяются наборы языковых единиц, основанные на логической формуле *или – или*. Например, для глагола *haben* это лексемы, так или иначе обозначающие обладание: *besitzen* ‘владеть, обладать’, *gehören* ‘принадлежать’, *nehmen* ‘брать’, *brauchen* ‘нуждаться, пользоваться’, *Besitz* ‘владение, обладание’ и др.

Анализ первичных парадигматических реакций показал, что лишь четыре лексемы (*haben*, *gehören*, *besitzen* и *verfügen*) связаны в сознании носителей немецкого языка наиболее тесным образом (в 34 % наблюдаются «перекрестные» реакции, см. табл. 1). В свою очередь, глагол *gebieten* не вызвал реакций со значением обладания и связан, прежде всего, с понятием господства (*herrschen* ‘господствовать, править’, *Herrscher* ‘владыка’).

Ассоциативно-вербальная модель глаголов обладания
Associative-Verbal Model of Possession Verbs

Не только первичные, но и вторичные ассоциации позволяют заключить, что наиболее частотным типом парадигматического ассоциирования выступают синонимические отношения между словом-стимулом и словом-реакцией (84 %). Это такие синонимические связи, как *haben* – *besitzen*; *gehören* – *besitzen*, *haben*; *besitzen* – *haben*, *Eigentum* и др., формирующие поле обладания.

Кроме того, наблюдаются отношения «семантической парадигматики». Глагол *sein* ‘быть’ как реакция на глагол *haben* – в том смысле, как эту связь понимает Э. Бенвенист: «Они действительно оба указывают состояние, но не одно и то же состояние. “Быть” – это состояние существующего, того, кто сам что-то есть; “иметь” – это состояние имеющего, того, у которого что-то есть. Различие между ними вырисовывается следующим образом. Между двумя членами, соединенными глаголом “быть”, устанавливается внутреннее отношение тождества (состояние кон-субстанциальности). Напротив, два члена, соединенные глаголом “иметь”, остаются различными; связь между ними является внешней и определяется как отношение принадлежности; это отношение обладаемого к обладателю. “Иметь” обозначает только обладателя и делает это с помощью того, что с грамматической точки зрения выступает как

(псевдо)объект» [Бенвенист, 1974. С. 215]. Другими словами, происходит так называемая «кластеризация смыслов» в сознании носителя языка.

Антонимические ответы наблюдаются намного реже – в 9,4 %, и являются, в основном, единичными:

1) для *haben* – это *entbehren* ‘быть лишенным’, *fehlen* ‘иметь в недостаточном количестве’, а также с отрицанием: *nicht besitzen*, *nicht haben*, *oder nicht haben*;

2) для *gehören* – прилагательное / наречие *frei* ‘свободный’, использующееся как противопоставление к значению ‘принадлежать’;

3) для глагола *besitzen* список реакций-антонимов довольно обширен: *teilen* ‘делиться тем, чем ты владеешь’ (2 раза), *Armut* ‘бедность, нужда’, *stehlen* ‘красть, похищать’, *verkaufen* ‘продавать’;

4) глагол *verfügen* вызвал лишь единичную реакцию-антоним – *einteilen* ‘делить, разделять’;

5) антонимические ответы для глагола *gebieten* связаны, прежде всего, с его значением ‘приказывать, требовать’ – *erlauben* ‘разрешать, позволять’ (3 раза), *Ablehnung* ‘отказ’, *gehören* ‘слушаться, повиноваться’.

Синтагматические отношения определяются как отношения сочетаемости элементов одного уровня в речевой цепи, основанные на логической формуле *u – u*, т. е. и один элемент и другой элемент вместе, рядом, один за другим, образуя цепочку однопорядковых элементов определенной протяженности. Например, для глагола *haben* – это *etwas* ‘нечто, что-нибудь’, *Freunde* ‘друзья, приятели’, *Lust* ‘радость, удовольствие, желание’, *Durst* ‘жажда’, *Zeit* ‘время’ и др. Понятие синтагматики очень тесно связано с теорией валентности, ибо под валентностью понимается «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» [Кацнельсон, 1948. С. 132] для образования семантически однозначного и грамматически корректного высказывания.

Таблица 1

Первичные парадигматические реакции

Table 1

Primary Paradigmatic Reactions

Реакция	Стимул				
	<i>haben</i>	<i>gehören</i>	<i>besitzen</i>	<i>verfügen</i>	<i>gebieten</i>
<i>besitzen</i> ‘владеть, обладать’	18	14	–	9	–
<i>sein</i> ‘быть’	10	–	–	–	–
<i>Besitz</i> ‘владение, обладание’	8	9	1	2	–
<i>wollen</i> ‘хотеть, желать’	4	–	1	–	–
<i>haben</i> ‘иметь’	–	4	15	9	–
<i>Eigentum</i> ‘собственность’	–	3	5	–	–
<i>mein</i> ‘мой’	–	3	–	–	–
<i>gehören</i> ‘принадлежать’	1	–	2	–	–
<i>teilen</i> ‘делиться тем, чем ты владеешь’	–	–	2	–	–
<i>bestimmen</i> ‘определять, предписывать’	–	–	–	3	–
<i>herrschen</i> ‘господствовать, править’	–	–	–	1	15
<i>Herrscher</i> ‘владыка’	–	–	–	–	8
<i>befehlen</i> ‘приказывать, велеть’	–	–	–	–	3
<i>erlauben</i> ‘разрешать, позволять’	–	–	–	–	3

Иначе говоря, валентность – это способность слова «открывать определенные позиции в своем окружении, которые могут быть заполнены обязательными или факультативными актантами» (“bestimmte Leerstellen um sich herum zu eröffnen, die durch obligatorische oder fakultative Aktanten zu besetzen sind” [Helbig, Schenkel, 1973. S. 49]). Точно так же при ассоциативном эксперименте мы наблюдаем цепочку различных актантов, которые «всплывают» в памяти при прочтении соответствующего слова (в нашем случае глагола), неважно являются они обязательными или факультативными. Актантами в данном случае могут быть названы те единицы, которые занимают эти «пустые места» (так называемые *Leerstellen*). Анализ показал, что такие отношения для исследуемых глаголов встречаются в 37 % (на рисунке они обозначены фиолетовым цветом), при этом пересекающихся полей практически не наблюдается (табл. 2).

Таблица 2

Первичные синтагматические реакции

Table 2

Primary Syntagmatic Reactions

Реакция	Стимул				
	<i>haben</i>	<i>gehören</i>	<i>besitzen</i>	<i>verfügen</i>	<i>gebieten</i>
<i>Familie</i> ‘семья’	–	2	–	–	–
<i>mir</i> ‘мне’	–	2	–	–	–
<i>nichts</i> ‘ничто’	–	2	1	1	–
<i>Geld</i> ‘деньги’	1	–	6	6	–
<i>Haus</i> ‘дом’	–	–	4	–	–
<i>Gut</i> ‘товар, благо, имущество’	1	–	2	–	–
<i>Güter</i> ‘товары’	–	1	2	–	–
<i>Last</i> ‘ноша, груз, поклажа’	–	–	2	–	–
<i>Macht</i> ‘сила, мощь’	–	–	2	2	1
<i>Reichtum</i> ‘богатство’	–	–	2	–	–
<i>Gewalt</i> ‘власть, сила’	–	–	–	3	–
<i>Konto</i> ‘счёт’	–	–	–	2	–
<i>Testament</i> ‘завещание’	–	–	–	2	–
<i>über</i> (указывает на управление глагола)	–	–	–	2	–
<i>König</i> ‘король’	–	–	–	–	4
<i>Chef</i> ‘шеф’	–	–	–	–	2
<i>Einhalt</i> (используется в устойчивом выражении со значением ‘остановить’)	–	–	–	–	2
<i>Herr</i> ‘господин’	–	–	–	–	2

Следовательно, при синтагматическом ассоциировании поле обладания связано, прежде всего, с такими реалиями, как *Geld* ‘деньги’, *Macht* ‘сила, мощь’ и *nichts* ‘ничто’, встречающимися как реакции минимум для трех из рассматриваемых глаголов.

Кроме того, примерно в 1 % наблюдаются единичные реакции, которые выражают чаще всего оценку респондента: *besitzen* – *nicht wichtig* ‘неважно’, *gebieten* – *Absolutismus* ‘абсолютизм, самодержавие’, *gehören* – *negativ* ‘негативный, отрицательный’ (на рисунке отмечены серым цветом).

Следовательно, обладание для носителя немецкого языка связано прежде всего с такими неединичными реакциями, как

- **besitzen** 'владеть, обладать' (18) *, *sein* 'быть' (10), **Besitz** 'владение, обладание' (8), **wollen** 'хотеть, желать' (4) для глагола *haben*;

- **besitzen** 'владеть, обладать' (14), **Besitz** 'владение, обладание' (10), **haben** 'иметь' (4), **Eigentum** 'собственность' (3), *mein* 'мой' (3), *Familie* 'семья' (2), *hören* 'слышать' (2), *mir* 'мне' (2), **nichts** 'ничто' (2) для глагола *gehören*;

- **haben** 'иметь' (15), **Geld** 'деньги' (6), **Eigentum** 'собственность' (5), *Haus* 'дом' (4), *gehören* 'принадлежать' (2), **Gut** 'товар, благо, имущество' (2), **Güter** 'товары' (2), *Last* 'ноша, груз, поклажа' (2), **Macht** 'сила, мощь' (2), **Reichtum** 'богатство' (2), *teilen* 'делиться тем, чем ты владеешь' (2) для глагола *besitzen*;

- **besitzen** 'владеть, обладать' (9), **haben** 'иметь' (9), **Geld** 'деньги' (6), **bestimmen** 'определять, предписывать' (3), *Gewalt* 'власть, сила' (3), **Besitz** 'владение, обладание' (2), *Konto* 'счёт' (2), **Macht** 'сила, мощь' (2), **Testament** 'завещание' (2), *über* (указывает на управление глагола) (2) для глагола *verfügen*;

- **herrschen** 'господствовать, править' (15), *Herrscher* 'владыка' (8), *König* 'король' (4), *befehlen* 'приказывать, велеть' (3), *erlauben* 'разрешать, позволять' (3), *Chef* 'шеф' (2), *Einhalt* (используется в устойчивом выражении со значением 'остановить') (2), *Herr* 'господин' (2) для глагола *gebieten*.

Единичными, т. е. индивидуальными, реакциями выступают:

1) *haben*: *brauchen* 'нуждаться, пользоваться', *Durst* 'жажда', *Eigen* 'владение, собственность', *entbehren* 'быть лишенным', *fehlen* 'иметь в недостаточном количестве', **Freunde** 'друзья, приятели', **geben** 'давать', *gehören / besitzen* 'принадлежать' / 'владеть, обладать', **Geld** 'деньги', *Glück* 'удача, успех', **Gut** 'товар, благо, имущество', *lassen* 'велеть, заставлять, позволять', *Lust* 'радость, удовольствие, желание', **nehmen** 'брать', *nicht besitzen* 'не владеть, не обладать', *nicht haben* 'не иметь', *oder nicht haben* 'или не иметь', *Recht* 'право', *Schönes* 'прекрасное, красивое', *Zeit* 'время';

2) *gehören*: *Besitzer* 'владелец, собственник', *Bettwäsche* 'постельное бельё', *frei* 'свободный', **gehören** 'слушаться, повиноваться', **Güter** 'товары', *jemandem* 'кому-нибудь', *keinem* 'никому', *Kleider* 'одежда', *Leben* 'жизнь', *meinen* 'подразумевать', *negativ* 'негативный, отрицательный', *Personalpronomen* 'личное местоимение', *Pflicht* 'долг, обязанность', *sehen* 'смотреть', *wem* 'кому', *wohin* 'куда', *zu jmd. gehören* 'принадлежать кому-либо', *zu* (указывает на управление глагола);

3) *besitzen*: *Adel* 'дворянство', *Armut* 'бедность, нужда', *Auto* 'автомобиль', *Buch* 'книга', **Freunde** 'друзья, приятели', *Führerschein* 'водительские права', *Habseligkeiten* 'имущество, пожитки', *halten* 'держать', *nicht wichtig* 'неважно', **nichts** 'ничто', *own* 'владеть (англ.)', *reich* 'богатый', *stehlen* 'красть, похищать', *verkaufen* 'продавать', *Vermögen* 'имущество, состояние', **wollen** 'хотеть, желать';

4) *verfügen*: *anordnen* 'располагать', **beherrschen** 'владеть, править', *belügen* 'обманывать', *Besitztümer* 'владелец', *einteilen* 'делить, разделять', *festsetzen* 'устанавливать, назначать', **geben** 'давать', **herrschen** 'господствовать, править', *Macht haben* 'иметь силу, мощь', *Möglichkeit* 'возможность', *Möglichkeiten* 'возможности', **nehmen** 'брать', **nichts** 'ничто', *Sorgerecht* 'право родительской опеки', *über etwas verf.* 'чем-либо обладать, распоряжаться', *über Geld* 'деньги / деньгами', *über mich* 'мною', *verwalten* 'управлять, заведовать', *worüber* 'чем', *zur Verfügung haben* 'иметь в распоряжении';

5) *gebieten*: *Ablehnung* 'отказ', *Absolutismus* 'абсолютизм, самодержавие', *anschaffen* 'приобретать', **beherrschen** 'владеть, править', **bestimmen** 'определять, предписывать', *bieten* 'предлагать, давать', *Gebot* 'приказ', **gehören** 'слушаться, повиноваться', *Gesetz* 'закон',

* В скобках указано количество реакций на слово-стимул, полужирным курсивом выделены повторяющиеся реакции для синонимичных стимулов.

Gott ‘бог’, *Höflichkeit* ‘вежливость, учтивость’, *Ländereien* ‘земельные угодья’, *Macht* ‘сила, мощь’, *Mann* ‘мужчина, муж’, *Monarchie* ‘монархия’, *Raum* ‘пространство’, *Respekt* ‘уважение, почтение’, *unterordnen* ‘подчинять’, *vermitteln* ‘посредничать, способствовать’.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать следующее.

В сознании носителей немецкого языка наблюдается тесная связь между глаголами *haben*, *besitzen*, *gehören* и *verfügen*. Глагол *gebieten*, являющийся, по данным лексикографического анализа, синонимом *haben*, стоит практически особняком и связан с глаголом *verfügen* опосредованно – через глаголы *herrschen* ‘господствовать, править’, *bestimmen* ‘определять, предписывать’, *beherrschen* ‘владеть, править’, а с глаголом *haben* – через существительное *Macht* ‘сила, мощь’.

Наиболее тесные связи между глаголами *haben*, *besitzen*, *gehören* и *verfügen* наблюдаются со стороны парадигматических реакций, синтагматические реакции являются уникальными и более разнообразными для каждого из рассмотренных глаголов.

Парадигматические реакции представлены как через синонимические, так и через антонимические связи.

Синтагматические реакции выражены в основном именами существительными (как конкретной, так и абстрактной семантики). При этом обладание в сознании носителей немецкого языка связано прежде всего с такими понятиями, как *Geld* ‘деньги’, *Gut* ‘товар, благо, имущество’, *Güter* ‘товары’, *Macht* ‘сила, мощь’, *Testament* ‘завещание’, *Freunde* ‘друзья, приятели’, *nichts* ‘ничто’.

Таким образом, исследование языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дает возможность выявить системность содержания образа сознания, стоящего как за отдельным словом в том и или ином языке (и шире – культуре), так и за определенным смысловым полем. Все это показывает уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры.

Список литературы / References

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Benveniste, E. General Linguistics. Moscow, Progress Publ., 1974, 448 p. (in Russ.)

Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990. 204 с.

Zalevskaya, A. A. The Word in the Lexicon of an Individual. Psycholinguistic Research. Voronezh, 1990, 204 p. (in Russ.)

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Karaulov, Yu. N. Active Grammar and Associative and Verbal Network. Moscow, Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences Publ., 1999, 180 p. (in Russ.)

Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 2. С. 114–134.

Kacnelson, S. D. On Grammatical Category. *Bulletin of the Leningrad University*, 1948, no. 2, p. 114–134. (in Russ.)

Красных В. В. Новые науки о человеке говорящем: ответ на вызов нашего времени // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 6–18.

- Krasnykh, V. V.** New Sciences About Homo Loquens: An Answer to the Challenge of Our Time. In: Krasnykh V. V. (ed.). (Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens. Moscow, Gnozis Publ., 2017, p. 6–18. (in Russ.)
- Кубрякова Е. С.** Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 97–99.
- Kubryakova, E. S.** Mental Lexicon. In: Kubryakova E. S. (ed.). Dictionary of Cognitive Terms. Moscow, Faculty of Philology, Moscow State University Publ., 1996, p. 97–99. (in Russ.)
- Леонтьев А. А.** Слово в речевой деятельности. М., 1965. 214 с.
- Leontiev, A. A.** The Word in Speech Activity. Moscow, 1965, 214 p. (in Russ.)
- Леонтьев А. А.** Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М., 1993. С. 16–21.
- Leontiev, A. A.** Linguistic Consciousness and Image of the World. In: Tarasov E. F. (ed.) Language and Consciousness: Paradoxical Rationality. Moscow, 1993, p. 16–21. (in Russ.)
- Леонтьев А. А.** Психолингвистический аспект языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2011. № 1 (13). С. 8–29.
- Leontiev, A. A.** Psycholinguistic Aspect of Linguistic Meaning. *Journal of Psycholinguistics*, 2011, no. 1 (13), p. 8–29. (in Russ.)
- Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
- Saussure, F. de.** Course in General Linguistics. Columbia Uni. Press, 2011, 320 p. (Russian edition)
- Стернин И. А.** Коммуникативное и языковое сознание // Язык и национальное сознание. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 4. С. 4–13.
- Sternin, I. A.** Communicative and Linguistic Consciousness. In: Language and National Consciousness. Voronezh, Istoki Publ., 2002, no. 4, p. 4–13. (in Russ.)
- Тарасов Е. Ф.** Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.
- Tarasov, E. F.** Linguistic Consciousness. *Journal of Psycholinguistics*, 2004, no. 2, p. 34–47. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В.** Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9 (92). С. 340–347.
- Ufimtseva, N. V.** Associative Dictionary as a Model of Linguistic Picture of the World. *Bulletin of the Irkutsk State Technical University*, 2014, no. 9 (92), p. 340–347. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В.** Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / Под ред. В. В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.
- Ufimtseva, N. V.** Ethnopsycholinguistics as a Section of the Theory of Speech Activity. In: Krasnykh V. V. (ed.). (Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens. Moscow, Gnozis Publ., 2017, p. 21–96. (in Russ.)
- Черниговская Т. В.** Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М., 2017. 448 с.
- Chernigovskaya, T. V.** The Cheshire Smile of Schrodinger's Cat: Language and Consciousness. Moscow, 2017, 448 p. (in Russ.)
- Шапошникова И. В.** Эмпирическая база для исследования вербальных ассоциаций русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 63–76.

- Shaposhnikova, I. V.** New Russian Regional Database of Free Association (2008–2012) as an Empirical Source for Interdisciplinary Ethnocultural Research. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2012, vol. 10, no. 2, p. 63–76. (in Russ.).
- Arbib, M. A.** Protosign and protospeech: An expanding spiral. *Behavioral and Brain Sciences*, 2003, no. 26 (2), p. 209–210.
- Grimm, H., Engelkamp, J.** Sprachpsychologie: Handbuch und Lexikon der Psycholinguistik. Berlin, E. Schmidt, 1981, 346 S.
- Helbig, G., Schenkel, W.** Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1973, 458 S.
- Jeske, I.** Das mentale Lexikon: Ein Einblick in die Prozesse des lexikalischen Gedächtnisses. Nordstedt, GRIN Verlag, 2009, 32 S.
- Rizzolatti, G., Arbib, M. A.** Language within our grasp. *Trends in Neurosciences*, 1998, no. 21, p. 188–194.

Список словарей / List of Dictionaries

- Bulitta E., Bulitta H.** Wörterbuch der Synonyme und Antonyme: sinn- und sachverwandte Wörter und Begriffe sowie deren Gegenteil und Bedeutungsvarianten. Vollst. überarb. und erg. Neuausg. Frankfurt am Main, Fischer-Taschenbuch-Verl., 2003, 968 S.
- Duden Online** – Duden Online [Словарь Duden онлайн]. URL: <http://www.duden.de>
- DWDS** – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart [Словарь немецкого языка]. URL: <http://www.dwds.de>
- Görner H., Kempcke G.** Wörterbuch Synonyme. 3., überarb. Aufl. München, Dt. Taschenbuch Verl., 2003, 834 S.
- Kroeber S., Spalier M.** Synonym-Wörterbuch: der treffende Ausdruck – das passende Wort [sinnverwandte Wörter; Neuausg. unter Berücksichtigung der Rechtschreibreform]. Gütersloh, Bertelsmann-Lexikon-Verl., 1997, 711 S.
- Schill I.** Lexikon der Synonyme. Niedernhausen, Bassermann, 1993, 300 S.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
24.02.2019

Информация об авторе / Information about the Author

- Козлова Наталья Валерьевна**, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
- Natalia V. Kozlova**, Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Romanic and Germanic Philology, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
- n.kozlova@g.nsu.ru
ORCID 0000-0001-5485-945X

УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76

Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени»

Е. С. Савина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению особенностей стилистического функционирования юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» (“À la recherche du temps perdu”) «Под сенью девушек в цвету» (“À l’ombre des jeunes filles en fleurs”). Интерес к данной проблеме в настоящий момент заключается в том, что, хотя тексты М. Пруста и исследовались с разных точек зрения, насколько нам известно, не существует работ, в которых бы анализировалось использование автором стилистических фигур, созданных на основе юридических терминов. Мы рассматриваем употребление М. Прустом подобных фигур в конце первой и в начале второй части второго тома романа. Наша цель заключается в выявлении, систематизации и лингвистическом анализе данных фигур. Мы используем методы семантического, стилистического и контекстуального анализа. Описанные нами юридические термины мы проверили по словарям, одноязычным и двуязычным, как общим, так и специальным, а их функционирование в современном французском языке – по Интернету. Также в тех случаях, когда это было возможно, мы установили, с какими стилистическими фигурами, относящимися к другим сферам человеческой жизни, соотносятся сравнения и метафоры, созданные на основе юридической терминологии. Наш анализ показал, что М. Пруст использует как общую юридическую лексику (“article secret des lois”, “compétence et juridiction”, “coutumier”, “police particulière”), так и лексику, относящуюся к отдельным отраслям права, а именно конституционному (“Chambre”), уголовному (“geôlier”, “prison”, “voleur”), международному (“Chef d’État”, “exterritorialité”) и финансовому (“livre de comptes”, “avance”, “solde créditeur”, “débit”), для того, чтобы, с одной стороны, показать морально-правовую «экстерриториальность» мира аристократов во Франции, живущих уже по законам Республики с ее лозунгами равенства и братства, с другой – раскрыть тему разрыва между социальными и личными взаимоотношениями в реальности и представлениями о них. Данные фигуры сочетаются в тексте М. Пруста со сравнениями и метафорами из других областей, в частности из области искусства, военной и медицинской сферы, а также отсылают к некоторым другим литературным текстам, а именно к басне Лафонтена. Благодаря подобной комплексности языка и стиля автор выявляет эстетический потенциал французской юридической терминологии и создает особый художественный мир.

Ключевые слова

метафоры, образные сравнения, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология, юридические термины, язык и стиль М. Пруста

Благодарности

Автор выражает признательность Елене Эмильевне Разлоговой за помощь при проведении настоящего исследования. От всего сердца хотелось бы поблагодарить Татьяну Ильиничну Тарасову и Ирину Николаевну Кузнецову за ценные советы и доброжелательное отношение. Также я благодарна своим родителям и коллегам за моральную поддержку.

Для цитирования

Савина Е. С. Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 65–76. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76

Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost Time"

Elena S. Savina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The present article deals with the stylistic functioning of legal vocabulary in the second volume of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time" ("À la recherche du temps perdu") "In the Shadow of Young Girls in Flower" ("À l'ombre des jeunes filles en fleurs"). The current interest in the problem lies in the fact that, as far as we know, though Marcel Proust's texts have been studied from different viewpoints, no research has been done on the author's use of stylistic figures based on legal vocabulary. It would be reasonable to examine in detail how Marcel Proust resorts to the legal vocabulary from the point of view of stylistics at the end of the first and at the beginning of the second part of the second volume of his novel. What we are aiming at is revealing, classification, and stylistic analysis of such figures. We use the methods of semantic, linguistic and contextual analyses. We have verified the meaning of the legal terms under study in monolingual and bilingual dictionaries, in the general vocabulary Thesaurus as well as in the dictionaries of legal terms; we have consulted the Internet to check their usage in contemporary French. We have also found out, wherever it was possible, what other stylistic figures those based on legal vocabulary correlate to. Our analysis shows that Marcel Proust employs general legal vocabulary ("article de loi", "compétence et juridiction", "coutumier", "police particulière") as well as legal vocabulary from different branches of Law, namely Constitutional Law ("Chambre"), Criminal Law ("geôlier", "prison", "voleur"), International Law ("chef d'État pendant les toasts officiels", "exterritorialité") and Financial Law ("livre de comptes", "avance", "solde créditeur", "débit") in order to describe different domains of life (such as relations in high society, those among the bourgeoisie as well as relations between friends and those of a teenager in love). "Legal" similes and metaphors can be combined with those from other domains of life, particularly with stylistic figures referring to art (namely, one of La Fontaine's fables), medicine and war. This narrative technique makes the author's text more expressive. More detailed analysis of such figures, as well as the fact of establishing their textual connections within all Marcel Proust's texts, will contribute to revealing the specificity of the author's language and style.

Keywords

similes, metaphors, legal terminology, legal terms, legal vocabulary, Marcel Proust's language and style, stylistic figures

Acknowledgements

The author of the article would like to thank Madam Razlogova Elena for her invaluable help throughout this challenging project. I would like to express my profound gratitude to Madam Kuznetsova Irina and to Madam Tarasova Tatiana for their precious advice and for their friendly attitude. I am also grateful to my parents and colleagues for their inestimable support.

For citation

Savina, Elena S. Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost Time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 65–76. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76

Введение

Творчество М. Пруста изучено с разных точек зрения. Некоторые отдельные вопросы рассмотрены, например, В. П. Трыковым [2008] (отношение писателя к России) и Т. М. Николаевой [2012] (опираясь исключительно на текст, исследовательница показывает, что описываемые в романе события на самом деле происходили не в реальной жизни). В статье В. И. Грешных [2003] рассматривается соотношение *Я* и *Не-Я*, сна и бодрствования, воспоминаний и культуры.

Юридическая лексика также изучается в самых разнообразных аспектах. Так, например, Т. Шокиров [2010] исследовал юридическую терминологию современного таджикского языка, в частности влияние, которое на нее оказали юридические термины советского периода. Н. В. Белоконов [2009] пишет о необходимости овладения юристами юридической терминологией и жалеет о том, что в дисциплинах филологического блока особое внимание уделя-

ется чаще всего исключительно функциональной стилистике. И. В. Тимошенко [2009] высказывает идею о том, что в настоящее время на юридических факультетах изучению юридической терминологии как таковой уделяется недостаточно внимания и предлагает ввести в программу целый блок дисциплин, в рамках которых студенты-юристы будут анализировать ее именно с филологической точки зрения. Говоря о необходимости преподавания юридической лексики на занятиях по английскому языку в языковом вузе, О. А. Безуглова и А. А. Кузнецова подчеркивают тот факт, что «юридическая лексика как терминосистема представляет собой одну из основных составляющих языка для профессиональных целей. Кроме того, юридическая лексика – язык права – отличается от других терминосистем большим разнообразием сфер применения. Она может использоваться как в специализированных текстах различной тематики, так и в художественной литературе» [Безуглова, Кузнецова, 2016]. Изучение специальной, а именно юридической, лексики в «высокой» французской художественной литературе (т. е. не ограничивающейся развлекательно-детективным жанром), на наш взгляд, особенно интересно, так как ее многочисленные следы обнаруживаются уже у Бальзака, в “L’Argent” Э. Золя, в “La folle de Chaillot” Жана Жироду, в “La Belle du Seigneur” А. Коэна и др.

Тот факт, что научная терминология далеко не всегда лишена художественной образности, может быть наглядно доказан следующими размышлениями А. Дюрера (приводится по [Татаринов, 2007. С. 76]): «Эллипс я назову яйцевидной линией, потому что он похож на яйцо. Параболу мы будем называть зажигательной линией, потому что из нее изготовляют зеркало, которое зажигает. А гиперболу я назову вилкообразной линией». Говоря о стилистическом функционировании специальных терминов в рамках художественного произведения, В. А. Татаринов отмечает: «В большинстве работ, относимых к филологическим исследованиям терминологии, терминологическая рефлексия как таковая не обнаруживается. Суть этого направления как раз и заключается в особой установке исследователя заниматься изучением филологических свойств специальной лексики. Три основных вопроса волнуют исследователей: взаимодействие терминологической лексики с общеупотребительной, термин в художественном произведении и публицистической литературе, переход термина в общеупотребительную лексику. В этом направлении выделяются работы Н. В. Юшманова, А. И. Ефимова, Д. С. Лихачева, Л. А. Капанадзе» [Татаринов, 2007. С. 118].

К основным результатам развития в советском языкознании филологического подхода к изучению терминологической лексики он относит следующие. Термин признается, конечно, словом профессиональной речи, но подчеркивается, что он имеет тесное взаимодействие со словами общелитературного языка. Термины, будучи наделены функцией отражения специальных понятий, имеют также культурную ценность, они могут быть органически введены в ткань художественной и общественно-публицистической речи. Термины следует, поэтому, относить к языковому метауровню, который помогает «создавать литературные персонажи и воспроизводить социальные ситуации»¹ [Татаринов, 2007. С. 119].

В контексте данной работы важно отметить мысль Татаринова о том, что взаимодействие термина с общелитературным языком способствует в немалой степени включению в его семантику художественного текста различных видов коннотации – экспрессивно-эмоциональной, национально-культурной и идеологической [Там же. С. 128–129].

Возвращаясь к М. Прусту, напомним, что он в течение некоторого времени изучал право на юридическом факультете Сорбонны и что юридическая терминология представлена в его текстах. Мы ставим перед собой задачу проанализировать стилистическое функционирование юридической лексики в прозе писателя. При этом под юридической лексикой, юридической терминологией и юридическими терминами мы будем понимать, вслед за Ж. Корню,

¹ См., например, статью Grange Cyril “Les alliances de l’aristocratie avec les familles des financiers juifs à Paris, 1840–1940: déterminants socio-démographiques et débat religieux”, Histoire, économie et société, 4, 2014, p. 75–93, где браки между иудеями и католиками описываются с точки зрения канонического и гражданского права.

«все слова, которые имеют по крайней мере одно юридическое значение» [Cornu, 2005. P. 53]. Нас будет интересовать использование юридических терминов в составе стилистических фигур, прежде всего сравнений и метафор, которые мы, вслед за Ж. Молинье, французским лингвистом, не будем разделять, считая сравнение лишь первой стадией метафоры [Molinié, 1992. P. 213; 2005. P. 112–113].

Существует уже большое количество работ, посвященных как теории коммуникации в целом [Durand, 1981], так и стилистическим фигурам в частности. Например, в книге М. Фредерик описывается стилистическое функционирование повтора [Frédéric, 1985], который Ж. Молинье считает одним из важнейших стилистических приемов [Molinié, 1992. P. 192–193]. Также в отдельных трудах описывается обращение к различным стилистическим фигурам в кинематографе [Gerstenkorn, 1995]. Поскольку в нашу задачу не входит подробное описание и анализ разных классификаций стилистических фигур, мы ограничимся лишь самым общим представлением о различии между сравнениями и метафорами и рассмотрим их функционирование в романе М. Пруста.

Юридическая лексика в тексте М. Пруста

В нашей статье мы проанализируем стилистические фигуры, созданные на основе юридической лексики, которые автор использует в конце первой и в начале второй части второго тома романа «В поисках утраченного времени» («À la recherche du temps perdu») «Под сенью девушек в цвету» («À l'ombre des jeunes filles en fleurs»). Выявленные юридические термины можно разделить на общую юридическую лексику и лексику, относящуюся к отдельным отраслям права: конституционному, международному, уголовному, финансовому, а также к области уголовного процесса.

Общая юридическая лексика

Un article secret des lois. Повествователь, Марсель, мечтая познакомиться с маркизом де Сен-Лу, разочарован, видя, что тот, со своей стороны, к этому не стремится. Марсель, думая о том, что другие аристократы, такие как маркиз де Норпуа или госпожа де Вильпаризи, тем не менее, свободно общались с ним, представляет, что маркизу де Сен-Лу запрещает поступать так же некая тайная статья свода законов, регулирующих жизнь аристократии:

Quelle déception j'éprouvai les jours suivants quand, chaque fois que je le rencontrai dehors ou dans l'hôtel – le col haut, équilibrant perpétuellement les mouvements de ses membres autour de son monocle fugitif et dansant qui semblait leur centre de gravité – je pus me rendre compte qu'il ne cherchait pas à se rapprocher de nous et vis qu'il ne nous saluait pas quoi qu'il ne pût ignorer que nous étions les amis de sa tante! *Et me rappelant l'amabilité que m'avait témoignée Mme de Villeparisis et avant elle M. de Norpois, je pensais que peut-être ils n'étaient que des nobles pour rire et qu'un article secret des lois qui gouvernent l'aristocratie doit y permettre peut-être aux femmes et à certains diplomates de manquer dans leurs rapports avec les roturiers, et pour une raison qui m'échappait, à la morgue que devait au contraire pratiquer impitoyablement un jeune marquis.* Mon intelligence aurait pu me dire le contraire. <...> [Proust, 1988. P. 297–298]²

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное “article” «статья (например, закона, кодекса)» определяется как “division élémentaire et fondamentale des textes législatifs et réglementaires français, comprenant une disposition légale condensée en une ou plusieurs phrases, parfois réparties en plusieurs alinéas, et dont la série reçoit, pour faciliter la citation des textes, un numérotage unique, qui se suit sans interruption à travers d'autres divisions plus générales (livre, titre, chapitre, section, paragraphe), formant le corps entier d'une loi ou d'un code; division semblable dans les décisions des juridictions administratives” [Cornu, 2016. P. 86]. Поскольку

² Здесь и далее курсивом мы будем выделять предложение, в составе которого функционирует юридический термин, а его непосредственный контекст – подчеркиванием. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

Марсель в данном случае недоумевает, почему дело обстоит именно так, он пытается объяснить для себя пренебрежение правилами вежливости со стороны маркиза де Сен-Лу неким моральным сводом законов, о котором Марселю ничего не известно; он будто бы регулирует жизнь аристократов и в нем четко прописаны нормы, которым должны следовать люди знатного происхождения, а в некоторых его негласных «статьях» предусмотрены возможности отступления от данных норм. Этот мотив неоднократно возникает в суждениях Марселя об аристократии и свидетельствует о его подспудном желании придать юридическое «республиканское» оформление таким сословным установкам, т. е. хотя бы как-то узаконить их.

Compétence et juridiction. Существительное “compétence” («компетенция, полномочия») определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как “ensemble des pouvoirs et devoirs attribués et imposés à un agent pour lui permettre de remplir sa fonction” [Cornu, 2016. P. 213], а “juridiction” (в данном случае «юрисдикция, подсудность») – как “mission de juger; pouvoir et devoir de rendre la justice par application du droit (en disant le droit)” [Ibid. P. 588]. В романе М. Пруста данное выражение используется в следующем контексте:

<...> Souriante, heureuse du beau temps, du soleil qui n'incommodait pas encore, ayant l'air d'assurance et de calme du créateur qui a accompli son œuvre et ne se soucie plus du reste, certaine que sa toilette – fussent les passants vulgaires ne pas l'apprécier – était la plus élégante de toutes, elle la portait pour soi-même et pour ses amis, naturellement, sans attention exagérée, mais aussi sans détachement complet, n'empêchant pas les petits nœuds de son corsage et de sa jupe de flotter légèrement devant elle comme des créatures dont elle n'ignorait pas la présence et à qui elle permettait avec indulgence de se livrer à leurs jeux, selon leur rythme propre, pourvu qu'ils suivissent sa marche, et même sur son ombrelle mauve que souvent elle tenait encore fermée quand elle arrivait, elle laissait tomber par moment comme sur un bouquet de violettes de Parme, son regard heureux et si doux que quand il ne s'attachait plus à ses amis mais à un objet inanimé, il avait l'air de sourire encore. Elle réservait ainsi, elle faisait occuper à sa toilette cet intervalle d'élégance dont les hommes à qui Mme Swann parlait le plus en camarade, respectaient l'espace et la nécessité, non sans une certaine déférence de profanes, un aveu de leur propre ignorance, et sur lequel ils reconnaissaient à leur amie, comme à un malade sur les soins spéciaux qu'il doit prendre, ou comme à une mère sur l'éducation de ses enfants, *compétence et juridiction*. Non moins que par la cour qui l'entourait et ne semblait pas voir les passants, Mme Swann, à cause de l'heure tardive de son apparition, évoquait cet appartement où elle avait passé une matinée si longue et où il faudrait qu'elle rentrât bientôt déjeuner; elle semblait en indiquer la proximité par la tranquillité flâneuse de sa promenade, pareille à celle qu'on fait à petits pas dans son jardin; de cet appartement on aurait dit qu'elle portait encore autour d'elle l'ombre intérieure et fraîche <...> (p. 205–206).

В данном контексте описываются прогулки госпожи Сван по авеню дю Буа, соединяющей Елисейские поля с Булонским лесом. Марсель впечатляет ее туалет, и он почтительно говорит о бантах на ее блузке, о юбке и о сиреновом зонтике, которые словно сами по себе парили вокруг нее, но за «играми» которых она наблюдала снисходительно. Расстояние между ней и этими деталями ее туалета было настолько «священно», что даже муж и окружающая ее свита молодых людей, несмотря на искушение, не решались его нарушить. В данном случае Марсель оправдывает красоту наряда госпожи Сван тем, что она не относится к миру «обычных» людей, в том числе и таким уничижительным сравнением с ситуацией уважения к лечению больного, которого он должен придерживаться, а также сравнением данной ситуации с признанием за матерью права на воспитание детей. Благодаря же использованию юридических терминов “compétence et juridiction” повествователь шутивно-иронически показывает, что вопрос о наряде госпожи Сван находится в ее исключительной юрисдикции и в ее единоличном ведении.

Coutumier. Существительное “coutumier” «сборник кутюм, свод постановлений обычного права», которое в словаре “Trésor de la langue française” определяется как “recueil des règles de coutume régissant une province, une région, une juridiction, un pays; recueil qui est rédigé à titre privé par un jurisconsulte”, используется М. Прустом в следующем контексте:

<...> L'oncle qu'on attendait s'appelait Palamède, d'un prénom qu'il avait hérité des princes de Sicile, ses ancêtres. Et plus tard quand je retrouvai dans mes lectures historiques, appartenant à tel podestat ou tel prince de l'Église, ce prénom même, belle médaille de la Renaissance – d'aucuns disaient un véritable antique – toujours restée dans la famille, ayant glissé de descendant en descendant depuis le cabinet du Vatican jusqu'à

l'oncle de mon ami, j'éprouvais le plaisir réservé à ceux qui ne pouvant faute d'argent constituer un médailler, une pinacothèque, recherchent les vieux noms (noms de localités, documentaires et pittoresques comme une carte ancienne, une vue cavalière, une enseigne ou un coutumier, noms de baptême où résonne et s'entend, dans les belles finales françaises, le défaut de la langue, l'intonation d'une vulgarité ethnique, la prononciation vicieuse selon lesquels nos ancêtres faisaient subir aux mots latins et saxons des mutilations durables, devenues plus tard les augustes législatrices des grammaires) et en somme grâce à ces collections de sonorités anciennes se donnent à eux-mêmes des concerts, à la façon de ceux qui acquièrent des violes de gambe et des violes d'amour pour jouer de la musique d'autrefois sur des instruments anciens. Saint-Loup me dit que même dans la société aristocratique la plus fermée, son oncle Palamède se distinguait encore comme particulièrement difficile d'accès, dédaigneux, entiché de sa noblesse, formant avec la femme de son frère et quelques autres personnes choisies, ce qu'on appelle le cercle des Phénix <...> (p. 316).

В данном случае имя дяди маркиза де Сен-Лу, Паламед, вызывает в воображении Марселя ассоциации с культурой, обычаями и историей Франции, подобно названиям старинных населенных пунктов, древним картам и вывескам или своду постановлений обычного права. Данное сравнение, с одной стороны, передает восхищение повествователя всем самым древним, далеким от обыденности во всем, с другой – содержит указание на высокомерие аристократии, которая в связи с этим осознает свою «избранность», в отличие от буржуазии, не обладающей древними историческими культурными артефактами и ценностями. Но такая избранность герою Пруста даже нравится, не случайно он подчеркивает, что к менее родовитым аристократам этот обладатель редчайшего имени относился свысока. Контексты показывают, что Марсель тоже в некотором роде претендовал если не на избранность, то на неординарность собственного положения в своем социальном кругу.

Police particulière. На приеме у госпожи Сван госпожа Бонтан, говоря о том, что в новом особняке госпожи Вердюрэн будет электрическое освещение, описывает то, как до нее дошли данные слухи, следующим образом:

<...> À propos de vue, vous a-t-on dit que l'hôtel particulier que vient d'acheter Mme Verdurin sera éclairé à l'électricité? Je ne le tiens pas de ma petite police particulière, mais d'une autre source; c'est l'électricien lui-même, Milde, qui me l'a dit. Vous voyez que je cite mes auteurs! <...> (p. 176).

В данном случае актуализируется значение прилагательного «particulier», которое в словаре «Trésor de la langue française» определяется как «attaché au service d'une seule personne, à son service particulier». В этом значении прилагательное «particulier» может сочетаться с такими существительными, как, например, «conseiller», «médecin», «secrétaire». В данном словаре также приводится пример из Стендаля с выражением «police particulière»: «Rapports que M. de Beausobre fera faire sur mon fils par sa police particulière». В нашем же примере госпожа Бонтан говорит о том, что эти сведения предоставили не те, кому положено по долгу службы в ее доме, т. е. не частные детективы, работающие лично на нее, а она узнала их в некотором роде случайно от электрика. Посредством рассматриваемого сравнения автор передает как особое чувство юмора, так и определенную «напыщенность» речи госпожи Бонтан.

Лексика, относящаяся к отдельным отраслям права Юридическая лексика из области конституционного права

Chambre. Существительное «la Chambre» в значении «палата парламента Франции (Национальное собрание или Сенат)» (в данном случае рассматриваемый термин употребляется метонимически для указания на депутатов, членов палаты парламента) используется М. Прустом в следующем контексте, когда Марсель, мечтая подружиться с маркизом де Сен-Лу, видит, что тот, напротив, ведет себя по отношению к нему и к его бабушке сдержанно, надменно и отстраненно:

Cette insolence que je devinais chez M. de Saint-Loup, et tout ce qu'elle impliquait de dureté naturelle, se trouva vérifiée par son attitude chaque fois qu'il passait à côté de nous, le corps aussi inflexiblement élançé, la tête toujours aussi haute, le regard impassible, ce n'est pas assez dire, aussi implacable, dépouillé de ce vague respect qu'on a pour les droits d'autres créatures, même si elles ne connaissent pas votre tante, et qui faisait que je n'étais pas tout à fait le même devant une vieille dame que devant un bec de gaz. Ces manières glacées étaient

aussi loin des lettres charmantes que je l'imaginais encore il y a quelques jours, m'écrivant pour me dire sa sympathie, qu'est loin de l'enthousiasme de la Chambre et du peuple qu'il s'est représenté en train de soulever par un discours inoubliable, la situation médiocre, obscure, de l'imaginatif qui après avoir ainsi rêvassé tout seul, pour son compte, à haute voix, se retrouve, les acclamations imaginaires une fois apaisées, Gros-Jean comme devant. Quand Mme de Villeparisis, sans doute pour tâcher d'effacer la mauvaise impression que nous avaient causée ces dehors révélateurs d'une nature orgueilleuse et méchante, nous reparla de l'inépuisable bonté de son petit-neveu (il était le fils d'une de ses nièces et était un peu plus âgé que moi) j'admirai comme dans le monde, au mépris de toute vérité, on prête des qualités de cœur à ceux qui l'ont si sec, fussent-ils d'ailleurs aimables avec des gens brillants qui font partie de leur milieu. <...> (p. 298).

В рассматриваемом отрывке также употребляется юридический термин «le droit des autres créatures», «права других живых существ», о которых иронически сообщается, что их тоже необходимо соблюдать, даже если они не знакомы с вашей тетей. Здесь также присутствует отсылка к персонажу народного фольклора, «Gros-Jean», а именно к басне Ж. де Ла Фонтена «La laitière et le pot au lait», и, следовательно, описываемая ситуация является неким «конституционным» соответствием «монархической» ситуации, описываемой в морали басни:

Quand je suis seul, je fais au plus brave un défi;
Je m'écarte, je vais détrôner le Sophi;
On m'élit Roi, mon peuple m'aime;
Les diadèmes vont sur ma tête pleurant:
Quelque accident fait-il que je rentre en moi-même;
Je suis gros Jean comme devant
[La Fontaine, 1991. С. 211].

За счет сопоставления описываемой ситуации с положением Перетты автор показывает тщетность желания Марселя подружиться с маркизом де Сен-Лу даже в республиканском обществе. Образ палаты депутатов возникает в тексте, конечно же, преднамеренно, ибо это тот орган, который призван отстаивать идеалы Республики, ее стремление к обеспечению равенства и братства. Однако стилистическими средствами Пруст показывает, что легче воспламенить сердца народных избранников красивыми лозунгами, чем заставить маркиза де Сен-Лу относиться к Марселю как к другу. И Марсель тоже понимает, что в системе социальных отношений де Сен-Лу он не более чем деревенский простак из басни Лафонтена.

Юридическая лексика из области уголовного права

Geôlier, prison. Когда Блох, друг Марселя, рассказывает ему о том, что на самом деле значит его желание обнять девушек, которых он видит на прогулке, и что они сами хотят того же, что и он, жизнь молодого человека становится более яркой, выразительной и начинает играть новыми, неведомыми красками:

<...> Certes Bloch m'avait ouvert une ère nouvelle et avait changé pour moi la valeur de la vie, le jour où il m'avait appris que les rêves que j'avais promenés solitairement du côté de Méséglise quand je souhaisais que passât une paysanne que je prendrais dans mes bras, n'était pas une chimère qui ne correspondait à rien d'extérieur à moi, mais que toutes les filles qu'on rencontrait, villageoises ou demoiselles, étaient toutes prêtes à en exaucer de pareils. *Et dussé-je, maintenant que j'étais souffrant et ne sortais pas seul, ne jamais pouvoir faire l'amour avec elles, j'étais tout de même heureux comme un enfant né dans une prison ou dans un hôpital et qui ayant cru longtemps que l'organisme humain ne peut digérer que du pain sec et des médicaments, a appris tout d'un coup que les pêches, les abricots, le raisin, ne sont pas une simple parure de campagne, mais des aliments délicieux et assimilables. Même si son geôlier ou son garde-malade ne lui permettent pas de cueillir ces beaux fruits, le monde cependant lui paraît meilleur et l'existence plus clémente.* Car un désir nous semble plus beau, nous nous appuyons à lui avec plus de confiance quand nous savons qu'en dehors de nous la réalité s'y conforme, même si pour nous il n'est pas réalisable. <...> (p. 279–280).

В данном отрывке описывается страстное желание Марселя обладать всеми девушками, которых он встречает. Но, поскольку он нездоров и на прогулках его всегда сопровождают, это невозможно. Тем не менее радость Марселя, когда он узнал об этом аспекте жизни, сравнивается со счастьем ребенка, рожденного в тюрьме или в больнице, которого всегда кормят

лишь черствым хлебом и лекарствами, внезапно узнавшим о существовании персиков, абрикосов и винограда. Невозможность реализовать данное желание в действительности сравнивается с образом тюрьмы или больницы и с тюремщиком или санитаром соответственно, но сам факт того, что это потенциально возможно, утешает героя и примиряет его с жизнью.

Voleur. Марсель, описывая, как он накануне Нового года тщетно каждый день ждет письма от Жильберты, которое помирило бы их, приходит к следующему общепризнанному заключению:

<...> Elle [la lettre] ne l'était peut-être pas [probable], mais, pour que nous la croyions telle, le désir, le besoin que nous en avons suffit. *Le soldat est persuadé qu'un certain délai indéfiniment prolongeable lui sera accordé avant qu'il soit tué, le voleur, avant qu'il soit pris, les hommes en général avant qu'ils aient à mourir.* C'est là l'amulette qui préserve les individus – et parfois les peuples – non du danger mais de la peur du danger, en réalité de la croyance au danger, ce qui dans certains cas permet de les braver sans qu'il soit besoin d'être brave. <...> (p. 178).

В данном случае уверенность Марселя в том, что письмо от Жильберты рано или поздно придет, сравнивается с другими ситуациями из повседневной жизни, в том числе с юридической, когда вор, совершив кражу, уверен в том, что у него есть еще много времени «погулять на воле» до того, как его поймут. Также данная уверенность сравнивается с ситуацией на войне, когда солдат уверен, что он погибнет в бою еще не скоро, и с более общей уверенностью всех людей в том, что у них есть еще много времени до смерти. Здесь мы имеем дело с типичным мотивом М. Пруста, когда моделирование воображаемой жизни заменяет реальную жизнь для тех, кто по тем или иным причинам из нее исключен. Данные сравнения с юридической ситуацией и с ситуацией на войне позволяют автору перейти от конкретных случаев к более общему заключению: как избежать страха перед опасностью, перестать внушать себе, что она реальна или серьезна.

Юридическая лексика из области международного права

Chef d'État. Когда Марсель пишет в письмах Жильберте о воображаемой драме, которая будто бы произошла в их отношениях, надеясь, что девушка начнет уточнять, что же случилось, и они смогут объясниться, он обнаруживает в определенный момент, что Жильберта также по умолчанию ссылается на эту воображаемую ситуацию:

<...> Puis Gilberte cessa de s'en tenir à la prétention. *Elle-même adopta mon point de vue; et, comme dans les toasts officiels où le chef d'État qui est reçu reprend à peu près les mêmes expressions dont vient d'user le chef d'État qui le reçoit, chaque fois que j'écrivais à Gilberte: "La vie a pu nous séparer, le souvenir du temps où nous nous connaîmes durera", elle ne manqua pas de répondre: "La vie a pu nous séparer, elle ne pourra nous faire oublier les bonnes heures qui nous seront toujours chères" (nous aurions été bien embarrassés de dire pourquoi "la vie" nous avait séparés, quel changement s'était produit).* Je ne souffrais plus trop. <...> (p. 202).

В Юридическом словаре Ж. Корню выражение “chef d'État” определяется как “terme d'origine doctrinale, parfois repris dans le droit positif, désignant une autorité, individu ou (plus rarement) collège dont l'intervention dans la procédure d'élaboration des actes juridiques les plus importants relevant surtout du pouvoir exécutif ou la présence à certaines cérémonies marquent de manière symbolique que c'est à l'État qu'il convient d'imputer ces conduites; cette autorité est alors dite “personnifier” ou “représenter” l'État”; elle peut, selon les régimes, disposer de pouvoirs politiques réels et importants ou réduits” [Cornu, 2016. P. 169–170]. Рассматриваемая ситуация сравнивается с ситуацией из области международного права, когда на официальных приемах глава государства, которого принимает другой глава государства, при произнесении тостов повторяет выражения последнего. Данная аналогия передает лицемерную суть официальных уверений в любви и дружбе между государствами, то же относится и к переписке Марселя с Жильбертой. Марсель вполне отдаст себе отчет, что он играет в любовь, т. е. поступает подобно тем главам государств, которые уверяют друг друга во взаимной «любви и дружбе» просто потому, что этого требует язык дипломатии. Аналогия с главами государств является

для Пруста убедительным и доходчивым аргументом в анализе виртуальных межличностных отношений по переписке.

Exterritorialité. Существительное “exterritorialité” «экстерриториальность», определяемое в Юридическом словаре Ж. Корню как “fiction (qui servait jadis de fondement aux privilèges et immunités diplomatiques, aujourd’hui pratiquement abandonnée) en vertu de laquelle les agents diplomatiques régulièrement accrédités auprès d’un État étranger étaient censés n’avoir jamais quitté leur territoire national (exterritorialité fictive) et suivant laquelle l’ambassade était elle-même considérée comme une portion de territoire national (exterritorialité réelle)” [Cornu, 2016. P. 443], употреблено М. Прустом в рамках развернутой метафоры, в которой фигурирует и выражение “ambassade pavoisée aux couleurs du pays dont elle dépend” в следующем далее отрывке из начала второй части второго тома романа при описании приезда Марселя с бабушкой на морской курорт Бальбек:

Dès lors, ayant placé entre elle d’une part, le personnel de l’hôtel et les fournisseurs de l’autre, ses domestiques qui recevaient à sa place le contact de cette humanité nouvelle et entretenaient autour de leur maîtresse l’atmosphère accoutumée, ayant mis ses préjugés entre elle et les baigneurs, insoucieuse de déplaire à des gens que ses amis n’auraient pas reçus, c’est dans son monde qu’elle continuait à vivre par la correspondance avec ses amies, par le souvenir, par la conscience intime qu’elle aurait de sa situation, de la qualité de ses manières, de la compétence de sa politesse. *Et tous les jours, quand elle descendait pour aller dans sa calèche faire une promenade, sa femme de chambre qui portait ses affaires derrière elle, son valet de pied qui la devançait semblaient comme ces sentinelles qui, aux portes d’une ambassade pavoisée aux couleurs du pays dont elle dépend, garantissent pour elle, au milieu d’un sol étranger, le privilège de son exterritorialité.* Elle ne quitta pas sa chambre avant le milieu de l’après-midi, le jour de notre arrivée, et nous ne l’aperçûmes pas dans la salle à manger où le directeur, comme nous étions nouveaux venus, comme un gradé qui mène des bleus chez le caporal tailleur pour les faire habiller; mais nous y vîmes, en revanche, au bout d’un instant un hobereau et sa fille, d’une obscure mais très ancienne famille de Bretagne, M. et Mlle de Stermaria, dont on nous avait fait donner la table, croyant qu’ils ne rentreraient que le soir. <...> (p. 246–247).

В данном отрывке описывается знатная дама, приехавшая отдохнуть на морской курорт, но не желающая при этом знакомиться со своими соседями по отелю. Она продолжает переписываться с подругами, а ее слуги создают между ней и другими отдыхающими надежную преграду. Каждый раз, когда она совершает прогулку в коляске, следующая за ней с ее вещами горничная и идущий впереди нее выездной лакей сравниваются Марселем с часовыми перед посольством той или иной страны, которые обеспечивают его экстерриториальность. Согласно принципу экстерриториальности, считается, что дипломаты никогда не должны покидать территорию своей страны, и потому само ее посольство считается частью территории той страны, откуда оно прибыло. Так же и эта знатная дама привозит с собой на место отдыха привычки своей аристократической среды, свой круг общения и свой образ жизни, не совместимый с обычной, «мирской». Данное сравнение независимости знатной дамы с экстерриториальностью дипломатических представителей снова вводит идею о том, что искусственные формы жизни, к каковым можно отнести существование утасяющей французской аристократии в условиях республиканского строя, реальнее и важнее настоящих.

Юридическая лексика из области финансового права

Livre de comptes, avance, solde créditeur, débit. Отношения на курорте бабушки Марселя с ее давней знакомой, госпожой де Вильпаризи, дамой знатного происхождения, описываются в терминах из области финансового права и бухгалтерского учета, ассоциирующихся скорее с миром буржуазии, а не аристократии, которая часто тратит деньги, не считая. Такими терминами, как “livre de comptes” («бухгалтерская книга»), “avance” («аванс»), “solde créditeur” («кредитовое сальдо») и “débit” («дебет счета»), Пруст рисует образ крайне меркантильного поведения в сфере социальных, формально дружеских отношений, которая к бухгалтерскому учету никакого отношения не имеет:

C’est qu’en effet dans ces moments-là elle n’était pas naturelle, elle se souvenait de son éducation, des façons aristocratiques avec lesquelles une grande dame doit montrer à des bourgeois qu’elle est heureuse de se trouver

avec eux, qu'elle est sans morgue. *Et le seul manque de véritable politesse qu'il y eût en elle était dans l'excès de ses politesses; car on y reconnaissait ce pli professionnel d'une dame du faubourg Saint-Germain, laquelle, voyant toujours dans certains bourgeois les mécontents qu'elle est destinée à faire certains jours, profite avidement de toutes les occasions où il lui est possible, dans le livre de comptes de son amabilité avec eux, de prendre l'avance d'un solde créditeur, qui lui permettra prochainement d'inscrire à son débit le dîner ou le raout où elle ne les invitera pas.* Ainsi, ayant agi jadis sur elle une fois pour toutes, et ignorant que maintenant les circonstances étaient autres, les personnes différentes, et qu'à Paris elle souhaiterait de nous voir chez elle souvent, le génie de sa caste poussait avec une ardeur fiévreuse Mme de Villeparisis et comme si le temps qui lui était concédé pour être aimable était court, à multiplier avec nous, pendant que nous étions à Balbec, les envois de roses et de melons, les prêts de livres, les promenades en voiture et les effusions verbales. <...> (p. 291–292).

В данном случае отношения, которые госпожа де Вильпаризи поддерживает на курорте со своей знакомой буржуазного происхождения, бабушкой Марселя, описываются, как в бухгалтерской книге, в которой подробно отражены все приходно-расходные операции ее контактов, услуг и любезностей, оказанных простой французской гражданке. Госпожа де Вильпаризи может себе позволить быть с ней любезной на отдыхе (посылать дыни, розы, давать почитать книги, совершать прогулки с ней и с ее внуком в коляске), и, следовательно, могла отчасти выйти за рамки сословных приличий. Автор проницательно подчеркивает, что это был не знак человеческого расположения, уважения или симпатии, а лихорадочное проявление «духа ее касты», ибо знатная дама (*une grande dame*) обязана демонстрировать простым буржуа, что она счастлива находиться среди них. Однако в таком сравнении с бухгалтерской книгой личные отношения между двумя женщинами представлены Марселем саркастически. Он понимает, что г-жа де Вильпаризи исполняет некий долг, и даже обвиняет ее в отсутствии «истинной вежливости». Более того, бесспорное подтверждение этого заключения он усматривает как раз в том, что она «переборщила» с проявлениями вежливости.

Заключение

Итак, основной вывод, который можно сделать на основании представленного материала, состоит в том, что стилистическое использование М. Прустом юридической лексики – как общей, так и относящейся к отдельным отраслям права (уголовного, конституционного, международного, финансового), имеет две главные цели.

1. Показать, при этом часто в ироничном и иногда несколько комичном свете, морально-правовую «экстерриториальность» мира аристократов, сословную непрозрачность их привычек для представителей буржуазии.

За счет употребления метафор и сравнений на основе юридической лексики М. Пруст создает как образ аристократии в начале ее заката (маркиз де Сен-Лу, его дядя Паламед, знатная дама на курорте в Бальбеке, госпожа де Вильпаризи), так и образ «поднимающейся» буржуазии (госпожа Сван и ее дочь Жильберта, госпожа Вердюрэн, сам Марсель). Отношение повествователя к аристократии в рассматриваемых примерах скорее негативное (посредством различных правовых метафор неоднократно подчеркивается закрытость их мира), хотя он и восхищается различными историческими ценностями, которыми некоторые из них обладают, например, Паламед, дядя маркиза де Сен-Лу. В том, что касается буржуазии, отношение повествователя к ней, на наш взгляд, скорее сдержанное, завуалированное, например, в случае с «бантиками и рюшечками» госпожи Сван.

2. Вместе с тем на фоне образа жизни этого сословия возникает и тема разрыва между реальностью социальных или личных взаимоотношений и представлений о них. В некоторых случаях он придает видимость реальности тому, что может существовать и существует только в тексте, в переписке. Можно даже говорить об инвертированности в сознании героя виртуального и реального мира, о первичности для автора мира воображаемого, поскольку самые «обычные» ситуации из повседневной жизни описываются посредством довольно сложных развернутых метафор, в том числе и юридических, фиксирующих скорее жизнь такой, какой она должна быть, а не в ее реальной прагматике.

Важно отметить и комплексность прустовской стилистики. Сравнения и метафоры, созданные на основе юридической лексики, почти всегда сочетаются с другими фигурами, заимствованными из области искусства, медицины и военной сферы. Это значит, что в юридической лексике он стремится выявить не специальную семантику, а художественно-эстетический потенциал. Благодаря использованию всех этих фигур М. Прусту удается добиться яркой экспрессии своего художественного текста и создать особый художественный мир.

Список литературы / References

- Безуглова О. А., Кузнецова А. А.** Юридическая лексика на занятиях по английскому языку в языковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 1. С. 177–179.
- Bezuglova, O. A., Kuznetsova, A. A.** Legal Vocabulary in the Classes of English at a Linguistic Institution of Higher Education. *Philological Sciences. Theory and Method*, 2016, no. 4 (58), 1st part, p. 177–179. (in Russ.)
- Белоконов Н. В.** Юридическая терминология как средство развития правосознания и воспитания правовой культуры в процессе подготовки правоведов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 115–118.
- Belokon, N. V.** Legal Terminology as a Means of Development of Legal Conscience and of Training of Legal Culture in the Process of the Preparation of the Lawyers. *Legal Technics*, 2009, no. 3, p. 115–118. (in Russ.)
- Грешных В. И.** Марсель Пруст: «на пороге форм и времен» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 165–177.
- Greshnykh, V. I.** Marcel Proust: “on the Threshold of Forms and Eras”. *Baltic Philological Courier*, 2003, no. 3, p. 165–177. (in Russ.)
- Николаева Т. М.** О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. 128 с.
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Has Really Written about? Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Татаринов В. А.** Методология научного перевода: к основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007. 383 с.
- Tatarinov, V. A.** Methodology of Scientific Translation: to the Basics of the Theory of Conversion. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 2007, 383 p. (in Russ.)
- Тимошенко И. В.** Юридическая терминология как учебная дисциплина инновационного типа: постановка проблемы // Изв. Южного федерального университета. Технические науки. 2009. № 3. С. 212–216.
- Timoshenko, I. V.** Legal Terminology as an Innovation Type of Academic Branch of Learning: the Formulation of Problem. *South Federal University Bulletin. Technical Sciences*, 2009, no. 3, p. 212–216. (in Russ.)
- Трыков В. П.** Марсель Пруст: отношение к России // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust_Russia/ (дата обращения 09.11.2018).
- Trykov, V. P.** Marcel Proust: his Attitude to Russia. *Knowledge. Understanding. Skills*, 2008, no. 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust_Russia/ (accessed 09.11.2018). (in Russ.)
- Шокиров Т.** Юридическая терминология в современном таджикском языке // Учен. зап. Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (24). С. 156–164.

- Shokirov, T.** Legal Terminology in Modern Tadjik Language. *Scientific Notes of Khujand State University named after B. G. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 4 (24), p. 156–164. (in Russ.)
- Cornu, G.** Linguistique juridique. Paris, Montchrestien, 2005, 443 p.
- Durand, J.** Les formes de la communication. Paris, Dunod, 1981, 215 p.
- Frédéric, M.** La répétition: étude linguistique et rhétorique. Tübingen, Max Niemeyer, 1985, 283 p.
- Gerstenkorn, J.** La métaphore au cinéma: les figures d'analogie dans les films de fiction. Paris, Méridiens-Klincksieck, 1995, 205 p.
- Grange, C.** Les alliances de l'aristocratie avec les familles de financiers juifs à Paris, 1840–1940 : déterminants socio-démographiques et débat religieux. *Histoire, économie et société*, 2014, no. 4, p. 75–93.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. Paris, Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. Paris, PUF, 2005, 213 p.

Список словарей / List of Dictionaries

- Гак В. Г., Ганшина К. А.** Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 1195 с.
- Gak, V. G., Ganshina, K. A.** New French-Russian Dictionary. Moscow, Russian Language Publ., 2002, 1195 p. (in Russ.)
- Мачковский Г. И.** Французско-русский юридический словарь. М.: Руссо, 2004. 440 с.
- Machkovskij, G. I.** French-Russian Legal Dictionary. Moscow, Russo Publ., 2004, 440 p. (in Russ.)
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1089 p.
- Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
- Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 21.12.2018).

Список источников / List of Sources

- La Fontaine, J.** Fables. Paris, Éditions Gallimard, 1991, 582 p.
- Proust, M.** À l'ombre des jeunes filles en fleurs. Paris, Éditions Gallimard, 1988, 568 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
14.02.2019

Сведения об авторе / Information about the author

- Савина Елена Сергеевна**, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV), доцент кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские Горы, д. 1, стр. 13, Москва, 119991, ГСП-1, Россия)
- Elena S. Savina**, Cand. of Sci. (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University, Associate Professor of the Foreign Languages Department at Lomonosov Moscow State University (1/13 Leninskie Gory, Moscow, 119991, GSP-1, Russian Federation)
- savinaelena2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4301-5638

Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века

В. Е. Крышталева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Университет Париж Нантерр
Нантерр, Франция*

Аннотация

Статья посвящена изучению милитарных метафор, актуальных для современного российского и французского политического (точнее, президентского) дискурса. В современной лингвистике выделяются два основных направления изучения метафоры: семантическое (метафора – языковое явление) и когнитивное, в котором она трактуется как определенный способ конструирования действительности. Методологической базой нашего исследования явилась теория метафорического моделирования, которая представляет собой синтез структурно-семантического и когнитивного подходов. В настоящей статье на материале текстов, являющихся примерами монологических жанров политического дискурса (инаугурационное обращение, поздравительная речь, приветственное слово и др.), был проведен сравнительный анализ военных метафор (архетипичных для политической коммуникации), представленных в выступлениях четырех президентов России и Франции начала XXI века – Д. А. Медведева, Н. Саркози, В. В. Путина и Ф. Олланда. При анализе учитывались структурные метафоры, соответствующие метафорической модели «Российская / французская действительность – непрекращающаяся война», и рассматривались экстралингвистические факторы, повлиявшие на создание политических текстов. Проведенное исследование показало, что частота реализации милитарных метафор не идентична не только в речи разных языковых личностей, но и в дискурсе разных обществ, и продемонстрировало индивидуальную и национальную специфику функционирования военных метафор в дискурсе политических лидеров, которая оказалась напрямую связанной с актуальной для той или иной страны повесткой дня. Так, выяснилось, что речь французских президентов более «воинственна» в метафорическом плане, чем речь двух российских глав государства, а наибольшую частотность милитарных метафор демонстрирует дискурс Ф. Олланда.

Ключевые слова

милитарные метафоры, политический дискурс, метафорическое моделирование, фрейм, слот

Благодарности

Автор выражает признательность кандидату филологических наук, доценту кафедры общего и русского языкознания ГИ НГУ Оксане Михайловне Исаченко за научные консультации и значимые рекомендации.

Для цитирования

Крышталева В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90

Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century

Vera E. Kryshaleva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Université Paris Nanterre
Nanterre, France*

Abstract

The article focuses on the study of military metaphors which are relevant to the modern Russian and French political (specifically presidential) discourse. In modern linguistics there are two main approaches to studying metaphors: semantic (where metaphor is regarded as a linguistic phenomenon) and cognitive, where it is interpreted as a certain way of constructing the reality. The methodological basis of our research is the theory of metaphorical modeling, which is a synthesis of structural, semantic and cognitive approaches. This article represents a comparative analysis of military metaphors (which are archetypal for political communication) used in the speeches of four presidents of Russia and France of the early 21st century – D. A. Medvedev, N. Sarkozy, V. V. Putin and F. Hollande, and based on the corpora of texts that are examples of political discourse monologues (inaugural, congratulatory, welcoming speeches, etc.). In this study, military metaphors are nominations in which there are signs of military action in the form of opposition to an «enemy» and the use of weapons. The analysis took into account substantive and verbal structural metaphors realizing the conceptual model «Russian / French reality – the ongoing war»; the study also considered extralinguistic factors that influenced the creation of political texts. Text selection took into consideration the degree of importance and relevance of the domestic and foreign policy issues covered in them. The analysis showed that the frequency of military metaphors usage is not identical not only in the speech of different politicians, but also in the discourse of different societies, and demonstrated individual and national specificity of the military metaphors functioning in the political leaders discourse, which was directly related to the topical «agenda» for a country. Thus, it turned out that the French presidents resort to «militant» (in metaphorical terms) discourse more than the two Russian heads of state; the greatest frequency of military metaphors is demonstrated in F. Hollande's speeches.

Keywords

military metaphors, political discourse, metaphorical modeling, frame, slot

Acknowledgements

I would like to thank candidate of Philology, associate professor of the General and Russian Linguistics Chair at Novosibirsk State University Oksana Isachenko for her consultations and meaningful recommendations.

For citation

Kryshaleva, Vera E. Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 77–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90

Введение

По наблюдению многих ученых, работающих в области гуманитарных наук, в последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают на пересечении различных исследовательских дисциплин. Одним из них стала политическая лингвистика, объединившая лингвистику и политологию.

В настоящее время политическая лингвистика – успешное и активно развивающееся направление российской науки, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе в периодических изданиях (например, в сборнике «Политическая лингвистика»¹ публикуются работы специалистов из России, стран постсоветского пространства, а также США, Франции, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и др.).

¹ В этом сборнике впервые опубликованы переводы некоторых работ общепризнанных классиков политической лингвистики (прежде всего, американцев У. Липпманна, Г. Лассвелла, Н. Лейтеса и др.), не известных ранее российскому научному сообществу и недоступных по причине их идеологического запрета в СССР. К тому же при участии Уральского государственного педагогического университета была организована ежегодная Всероссийская научная школа для молодежи «Политическая коммуникация». Масштабная работа осуществляется и в Москве: начиная с 1997 г. каждый год проводится рабочее совещание (по существу, научная конференция) «Политический дискурс в России».

Основными направлениями современной политической лингвистики являются: а) политическая лингвоперсонология, которая в сопоставительном аспекте позволяет описать национальные особенности сравниваемых субъектов, дифференцировать в их речи «свое», «чужое» и «общечеловеческое»²; б) политическое красноречие³; в) коммуникативные исследования политического дискурса в терминах «стратегии и тактики»⁴.

Метафора как объект исследования в политической лингвистике

Отдельный сегмент формируют исследования политической метафоры (например, «Словарь русских политических метафор» А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1994], многочисленные работы зарубежных исследователей – например, Ж. Готье [Gauthier, 1994], А.-М. Жингра [Gingras, 1996], М. С. Доменеш [Domènech, 2010] и др.).

Метафора – «самый распространенный и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений» [Матвеева, 2010. С. 206]. Она отражает результат сравнения, но «передает его особым образом: путем создания семантической двойственности слова или выражения» [Там же].

Метафоричность – важнейшая характеристика современного политического дискурса. Метафора, призванная украсить коммуникацию и придать предмету речи более понятный образ, в устах политиков становится средством воздействия на интеллект, чувства и волю аудитории. В политическом (и уже – президентском) дискурсе метафоры прежде всего создают экспрессивные эффекты.

Однако, как показали многочисленные исследования последних лет, выполненные в рамках когнитивной лингвистики и опирающиеся в первую очередь на ставшие классикой работы американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1990], метафоры не только «облегчают» понимание некоторых концептов или «украшают» речь, но и являются определенным способом конструирования действительности. Метафора – «не просто языковой и / или речевой знак, “неясный троп”, ментальный механизм, поведенческий акт и т. п., а результат сложнейшей, иерархически (причем не линейно) организованной коммуникативной деятельности человека» [Лагута, 2003. С. 109].

Канадский ученый Ж. Готье подчеркивает, что в течение последних 20 лет метафора стала чем-то большим, чем риторическая фигура, превратившись в ту «точку», отталкиваясь от которой многие лингвисты, семиотики, социологи, этнологи, философы развивают свой предмет исследования [Gauthier, 1994. P. 132].

В лингвистическом изучении метафоры выделяется два основных направления: *семантическое* (метафора – языковое явление) и *когнитивное* (метафора – ментальный феномен). Синтез двух подходов представлен в теории метафорического моделирования А. П. Чудинова [2001], которая и послужила методологической базой нашего исследования и которую мы применили к анализу метафор, функционирующих в «президентском дискурсе» глав России и Франции.

Согласно представлениям современной когнитивной семантики, *метафорическое моделирование* – это «отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-либо фрагмента действительности».

² Примером может служить анализ речи В. Жириновского, проведенный Е. В. Ушаковой [2002]; исследование имиджевых характеристик политического лидера на примере В. В. Путина, осуществленное Т. А. Голиковой [2018], и др.

³ Например, статья С. И. Виноградова «Слово в парламентской речи и культуре общения» [1993]; работа М. В. Гавриловой «Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина)» [2004] и др.

⁴ Например, «Стратегия самодискредитации в политическом дискурсе» М. К. Левинской [2009], «Политическая коммуникация как особое информационно-психологическое воздействие» К. А. Воробьевой и Ю. Р. Тагильцевой [2009] и др.

сти при помощи сценариев, фреймов и слотов ⁵, относящихся к совершенно иной понятийной области» [Там же. С. 48]. Из всех функций политической метафоры (номинативной, коммуникативной, прагматической, изобразительной, популяризаторской и др.) главной является когнитивная, т. е. функция обработки и переработки информации [Там же. С. 49–51].

А. П. Чудинов описывает, на наш взгляд, универсальную, применимую к любому политическому дискурсу (и отечественному, и зарубежному) типологию политических метафор через перечень субсфер – источников метафоризации. Так, четыре основные «донорские зоны»: «Человек», «Социум», «Природа» и «Артефакты» – формируют следующие разновидности метафор: физиологическая, морбиальная, криминальная, милитарная, театральная, зооморфная и др.

Милитарные метафоры в политическом дискурсе

Наиболее характерными политическими метафорами общественной жизни являются милитарные. Именно их описание мы представим в данной работе.

В целом политическая деятельность представляется ее субъектами как «поле боя», на котором «сражаются» «враги», и в результате этой «борьбы» одни одерживают «победу», а другие терпят досадное «поражение».

Согласно идее Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон, 1990. С. 389]. Сущность политики только в фигуральном смысле – борьба за власть, т. е. это не война. Политика и война – социальные явления разного порядка (общественно значимая деятельность и вооруженный конфликт), но важно, что *политика* осмысляется и осуществляется как *война*, поэтому о ней говорят в «терминах войны».

Военная метафора является архетипичной для человеческого сознания, она имеет своим истоком животный мир и отражает естественную потребность людей в выражении агрессии. По мнению литовского лингвиста Э. Лассана, «милитарные метафоры могут занимать ведущие позиции в политическом дискурсе определенного сообщества и могут эти позиции сдавать, никогда не уходя, в силу своей архетипичности, из когнитивных структур социума» [Лассан, 2010. С. 29].

Объект наблюдения нашей статьи – милитарные метафоры, представленные в речи президентов России и Франции: Д. А. Медведева, Н. Саркози, В. В. Путина и Ф. Олланда. Текстовый корпус, с которым мы работаем, включает 60 стенограмм официальных выступлений глав государств (по 15 от каждого из 4-х президентов), опубликованных на сайтах www.kremlin.ru, www.elysee.fr и www.vie-publique.fr ⁶. Объем проанализированного материала – около 252 страниц текста (формата А4). Все тексты – монологи различной жанровой природы: инаугурационное обращение, поздравительная речь, приветственное слово и др.

Отбор текстов мы проводили с учетом наибольшей значимости и актуальности освещаемых в них внутри- и внешнеполитических вопросов ⁷.

Помимо программной значимости, с одной стороны, и доступности текстов выступлений первых лиц государства, с другой, есть и другие причины повышенного внимания исследователей к президентскому дискурсу: «Глава государства традиционно вызывает интерес у соотечественников и многих граждан зарубежных стран. Вполне закономерно, что прези-

⁵ В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии: *сценарии* – стандартные для исходной понятийной сферы цепочки ситуаций, включающие совокупность фреймов, где *фрейм* – «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова и др., 1996. С. 88], а *слоты* – элементы ситуации, которые конкретизируют один из аспектов фрейма [Чудинов, 2001. С. 45–46]. Данные термины формируют родовидовые отношения.

⁶ За период президентских сроков Д. А. Медведева (7 мая 2008 г. – 7 мая 2012 г.), Н. Саркози (16 мая 2007 г. – 15 мая 2012 г.), Ф. Олланда (12 мая 2012 г. – 14 мая 2017 г.) и третьего срока В. В. Путина на посту главы РФ (7 мая 2012 г. – 7 мая 2018 г.).

⁷ Метафоры *атака* / *l'attaque* и *наступать* / *assaillir* не значатся в выборке по причине их отсутствия в рассматриваемом корпусе текстов.

дент воспринимается не только как руководитель, но и как своего рода символ страны» [Нахимова, 2007. С. 44].

Рассмотрим структурные метафоры, выраженные именами существительными и глаголами, которые соответствуют метафорической модели «Российская / французская *действительность* – непрекращающаяся война». Наиболее показательными ее реализациями являются фреймы: «Война и ее разновидности» и «Военные действия».

Милитарной метафорой мы считаем номинации, в которых есть признаки военного действия в форме противостояния («свой» – «чужой», т. е. враг) и с использованием оружия.

Выборка представлена следующими существительными и глаголами, найденными в анализируемых текстах, на основе которых строятся эти метафоры: война / *la guerre*, кампания / *la campagne*, лагерь / *le camp*, революция / *la révolution*, восстание / *la révolte*, реконкиста / *la reconquête*; атаковать / *attaquer*, наступление / *l'assaut*⁸, вторгаться / *envahir*, вторжение / *l'invasion*, бороться / *lutter*, борьба / *la lutte*, сражаться / *combattre*, сражение / *le combat*, биться / *se battre*, битва / *la bataille*, завоевать / *conquérir*, завоевание / *la conquête*, защищать / *défendre*, отстаивать / *défendre*, защищаться / *se défendre*, защита / *la défense*, мобилизовать / *mobiliser*, мобилизация / *la mobilisation*, отступить / *se retirer*, сдавать / *livrer*, rendre, подорвать / *miner*, провести разделительные линии / *tracer les lignes de démarcation*, заключить мир / *faire la paix*.

При анализе учитывались экстралингвистические факторы, влияющие на порождение и восприятие политических текстов, т. е. социально-исторический контекст, который выступает в роли «прагматической интерпретанты».

В статье «Каузальная сила политической метафоры» американский исследователь Р. Д. Андерсон выдвигает гипотезу о том, что «изменение в выборе коммуникантами метафор предшествует политическим переменам» и что метафора «не зависит от экстралингвистических условий» [Андерсон, 2006. С. 73]. В своей работе мы попытаемся подтвердить или опровергнуть эти идеи.

Фрейм «Война и ее разновидности»

В этот фрейм входят слоты, связанные с разными видами политических *войн* (*холодная, информационная, религиозная*); с операциями, объединенными общей стратегической целью (*предвыборная, избирательная, президентская кампания*⁹); с выражением социального недовольства с оружием в руках (*революция, восстание*), в котором противоборствующие стороны – это «оппозиционные» *лагери*.

Частотность употребления именных метафор в текстах анализируемых выступлений четырех президентов представлена на рис. 1.

Наиболее часто метафоры данного фрейма присутствуют в дискурсе Н. Саркози (28), наименее часто – в дискурсе Д. А. Медведева (4). Второй по частотности употребления указанных метафор дискурс Ф. Олланда (18), третий – В. В. Путина (8).

Рассмотрим подробнее специфику их функционирования в выступлениях глав государств¹⁰.

Д. А. Медведев: *В адрес России и её руководства идут потоки обвинений и брани. На этом построена вся избирательная кампания Лукашенко*. В данном примере глава РФ применяет

⁸ Всего по 7 текстов, посвященных внутриполитической тематике, по 3 текста о глобальных внешнеполитических проблемах, по 3 текста, затрагивающих исключительно франко-российские отношения, и по 1 тексту иной жанровой природы (помимо традиционных для президентского дискурса текстовых форм).

⁹ Метафору военного происхождения, описывающую невоенные действия в политике, объясняет словарное толкование, представленное в Новейшем большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова [2008] (электронная версия): *кампания* – 3. работа, проводимая в определенный период для осуществления какой-л. важной общественно-политической или хозяйственной деятельности.

¹⁰ Последовательность примеров связана с датой вступления того или иного политика в должность президента страны.

нехарактерную для его политического поведения стратегию дискредитации вместе с сопутствующей ей тактикой дистанцирования, которую можно обозначить «паролем» (в терминологии О. С. Иссерс¹¹) «я не такой», «работающую» на создание определенного политического имиджа. В целом, как было сказано выше, речь третьего президента РФ не изобилует метафорикой, характерной для данного фрейма. Так, он использует лексику *война* в метафорическом значении лишь единожды – в рамках устойчивого сочетания (идиомы) *холодная война*.

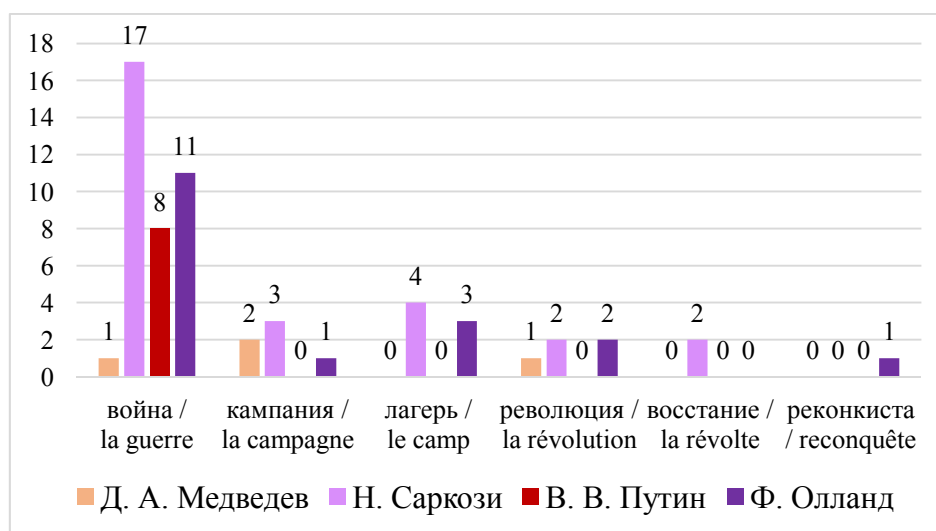

Рис. 1. Именные метафоры фрейма «Война и ее разновидности»

Fig. 1. Substantive Metaphors of the Frame "The War and Its Varieties"

В дискурсе Н. Саркози использованы как метафорические политические штампы (*холодная, религиозная война*¹²), так и оригинальные образы, обладающие экспрессивным потенциалом, направленным на создание у адресата необходимого эмоционального настроения. Так, выступая на Генеральной ассамблее ООН и говоря о возможном катастрофическом будущем, он использует образ голодного, измученного ребенка, во взгляде которого *il n'y a pas seulement de la souffrance, il y a aussi toutes les guerres et toutes les révoltes qui demain ensanglanteront le monde* – 'не только страдание, а также **войны и мятежи**, которые завтра **зальют кровью** мир'. На 63-й церемонии по случаю окончания Второй мировой войны он сравнивает борьбу союзных сил против фашистов с *войной Добра со Злом, с войной против самой ужасной смертоносной идеологии, которую когда-либо знал мир*.

Из перечисленных слотов фрейма «Война и ее разновидности» в корпусе анализируемых выступлений В. В. Путина представлена только *холодная война*. Это неудивительно: на третий срок его президентства пришлось одно из самых резонансных выступлений – «Валдайская речь» 2014 г. (многие сравнивают ее со знаменитой «Мюнхенской речью» 2007 г.) с обличением идеи «глобального доминирования». Именно в этом выступлении высока частотность употребления метафорического словосочетания *холодная война* (6 из 8 контекстов всей выборки). Говоря об «однополярном мире», к которому, по мнению В. В. Путина, стре-

¹¹ В частности, об этом говорится в статье «Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу» [Иссерс, 1996. С. 71–74].

¹² В речи Н. Саркози лексема *война* чаще всего вступает в метафорическое сочетание с прилагательным *религиозная* (6 из 17 контекстов всей выборки).

мятся политические лидеры США, президент России подчеркивает «иллюзорность» и «необоснованность» этой идеи, «самонадеянность» ее авторов: *Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в «холодной войне»*. В стенограмме выступления последовательно используются кавычки, что подчеркивает переносное употребление сочетаний *холодная война* и *заключение мира* (импликатура: не было реальной войны, значит, не было и мира): «*Холодная война* закончилась. Но она не завершилась **заключением «мира»**». Негативную коннотацию усиливает устойчивое словосочетание *так называемый*, которое, согласно «Фразеологическому словарю русского литературного языка» А. И. Фёдорова [2008] (электронная версия)¹³, употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому / чему-либо: *так называемые победители в «холодной войне»*. «Воинственность» дискурса создается и с помощью других милитарных метафор (*разделительные линии, пикировка, коалиции, враг*) и глаголов деструктивной семантики *раздробить, расколоть, ломать, сносить, устранять, развалить, разрушать* (общая сема 'удар'): *Прямота и жёсткость оценок нужны сегодня вовсе не для того, чтобы заниматься **взаимной пикировкой**; Сейчас мы вновь видим попытки **раздробить мир, провести разделительные линии, сколотить коалиции** по принципу не за, а против кого бы то ни было, вновь сформировать **образ врага**, как это было в годы «холодной войны»; Механизм сдержек и противовесов <...> нельзя было **ломать***¹⁴, во всяком случае нельзя было ничего *ломать*, не создавая ничего взамен.

Что касается речи седьмого президента французской V Республики, Ф. Олланда, то чаще всего он употребляет лексему *война* в контексте борьбы с терроризмом. Из 33 контекстов с этой лексемой 22 употребления актуализируют прямое противодействие террористам, в частности с ведением реальных боевых действий против них в Сирии, 11 – метафорическое: *La France est **en guerre*** – 'Франция **в войне**'; *Nous sommes **dans une guerre contre le terrorisme djihadiste** qui menace le monde entier et pas seulement la France* – 'Мы **на войне против джихадистского терроризма**, который угрожает всему миру, а не только Франции'; *Dans cette guerre qui a commencé depuis plusieurs années<...>il faudra du temps et que la patience<...>avec laquelle nous devons **combattre*** – 'В этой войне, которая началась несколько лет назад, необходимо время и терпение, с которым мы должны **сражаться**'¹⁵.

Это объясняется тем, что Франции пришлось столкнуться с трагическими событиями: серией террористических атак в 2015 и 2016 гг.¹⁶, которые значительно повлияли на жизнь всех граждан страны и «осложнили» президентство Ф. Олланда (это стало центральной темой большинства его выступлений). По мнению французского лидера, страна встретила лицом к лицу с войной нового образца: *Cette guerre, elle est d'un nouveau genre* – 'Эта война, это **война нового типа**'; *cette guerre d'un autre type face à un adversaire nouveau* – 'это **война нового типа с новым типом противника**'. Речь идет о новом для современной цивилизации «формате» войны, которую ведут иными способами – диверсиями против мирного населения.

В качестве окказиональной милитарной метафоры Ф. Олланд использует лексему *реконкиста*¹⁷, сравнивая с ней непопулярную во французском обществе реформу Трудового законодательства 2016 г. и пытаясь таким образом убедить граждан страны в ее необходимости и целесообразности: *Voilà ce que nous avons engagé depuis 6 mois. Le cap est fixé, c'est la*

¹³ Хотя мы считаем, что *так называемый* не является фразеологизмом.

¹⁴ *Ломать* не является милитарной метафорой и в выборке не фигурирует, это строительная метафора с семантикой разрушения.

¹⁵ Указанные цитаты – метафоры.

¹⁶ Речь идет о нападении на редакцию сатирического журнала «Charlie Hebdo» 7 января 2015 г., серии терактов 13 ноября 2015 г. в Париже и атаке на прохожих в День взятия Бастилии (14 июля 2016 г.) в Ницце.

¹⁷ *Реконкиста* (исп. *Reconquista*, от *reconquistar* 'отвоевывать') – «отвоевание коренным населением Пиренейского полуострова в VIII–XV вв. территорий, захваченных арабами (точнее маврами)» [Большой Российский энциклопедический словарь, 2009] (электронная версия).

reconquête de notre avenir. – ‘Это то, что мы осуществляем в течение последних 6 месяцев. Направление выбрано, это «реконкиста» нашего будущего’.

Фрейм «Военные действия»

По наблюдению А. П. Чудинова, «метафоры этой группы способны обозначать едва ли не всякие политические действия, особенно производимые интенсивно, целеустремленно, решительно» [2001. С. 108]. В этом фрейме актуализируются как метафоры «нападения» (*атаковать, вторгаться, наступать, бороться*), так и «обороны» (*защищать, отстаивать, противостоять*), и, соответственно, с одной стороны, используются концепты *сражения, битвы, борьбы*, а с другой – *противодействия, защиты*.

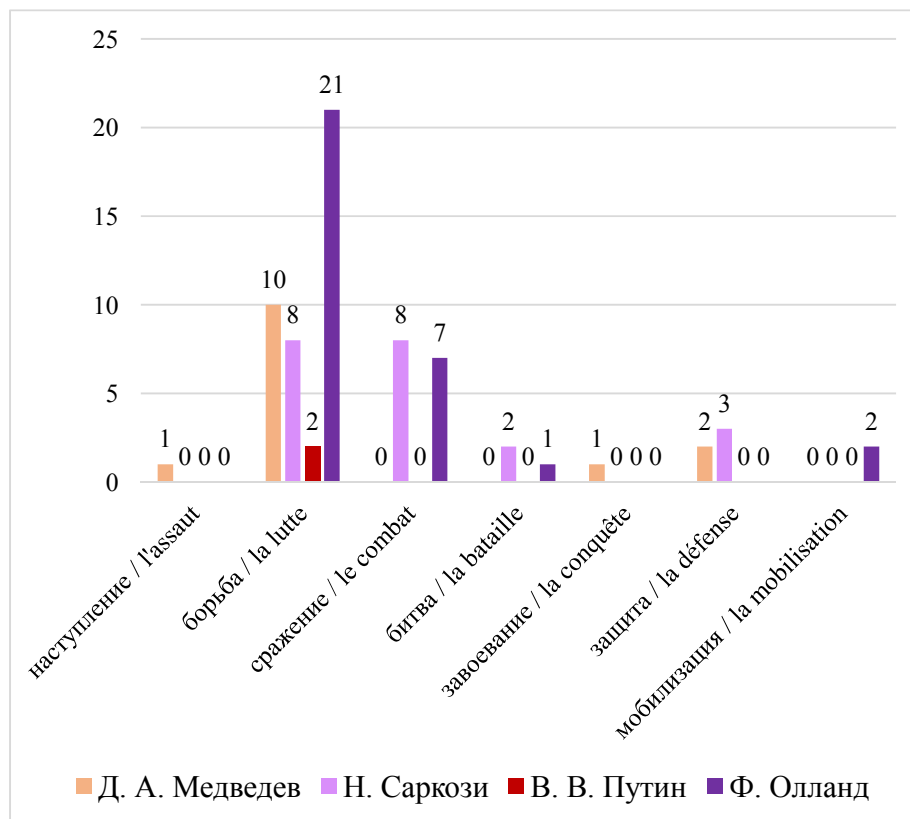

Рис. 2. Именные метафоры фрейма «Военные действия»

Fig. 2. Substantive Metaphors of the Frame “Military Actions”

Как видно из графика (рис. 2), наиболее часто в выступлениях президентов встречаются именные метафоры *борьба, сражение* и *защита*. Мы проанализировали, за и против чего «борются» и, соответственно, что «защищают» в своих речах президенты России и Франции, что позволило выявить основные «векторы» их политической деятельности, а также отстаиваемые ими государственные ценности.

В последнее время особенно актуален анализ «ключевых слов эпохи / общества» (термины используются как синонимичные) с позиций когнитивной лингвистики, учитывающей прагматику и дискурс и предоставляющей возможности комплексного изучения ключевых слов в психологическом, социологическом и культурно-историческом аспектах. «Ключевы-

ми словами эпохи» можно считать «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская, 1996. С. 92] и отличающиеся высокой частотностью на протяжении длительного времени. Таким образом, ключевые слова – это лексические маркеры, отражающие концептосферу определенного социума или отдельной языковой личности.

Одним из таких ключевых слов в дискурсе Д. А. Медведева¹⁸ является *коррупция* (в 9 из 10 употреблений всей выборки *борьба* используется в сочетании *борьба с коррупцией*). Российский президент видит в *коррупции* международную (ср.: *потому что не существует государств, где бы это явление не существовало*) и собственно российскую проблему, особенно актуальную для страны с «исторически сложившейся предрасположенностью» к взяточничеству¹⁹. В этом контексте глава государства в качестве сопутствующей нередко употребляет фитоморфную метафору²⁰, в чем бессознательно проявляется оценка положения вещей как естественной с точки зрения говорящего: *борьба с коррупцией идёт вяло; зрелость правовой системы – это важное условие <...> борьбы с коррупцией*.

В речи Н. Саркози фрейм «Военные действия» актуализируется через *борьбу* против *тирании, варварства, дискриминации, страха за будущее, коррупции, терроризма* и *борьбу за толерантность, свободу, демократию, цивилизационный путь развития* и часто обладает значительным позитивным прагматическим потенциалом.

Особое внимание президент Франции уделяет *борьбе с нелегальной иммиграцией* (2 контекста из 8, аналогичный результат только у *борьбы с глобальным потеплением*), чему посвящает часть своей известной «Гренобльской речи», которая вызвала неоднозначную реакцию во французском обществе и даже спровоцировала массовые протесты среди некоторых представителей иммигрантского сообщества²¹: *faire preuve d'une fermeté absolue dans la lutte contre l'immigration illégale*. – ‘проявить абсолютную твердость в *борьбе с незаконной иммиграцией*’; *je souhaite que nous engagions une importante réforme pour améliorer la lutte contre l'immigration irrégulière*. – ‘я хочу, чтобы мы начали важную реформу с целью усилить *борьбу с нелегальной иммиграцией*’.

Что касается реализации данного фрейма в речи Ф. Олланда, то, как и в случае со слотом «Разновидности войны», в абсолютном большинстве контекстов (10 случаев из 21) речь идет о *борьбе* с террористической угрозой и *защите* безопасности граждан Франции и республиканских ценностей: *Au terme de la lutte, la démocratie triomphera. Pour avoir conduit pendant plus de quatre ans le combat contre un fanatisme meurtrier, j'en ai aucun doute* – ‘В результате *борьбы* демократия *восторжествует*. После более чем четырех лет, проведенных в *битве* со смертоносным фанатизмом, в этом у меня нет сомнений’; *on doit défendre nos valeurs et combattre le terrorisme islamiste* – ‘мы должны *защитить* свои ценности и *побороть* исламистский терроризм’. Говоря о том, что Франция должна продолжить «сражение» с исламизмом, глава государства подчеркивает, что *борьба* должна вестись и со всем, что его «питает»: *с наркотрафиком, незаконной торговлей оружием и культурными ценностями*.

¹⁸ Последовательность примеров связана с датой вступления того или иного политика в должность президента страны, исключение в данном случае – дискурс В. В. Путина, который рассматривается последним по причине наименьшей встречаемости в нем военных метафор анализируемого типа.

¹⁹ Кроме того, большое значение для уровня *коррупции* имеет, конечно, и история того или иного государства, традиции, склонности национального характера, масса других вещей. В этом смысле *коррупция* в России имеет, как это ни печально, вековые традиции (из записи в видеоблоге Д. А. Медведева (20.05.2009)). В такой «исторической» параллели нам видится тактика «вуалирования» безуспешности реализуемых правительством антикоррупционных мер.

²⁰ Явления общественно-политической жизни (сфера-мишень) ← Царство растений (сфера-источник метафоризации).

²¹ Речь идет о выступлении от 30.07.2010, в котором Н. Саркози пригрозил отнять французское гражданство у тех иммигрантов, которые участвуют в нападениях на полицейских, и приказал усилить работу по депортации нелегально живущих во Франции цыган.

Реже всего метафора *борьба* встречается в речи В. В. Путина (всего 2 употребления из всей выборки), что не позволяет провести анализ актуальных для его дискурса ключевых слов, представленных в соответствующих контекстах.

Как и предполагает название рассматриваемого фрейма – «Военные действия» – глагольные метафоры встречаются в нем значительно чаще именных. Так, их суммарная частотность в дискурсе Ф. Олланда – 35, Н. Саркози – 30, В. В. Путина – 20, Д. А. Медведева – 4 против 31, 21, 2 и 14 именных соответственно.

Как видно из графика (рис. 3), самой распространенной является метафора *бороться*, представленная в речи Ф. Олланда, и, как и в вышеописанных случаях, в большинстве контекстов (7 из 13) речь идет о противодействии террористическим угрозам.

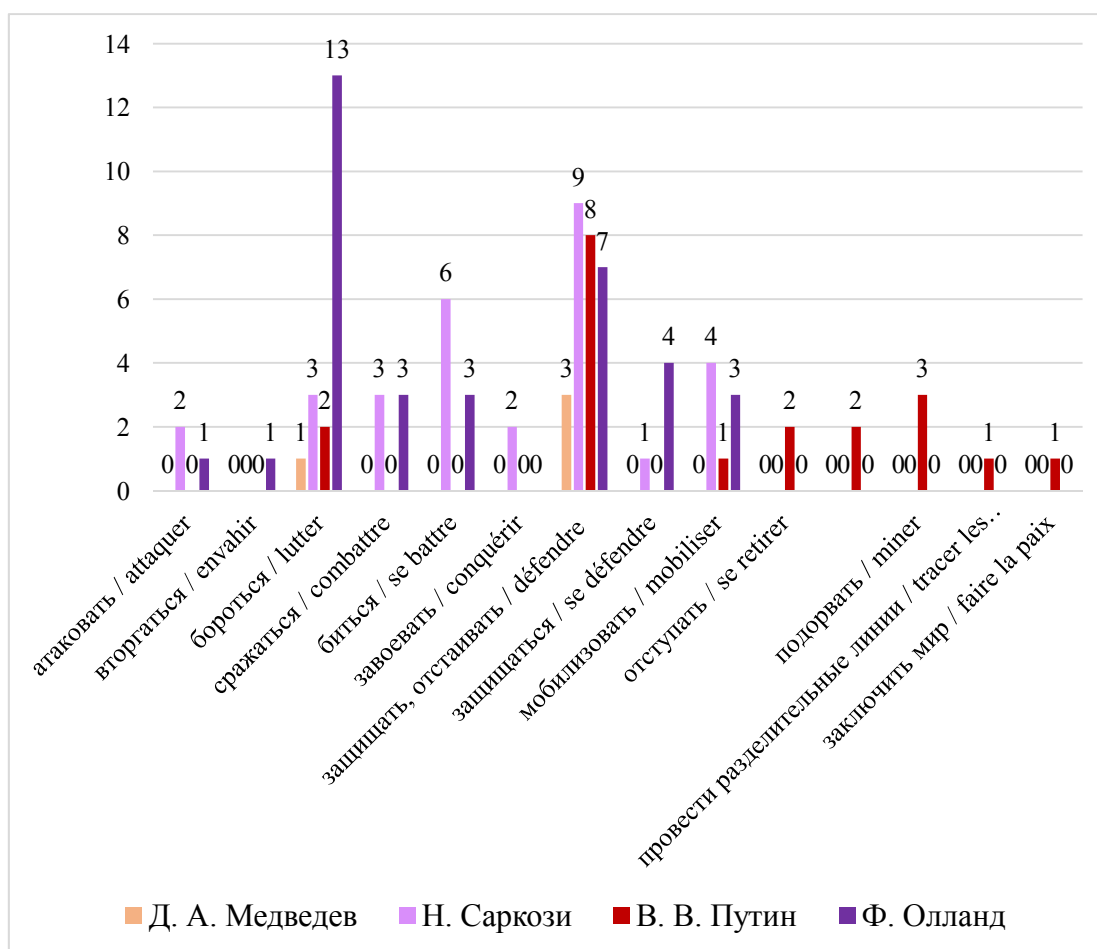

Рис. 3. Глагольные метафоры фрейма «Военные действия»

Fig. 3. Verb Metaphors of the Frame "Military Actions"

Кроме того, показательно употребление метафоры *защищать / отстаивать*, которая проявляет себя единообразно в дискурсе всех четырех президентов: если каждый политический лидер страны «борется» с конкретной проблемой (*коррупцией, терроризмом, нелегальной*

иммиграцией и т. д.), то «защищают» они универсальные ценности (прежде всего, *права и свободы граждан*), а также *национальные интересы*²².

Интересно, что в выступлениях В. В. Путина, помимо традиционных для этой группы метафор (*защищать, бороться, отстаивать* и др.), встречаются более специализированные, описывающие сам ход военных действий. Такими являются метафоры *сдавать* и *отступать*²³ в примере из обращения президента по случаю присоединения Республики Крым к РФ (18.03.2014): *Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда*. Отношения между руководством России и «некоторыми западными политиками» (эвфемизм), с одной стороны, а также «некоей пятой колонной»²⁴ – разного рода «национал-предателей», с другой, метафорически осмысляются как «поле боя», на котором Верховный главнокомандующий решительно настроен защищать «истинные» интересы своей страны.

Кроме того, глава РФ использует милитарную метафору *подорвать* (сема ‘взрыв’), которая не встречается в анализируемом нами корпусе текстов других президентов: *Санкции уже подрывают основы мировой торговли и правила ВТО, принципы незыблемости частной собственности, расширяют либеральную модель глобализации, основанную на рынке, свободе и конкуренции; На мой взгляд, наши американские друзья просто подрывают, режут сук, на котором сами сидят*. В последнем примере военная метафора выполняет функцию семантической конкретизации фразеологизма *рубить сук, на котором сидишь*, обозначающего ‘причинять самому себе вред’, в котором на основе семантического сходства глагол *рубить* заменен на *резать*.

Заключение

Итак, широкая распространенность милитарных метафор в политической коммуникации объясняется особенностью метафорического представления политической деятельности как сферы, аналогичной военным действиям. Точнее, политика в целом и политический дискурс в частности рассматриваются как *образная форма* сражения или войны, что вписывается в концептуальную сферу культуры любого народа в силу своей архетипичности. Однако частота реализации той или иной метафорической модели не только в разных обществах, но и в дискурсе разных языковых личностей не идентична. Так, проведенный сравнительный анализ продемонстрировал «национальную специфику» использования милитарных метафор: речь французских президентов более «воинственна» в метафорическом плане, чем речь двух российских глав государства начала XXI в. (163 метафоры против 52), что подчеркивает особую решительность и интенсивность политических действий, характерных для общественной жизни Франции.

Кроме того, проведенное исследование индивидуальных особенностей функционирования военной метафоры в дискурсах Д. А. Медведева, Н. Саркози, В. В. Путина и Ф. Олланда ставит под сомнение идею американского исследователя Р. Д. Андерсона о независимости актуализации политических метафор данного типа от экстралингвистической ситуации. Напротив, она показывает, как реализация тех или иных метафорических моделей политической жизни и их конкретных языковых репрезентаций обусловлена действием социальных

²² Чаще всего политический штамп *защищать национальные интересы* встречается в дискурсе В. В. Путина (8 случаев из 8).

²³ Согласно дефинициям, представленным в Новейшем большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова [2008], некоторые ЛСВ этих глаголов имеют «военный» семантический компонент: *сдать / сдавать* – что 8. прекратив сопротивление, не удержав, отдать неприятелю; *отступить / отступать* – 3. отойти назад под напором наступающего неприятеля.

²⁴ Милитарная метафора *пятая колонна* относится к слоту «Воинские подразделения» и носит ярко выраженный пейоративный эффект. Возникновение рассматриваемого выражения связано с наименованием агентства генерала Франко, действующей во время Гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг.

факторов. В частности, это подтверждается тем, что наибольшее количество воспроизведенных военных метафор демонстрирует дискурс Ф. Олланда (84 из 215, т. е. около 40 % от числа всех единиц выборки), который использует их в контексте совершенных во Франции террористических актов 2015 и 2016 гг. Это позволяет сделать вывод о том, что актуализация милитарных метафор в речи политических лидеров напрямую связана с повесткой дня в стране.

Список литературы / References

- Андерсон Р. Д.** Каузальная сила политической метафоры // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 72–91.
- Anderson, R. D.** Causal force of political metaphor. In: Modern political linguistics. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006, p. 72–91. (in Russ.)
- Виноградов С. И.** Слово в парламентской речи и культуре общения // Русская речь. 1993. № 2. С. 50–55.
- Vinogradov, S. I.** The word in the parliamentary speech and culture of communication. *Russian speech*, 1993, no. 2, p. 50–55. (in Russ.)
- Воробьева К. А., Тагильцева Ю. Р.** Политическая коммуникация как особое информационно-психологическое воздействие // Политическая коммуникация: Материалы Всерос. науч. школы для молодежи. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 26–27.
- Vorobieva, K. A., Tagilceva Yu. R.** Political communication as a special informational and psychological impact. In: Political communication: report of the all-Russian scientific school for young people. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2009, p. 26–27. (in Russ.)
- Гаврилова М. В.** Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. 294 с.
- Gavrilova, M. V.** Cognitive and rhetorical bases of the presidential speech (based on the speeches of V. V. Putin and B. N. Yeltsin). St. Petersburg, Philological Department of Saint Petersburg State University Publ., 2004, 294 p. (in Russ.)
- Голикова Т. А.** Речевой портрет как основная составляющая имиджа лидера в политическом дискурсе // Вестник Российского нового университета. 2018. №3. С. 9–16.
- Golikova, T. A.** Speech portrait as the main component of the leader's image in political discourse. *Vestnik of the Russian New University*, 2018, no. 3, p. 9–16. (in Russ.)
- Земская Е. А.** Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–140.
- Zemskaya, E. A.** Active processes of modern word production. In: Russian language of the late 20th century (1985–1995). Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, p. 90–140. (in Russ.)
- Иссерс О. С.** Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. 1996. № 1. С. 71–74.
- Issers, O. S.** What politicians say to please their people. *Vestnik of Omsk University*, 1996, no. 1, p. 71–74. (in Russ.)
- Лагута О. Н.** Метафорология: теоретические аспекты (в 2-х частях). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003. 113 с.
- Laguta, O. N.** Metaphorology: Theoretical Aspects (in 2 parts). Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2003, 113 p. (in Russ.)
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

- Lakoff, G., Johnson, M.** Metaphors We Live by. In: Theory of metaphor. Moscow, Progress Publ., 1990, p. 387–415. (in Russ.)
- Лассан Э.** О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 24–33.
- Lassan, E.** About the forms of existence of conceptual metaphors as indicators of strength and powerlessness of society. *Political Linguistics*, 2010, no. 1 (31), p. 24–33. (in Russ.)
- Левинская М. К.** Стратегия самодискредитации в политическом дискурсе // Политическая коммуникация: Материалы Всерос. науч. школы для молодежи. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 64–67.
- Levinskaya, M. K.** Strategy of auto-discreditation in the political discourse. In: Political communication: Report of the All-Russian scientific school for young people. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2009, p. 64–67. (in Russ.)
- Нахимова Е. А.** Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 44–48.
- Nakhimova, E. A.** Case names in the presidential discourse. In: Political linguistics, 2007, no. 2 (22), p. 44–48. (in Russ.)
- Ушакова Е. В.** Речь политика как фактор, влияющий на восприятие его образа (на примере В. В. Жириновского) // Психология восприятия власти. М.: Социально-политическая мысль, 2002. С. 234–241.
- Ushakova, E. V.** Politician's speech as a factor affecting the perception of his image (on the example of V. V. Zhirinovsky). In: Psychology of the perception of power. Moscow, Social and political thought Publ., 2002, p. 234–241. (in Russ.)
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Chudinov, A. P.** Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001, 238 p. (in Russ.)
- Domènech, M. C.** Les métaphores dans le discours politique: tendances de traduction à l'espagnol. In : Synergies Espagne. Valencia, 2010, p. 107–117.
- Gauthier, G.** La métaphore guerrière dans la communication politique. In : Recherches en Communication. Laval, Université Laval, 1994, no. 1, p. 132–147.
- Gingras, A.-M.** Les métaphores dans le langage politique. *Politique et Société*, 1996, no. 30, p. 159–171.
- Lakoff, G.** Metaphor and war: the metaphor system used to justify War in the Gulf. In: Yallet, D. (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991, p. 25–32.
- Lakoff, G., Johnson, M.** Metaphors We Live by. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 256 p.

Список словарей / List of Dictionaries

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.** Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N.** Dictionary of Russian political metaphors. Moscow, Pomovskij and partners Publ., 1994, 330 p. (in Russ.)
- Большой Российский энциклопедический словарь.** М.: Большая Рос. энцикл., 2009. 1887 с.
- Great Russian Encyclopedic Dictionary.** Moscow, Great Russian encyclopedia Publ., 2009, 1887 p. (in Russ.)
- Кубрякова Е. С. и др.** Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. 245 с.

- Kubryakova, E. S. et al.** A short dictionary of cognitive terms. Moscow, Philological Department of Moscow State University Publ., 1996, 245 p. (in Russ.)
- Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- Matveeva, T. V.** Full dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010, 562 p. (in Russ.)
- Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норит, М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
- The Latest Large Dictionary of the Russian Language. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norit Publ., Moscow, Rapol klassik Publ., 2008, 1534 p. (in Russ.)
- Федоров А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.
- Fedorov, A. I.** Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow, Astrel Publ., 2008, 828 p. (in Russ.)
- Dictionnaire encyclopédique de français: l'essentiel de la langue française / Larousse. Paris, Franklin electronic publishers France, 2008.

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.11.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Крышталева Вера Евгеньевна, соискатель кафедры общего и русского языкознания ГИ НГУ (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия), аспирант-лингвист в Университете Париж Нантерр (авеню де ля Републик, 200, Нантерр, 92000, Франция). Диссертация пишется под двойным, российско-французским, научным руководством. Научный консультант с российской стороны: канд. филол. наук, доц. Оксана Михайловна Исаченко (ГИ НГУ). Научный руководитель с французской стороны: д-р филол. наук, проф. Жан-Франсуа Жандио (Университет Париж Нантерр)

Vera E. Kryshhtaleva, Post-graduate student under joint supervision: chair of General and Russian linguistics, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Laboratoire MoDyCo (Modèles, Dynamiques, Corpus), Université Paris Nanterre (200 Avenue de la République, Nanterre, 92000, France). Scientific supervisors: Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor Oksana M. Isachenko (Novosibirsk State University) and Doctor of linguistics, Full Professor Jean-François Jeandillou (Université Paris Nanterre)

kryshhtaleva@hotmail.com

УДК 81-119 + 811.58

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-91-101

**Межкультурная коммуникация:
китайский язык и его воздействие на когнитивные способности
русскоязычных детей**

К. К. Васильева¹, К. Г. Эрдынеева²

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания
Москва, Россия

² Забайкальский государственный университет
Чита, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию процесса формирования креативности младших школьников. В фокусе внимания влияние языковой культуры стран Юго-Восточной Азии на развитие креативности младших школьников, изучающих китайский язык, а также влияние образовательной среды на креативную результативность школьников. Представлены результаты трехлетнего лонгитюдного исследования (2013–2016 гг.), реализуемого на базе МБУ ДО «Детская школа искусств № 7» и МБОУ СОШ № 49 г. Читы, полученные с помощью батареи теста креативности П. Торренса и теста личностных творческих характеристик Е. Е. Туник. В эмпирическом исследовании принимали участие 135 человек, в том числе 105 человек (3 группы по 35 человек каждая) в возрасте от 9 до 11 лет и 30 учителей, из них 15 учителей МБУ ДО «Детская школа искусств № 7» и 15 учителей МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка. Экспериментальную группу составили учащиеся студии иностранных языков, изучающие китайский язык. В контрольные группы вошли 70 школьников – учащиеся отделений театрального искусства (35 человек) и хореографического искусства (35 человек), не изучающие китайский язык. Полученные результаты указывают на статистически значимую зависимость разработанности и оригинальности выполненных детьми заданий (тест П. Торренса) от их занятий в студии иностранных языков (китайский язык). Полученные данные демонстрируют наличие связи между условиями образовательной среды и показателями креативности младших школьников, изучающих китайский язык. Результаты исследования показывают, что изучение китайского языка способствует развитию креативности детей младшего школьного возраста. Язык воздействует на интонационное различение семантики в речи, на формирование многозначного контекста, что способствует развитию восприимчивости к новому еще в младшем школьном возрасте. Изучение китайского языка оказывает повышенное воздействие на способность к выдвижению новых идей, отличающихся от стандартных, а также способствует конструктивной и изобретательской деятельности человека. С немалой долей вероятности можно утверждать, что креативность младших школьников формируется, главным образом, под воздействием освоения ими идеографического письма китайского языка.

Ключевые слова

китайский язык, креативность, младший школьник, образовательная среда, интегральная индивидуальность

Для цитирования

Васильева К. К., Эрдынеева К. Г. Межкультурная коммуникация: китайский язык и его воздействие на когнитивные способности русскоязычных детей // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 91–101. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-91-101

© К. К. Васильева, К. Г. Эрдынеева, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 2

Intercultural Communication: Chinese Language and Its Impact on Cognitive Abilities of Russian-Speaking Children

Klavdiya K. Vasilyeva¹, Klavdiya G. Erdyneeva²

¹ *Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Russian Federation*

² *Zabaikalsky State University
Chita, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the study of creativity in younger students. The focus is on the impact of Southeast Asian languages and cultures on the development of creativity in younger Russian students learning Chinese, as well as on the impact of the educational environment on creative performance of schoolchildren.

The paper presents the results of a three-year longitudinal study (2013–2016), implemented on the basis of the MBU to «Children's Art School No. 7» and MBOU Secondary School No. 49, Chita, obtained by using the battery of the P. Torrens creativity test and the E. Tunic creative characteristics test. The empirical study involved 135 people: 105 pupils (3 groups of 35 pupils each) aged 9 to 11 years and 30 teachers, including 15 teachers of MBU DO «Children's Art School No. 7» and 15 teachers of MBOU SOSH №49 (with in-depth study of English). The experimental group was represented by pupils of the foreign language studio learning Chinese. The control groups included 70 schoolchildren – students of the departments of theatrical and choreographic art (35 people at either department) who do not learn Chinese. The results indicate a statistically significant dependence of the elaboration and originality of the tasks performed by children (P. Torrens test) on their studies in the foreign language studio (Chinese language). The data obtained show a link between the educational environment and the creativity indicators of younger schoolchildren learning Chinese. The results of the study show that learning Chinese contributes to the development of creativity in children of primary school age. The language increases the intonational semantic distinction in speech, it facilitates the creation of an ambivalent context, which contributes to the development of susceptibility to the new even at the early school age. Learning Chinese has an increased effect on the ability to propose new ideas that are different from standard ones, it also contributes to constructive and inventive human activity. With considerable probability, it can be argued that the creativity of younger schoolchildren is formed mainly under the influence of their mastering the ideographic writing of the Chinese language.

Keywords

Chinese, creativity, primary school child, educational environment, integral individuality

For citation

Vasilyeva, Klavdiya K., Erdyneeva, Klavdiya G. Intercultural Communication: Chinese Language and Its Impact on Cognitive Abilities of Russian-Speaking Children. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 91–xx. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-91-

Креативность личности востребована обществом настолько, насколько осознана потребность в конкурентоспособности нации. Современные факторы креативности личности и креативности общества в немалой степени порождаются многовариантной культурной ассимиляцией. Европейская цивилизация признана лидером мировой креативности. Вместе с тем, в XXI в. обращает на себя внимание креативный напор представителей Юго-Восточной Азии.

О креативности

Анализ исследований, позволяет выделить следующие мотивационно-личностные характеристики детей и подростков, обеспечивающие реализацию креативности: повышенный интерес к новому, вера в свое предназначение и убежденность в собственной эффективности, высокая автономность, упорство при достижении цели, способность к сосредоточению внимания, инициативность, спонтанность, самопринятие, сензитивность к проблемам, гибкость в мышлении и поведении [Torrance, 1962; Психология одаренности, 2000; Ушаков, 2003]. Возможность развития способностей до креативной результативности обусловлена средовы-

ми факторами, в том числе стилем взаимоотношений в семье, особенностями общения в школе, уровнем развития предметных областей, созданием обогащенной среды [Стернберг, 2002; Дружинин, 2008].

Заметим, что актуальность исследования одаренности в контексте широкого диапазона вопросов, касающихся своеобразия развития креативности младших школьников, связана с тем, что наиболее интенсивно интеллект изменяется от 2 до 12 лет [Пономарев, 1976; Пиаже, 1994]. Качественные изменения в структуре интеллекта сопровождаются скачкообразными изменениями креативности [Богоявленская, 2002]. Кросскультурные исследования Торренса свидетельствуют о том, что тип креативности и специфика ее развития определяется культурой [Torrance, 1969]. Прерывность в развитии данного феномена обусловлена новыми требованиями, стрессовыми ситуациями. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что процесс развития креативности детей младшего школьного возраста происходит в ситуации неопределенности, трансформации ценностей, изменения социальных представлений о жизненных перспективах. Эвристическое воздействие языка на человека, выражающееся в определении вектора движения мысли, обеспечивает гибкость адаптации индивида к изменяющейся культурно-социальной природной среде [Амельченков, 2009; Vasilyeva, Ochirov, 2017]. Изучение в младшем школьном возрасте китайского языка приводит к формированию новой стратегии переработки информации при освоении идеографического письма. Нелинейный тип развития креативности может быть смягчен появлением новых способов восприятия мира и передачи своих представлений.

В истории развития учений о креативности выделяют немало научных школ и концепций. Основной вектор исследований связан психометрическим подходом к изучению креативности. Так, Дж. Гилфорд рассматривает креативность как способность к дивергентному мышлению [Guilford, 1986]. Наиболее известны следующие классификации, включающие различные подходы к изучению креативности: Дж. Плакер и Дж. Рензулли [Plucker, Renzulli, 1999] (психометрический, биографический, экспериментальный, биометрический, историометрический); Р. Майер [Mayer, 1999] (психометрический, биологический, биографический, экспериментальный, контекстуальный, компьютерный); Р. Стернберг и Т. Любарт [Sternberg, Lubart, 1999] (психометрический, психоаналитический, мистический, когнитивный, прагматический, системный, социально-личностный); С. Р. Яголковский [2011] (психофизиологический, когнитивный, личностный, психоэкономический, системный). Отсюда следует, что широта рассматриваемого конструкта требует дальнейшего осмысления. Существующие теории креативности, несмотря на расхождения, имеют общие черты. Креативность рассматривается как многомерный и многоуровневый феномен, динамично и нелинейно развивающийся у индивидуального и коллективного субъектов под воздействием факторов и механизмов социокультурной среды, обусловленный спецификой взаимодействия нейронов мозга, способствующий нахождению нестандартных, оригинальных и принципиально новых решений, обеспечивающих возможность человеку преобразовывать как самого себя, так и весь мир.

О факторах социальной среды

Т. Н. Тихомирова и М. В. Богомолова [2007], исследуя взаимосвязь факторов социальной среды с развитием творческих способностей, различают два аспекта социальной среды: межличностное и предметно-информационное взаимодействие. Сравнительный анализ моделей, описывающих влияние предметно-информационного аспекта среды на развитие творческих способностей (креативности), показал недостаточную обоснованность и эффективность моделей развития через информационное обогащение и обучение. Очевидно, нерегламентированность поведения, наличие в микросреде образцов креативного поведения, а также предметно-информационная обогащенность [Хазратова, 1994], противоречия в предметной

ситуации [Smedslund, 1969] оказывают влияние на равновесные когнитивные структуры и творческие достижения в жизни.

В модели идентификации и развития таланта в обучении (TIDE) [Feldhusen, 2005], исходным моментом развития творческих способностей признаны знание и понимание себя, адекватная самооценка профиля и уровня своих способностей. Результаты исследований уровня и динамики творческих способностей свидетельствуют о взаимосвязи отдельных мероприятий и креативности детей. Вместе с тем имеют место и противоположные результаты, которые показывают, что увеличение количества мероприятий экологической направленности оказывает негативное влияние на развитие креативности. Представляется необходимым выяснить взаимосвязь обогащения образовательной среды с индивидуальными различиями в проявлении креативности детей младшего школьного возраста. Когнитивное обогащение посредством подготовки адекватных образовательных материалов, подбора методов обучения и стимулирующего поведения способствует интеллектуальной акселерации детей [Storfer, 1990]. В отечественной психологии обогащение, или амплификация, подразумевает максимальное использование возможностей каждого возраста, что предполагает наличие разнообразной аудиовизуальной информации, виртуальных игровых и обучающих программ, сложность индивидуального пространства, широкий диапазон социальных контактов [Когнитивная психология, 2002; Рензулли, 1997].

Методы исследования и обработки данных

В эмпирическом исследовании принимали участие 135 человек, в том числе 105 человек (3 группы по 35 человек) в возрасте от 9 до 11 лет муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Детская школа искусств № 7» г. Читы, а также 30 учителей, в том числе 15 учителей МБУ ДО «Детская школа искусств № 7» и 15 учителей МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка. Экспериментальную группу представили 35 учащихся студии иностранных языков, изучающих китайский язык от одного года до трех лет. В контрольные группы вошли 70 школьников – учащихся отделений театрального искусства (35 человек) и хореографического искусства (35 человек), не изучающих китайский язык.

Результаты анализа литературы по проблеме креативности младших школьников определили выбор диагностического инструментария. При проведении экспериментального исследования за основу был взят сокращенный вариант изобразительной (фигурной) батареи теста креативности П. Торренса – задание «Закончи рисунок». Данный тест представляет собой второй субтест фигурной батареи тестов творческого (дивергентного) мышления. В соответствии с целью исследования был использован тест личностных творческих характеристик (Е. Е. Туник [2002]). Диагностические процедуры реализованы в первой половине дня в помещении групповых занятий. На первом этапе осуществлялась первичная диагностика креативности школьников в экспериментальной и контрольных группах испытуемых. На втором этапе осуществлялось экспериментальное воздействие: занятие, направленное на изучение китайского языка, предполагало использование инновационных образовательных технологий: деловые и ролевые игры, виртуальные игровые и обучающие программы, мультимедийный урок, проблемные ситуации. На третьем этапе проводилась повторная диагностика уровня развития креативности.

Для обработки полученных результатов использовался пакет прикладных компьютерных программ обработки табличных данных Microsoft Excel 1. XP и пакет статистического анализа SPSS for Windows 21.0.

Образовательная среда

Особый интерес представляет развитие креативности младшего школьника средствами китайского языка, когда взрослое окружение образовательной организации проявляет образцы творческого поведения. Результаты сравнительного анализа средних значений показате-

лей креативности в выборках учителей Детской школы искусств и учителей МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка, стаж педагогической работы которых не превышает 10 лет, с применением t -критерия Стьюдента (табл. 1) показали, что учителя Детской школы искусств и МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка имеют достаточно высокие показатели креативности. Однако учителя МБОУ СОШ № 49 продемонстрировали более высокие показатели разработанности идей. Вместе с тем обнаружены более высокие показатели креативности в отношении гибкости, оригинальности и образной памяти у учителей Детской школы искусств.

Таблица 1

Показатели креативности учителей Детской школы искусств № 7
и МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка
(по t -критерию Стьюдента)

Table 1

Comparative Indicators of Creativity among Teachers of the Children's Art School No. 7
and the Secondary School No. 49 with in-depth study of the English language, Chita
(according to Student's t criterion)

Показатель	Среднее значение		t	p
	Группа 1	Группа 2		
Беглость мышления	33,63	34,52	1,43	,000
Гибкость мышления	23,87	20,67	3,43	,003
Оригинальность мышления	51,23	43,59	3,46	,004
Разработанность идей	168,47	161,71	2,18	,030
Образная память	15,87	14,11	2,28	,021

Примечание: 1-я группа – учителя Детской школы искусств; 2-я группа – учителя МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка; t – сравнение групп 1 и 2; p – уровень значимости различий (оценка по t -критерию).

Учителя Детской школы искусств № 7, по сравнению с учителями МБОУ СОШ № 49 с углубленным изучением английского языка, продемонстрировали более высокую степень разработанности идей, образной памяти, оригинальности мышления, что, по Торренсу, свидетельствует о наличии особого типа продуктивности творческого мышления. Статистически значимых различий не обнаружено по показателям беглости. Думается, что использование современных технологий образования определили достаточно высокий уровень готовности к использованию индивидуальных креативных способностей, а также к развитию гибкости мышления, способности создавать осмысленные идеи и формулировать уникальные ответы. Молодые учителя, стаж которых не превышает десяти лет, продемонстрировали выраженную восприимчивость к новым идеям, достаточно высокий уровень способности к нестандартному мышлению.

Результаты исследования отражают наличие связи между условиями образовательной среды и показателями развития креативности младших школьников. В табл. 2 представлен сравнительный анализ средних показателей креативности по каждому критерию. Следует отметить, что уровень оригинальности (количество необычных вариантов решения задания), уровень разработанности (наличие детализации рисунка), а также общий балл выше у школьников, изучающих китайский язык в студии иностранных языков. Школьники, посещающие театральное и хореографическое искусство, по средним показателям превосходят

Таблица 2

Показатели креативности трех групп младших школьников

Table 2

Comparative Indicators of Creativity among Younger Schoolchildren

Группа	Беглость		Гибкость		Оригинальность		Разработанность		Общий балл	
	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.
Студия иностранных языков (китайский язык, Chinese language)	9,63	1,003	7,94	1,413	10,4	3,098	31,92	14,646	59,89	15,925
Театральное искусство (Theatre studio)	10	0,270	8,086	1,239	9,69	3,020	24,43	8,533	52,49	8,685
Хореографическое искусство (Ballet class)	9,9	0,351	7,7	0,870	9,6	2,280	26,85	8,642	52,9	8,763

Таблица 3

Различия в показателях факторов креативности

Table 3

Variation in the Indicators of the Factors of Creativity (According to Tunic)

Фактор креативности	Студия иностранных языков (китайский язык)		Театральное искусство		Хореографическое искусство	
	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.	$M_{x_{cp}}$	станд. откл.
Любознательность (Curiosity)	18,7	4,3	17,3	3,7	16,3	3,9
Воображение (Imagination)	18,5	4,9	15,8	4,3	15,2	4,6
Сложность (Complexity)	18,3	5,2	17,1	4,5	15,1	3,8
Склонность к риску (Attitude to risk)	16,8	1,6	17,0	1,2	17,1	–
Суммарный	72,3		67,2		63,7	

по критерию беглости: они представили большее количество завершенных фигур за определенный период, однако их работы были менее оригинальны и менее разработаны, так как дети уделили большее внимание скорости выполнения задания, а не оригинальности и детализации. Также мы можем сделать вывод, что школьники группы «хореографическое искусство» представили меньшее количество категорий ответов, так как показатель гибкости мышления, оценивающий способность выдвигать разнообразные идеи, ниже, чем у экспериментальной группы.

Китайский язык служит фактором динамики развития креативности. На ранней стадии своего развития китайское письмо состояло из иероглифов, представлявших собой частично изображения, частично символы – идеограммы. До настоящего времени во многих письменных знаках отчетливо прослеживается их первоначальный идеографический характер. Например, форма молодого месяца стала исходным символом, на основе которого возник иероглиф 月 yuè – «месяц, луна»; 水 shuǐ – «вода» и 川 chuān – «поток» изображают бурлящие потоки воды; в иероглифе 火 huǒ – «огонь» можно увидеть языки пламени; а в графеме 山 shān – «гора» – остроконечные горные вершины [Рожкова, 2015] и т. д. Можно утверждать, что при чтении и написании китайского текста активно задействовано правополушарное пространственно-образное мышление, так как иероглиф передает смысл только как целое изображение, а каждый его элемент в отдельности обладает собственной семантикой. Гармоничное обучение предполагает взаимодополняющую активность полушарий мозга. Успешность приспособительных реакций в процессе обучения обеспечивается преимущественной работой правого или левого полушария на разных стадиях интегрально-психической деятельности. Формально-логические «левополушарные» компоненты мышления организуют любой знаковый материал таким образом, что создается строго упорядоченный и однозначно понимаемый контекст. Стратегия «правополушарного» компонента мышления – формирование многозначного контекста, что делает ее важнейшим участником творческого процесса [Эрдынеева, Батоцыренов, 2012; Эрдынеева, Попова, 2009; Erdynееva, Popova, 2012].

Устный язык также имеет специфическую особенность. Фонетический состав китайского языка ограничен: насчитывается около 420 звуковых комбинаций (слов), в разных диалектах это количество может достигать до 900 звуковых комбинаций. Такого незначительного количества слогов недостаточно для обозначения существующих в мире предметов и явлений, которые нуждаются в звуковом обозначении. Разнообразие звуков достигается за счет тонирования – произнесения слога тем или иным музыкальным тоном. Мы имеем дело со специфическим модулированием речи, т. е. с изменением движения тона голоса на каждом слоге. Всего в китайском языке существует четыре этимологических тона – исторически обусловленных, исконно присущих слогу. Интонации и мелодика речи распознаются правым полушарием мозга. Человеческий мозг сначала обрабатывает в правом полушарии музыкальную составляющую, т. е. интонацию слов, и только после этого в левом полушарии происходит осмысление информации. Таким образом, можно сказать, что человек, с детства привыкающий к интонационному различению семантики в речи, имеет значительно развитые музыкальные способности. Китайский язык очень мелодичен, при его изучении человек привыкает различать большее число звуковых частот, что, в свою очередь, развивает музыкальные способности и слух.

Потребность отдельно ассоциировать иероглиф с его смыслом и отдельно – со звучанием, в свою очередь, удваивает усилия, прилагаемые мозгом человека в процессе чтения, что влияет и на творческие способности. Таким образом, можно утверждать, что обучение китайскому языку открывает значительные возможности для развития креативности личности. Запоминание иероглифов повлияет на развитие зрительной памяти и воображения, аудирование мелодичного тонового языка – на музыкальные способности ребенка. Решающее значение для развития креативности учащихся имеет особенность двуполушарной активности. Развитие творческого потенциала и креативности является важной задачей современного

Таблица 4

Влияние образовательных параметров на показатели креативности

Table 4

Impact of Educational Parameters on Creativity Indicators

Группа	Гибкость (Versatility)	Оригинальность (Originality)	Разработанность (Elaboration)
Студия иностранных языков (китайский язык)	0,41	0,42	0,62
Театральное искусство	0,48	0,34	0,51
Хореографическое искусство	0,39	Не обнаружены	0,31*

Примечание: коэффициенты корреляции r -Спирмена, $p < 0,05$; * $p > 0,05$; число степеней свободы (f) составляет 33; критическое значение критерия Спирмена при данном числе степеней свободы – 0,335.

образовательного процесса, а тема развития креативности средствами китайского языка является весьма актуальным направлением для дальнейшего и более детального изучения. Кроме того, в условиях дополнительного образования младшие школьники обучаются в соответствии с собственными интересами и желаниями и имеют возможность наблюдать модели креативного поведения педагогов.

Обнаружено, что результаты диагностики по четырехфакторному опроснику (Е. Е. Туник [2002]) средних показателей личностной креативности младших школьников, занимающихся в студии иностранных языков и изучающих китайский язык, по факторам «Любознательность», «Воображение», «Сложность», «Суммарный балл», за исключением показателей «Склонность к риску», существенно отличаются от данных, которые были выявлены у детей младшего школьного возраста, изучающих театральное и хореографическое искусство (различия статистически значимы, t -критерий Стьюдента) (табл. 3). Значимых различий в отношении показателей «Склонность к риску» не выявлено. Результаты корреляционного исследования, представленные в табл. 4, свидетельствуют о влиянии изучения китайского языка на показатели креативности.

Выводы

Полученные данные показывают наличие связи между условиями образовательной среды и показателями креативности младших школьников, изучающих китайский язык. Результаты указывают на статистически значимую зависимость разработанности и оригинальности выполненных детьми заданий (тест П. Торренса) от их занятий в студии иностранных языков (китайский язык). Изучение китайского языка оказывает повышенное воздействие на способность к выдвижению новых идей, отличающихся от стандартных, а также способствует конструктивной и изобретательской деятельности человека. Театральное искусство оказывает влияние на гибкость мышления детей, их способность переходить от одной стратегии к другой и выдвигать разнообразные идеи. Полученные данные по показателям креативности позволяют сделать следующие выводы.

Исследование влияния образовательной среды на развитие креативности младшего школьника показало, что несомненный интерес представляет развивающая функция института дополнительного образования, в частности изучение китайского языка младшими школьниками. Результаты исследования показывают, что изучение китайского языка воздей-

ствует на интонационное различие семантики в речи, формирование многозначного контекста, что способствует развитию восприимчивости к новому еще в младшем школьном возрасте. Вместе с тем хореографическое и театральное искусство не оказывают заметного влияния на развитие креативности *младших школьников*. Изучение в младшем школьном возрасте китайского языка приводит к формированию новой стратегии переработки информации при освоении идеографического письма. Все это, безусловно, способствует успешному и продуктивному взаимному общению людей и народов.

Достаточно высокие показатели креативности – развитие способности создавать большое количество осмысленных идей, гибкость мышления, способность давать уникальные ответы, высокая восприимчивость к новым идеям, более высокий уровень выраженности творческих возможностей современного педагога и младших школьников – отражают мировую тенденцию усиления интереса к сфере инновационности, поскольку интеллект и креативность определяют конкурентоспособность нации и экономические достижения государства.

Список литературы / References

- Амельченков В. В.** Мир власти и власть языка (философские проблемы креативности языка) // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 4 (20). С. 187–195.
Amelchenkov, V. V. The world of power and the power of language (the philosophical problems of the language creativity). *Ethnosociety and international culture*, 2009, no. 4 (20), p. 187–195. (in Russ.)
- Богоявленская Д. Б.** Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 320 с.
Bogoyavlenskaya, D. B. Psychology of creativity. Moscow, Academy, 2002. (in Russ.)
- Дружинин В. Н.** Психология общих способностей. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 368 с.
Druzhinin, V. N. Psychology of general abilities. St. Petersburg, Peter, 2008, 368 p. (in Russ.)
- Когнитивная психология: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.
Druzhinin, V. N., Ushakov, D. V. (eds.). Cognitive psychology. Textbook for Universities. Moscow, PER SE, 2002. (in Russ.)
- Пиаже Ж.** Развитие мышления в детском возрасте. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 164 с.
Piaget, J. The development of children thinking. Moscow, Psychology Press, 1994, 164 p. (in Russ.)
- Пономарев Я. А.** Психология творчества М.: Наука, 1976. 303 с.
Ponomarev, Ya. A. Psychology of creativity. Moscow, Nauka, 1976, 303 p. (in Russ.)
- Психология одаренности. От теории к практике / Под ред. Д. В. Ушакова М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
Ushakov, D. V. (ed.). Psychology of giftedness. From Theory to Practice. Moscow, PER SE, 2000. (in Russ.)
- Рензулли Д.** Модель обогащающего школьного обучения // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 214–243.
Renzulli, J. Model enriching school. In: Bogoyavlenskaya, D. B. (ed.). Basic modern concepts of creativity and giftedness, Moscow, Young Guard, 1997, p. 214–243. (in Russ.)
- Рожкова С. А.** Развитие творческой активности детей младшего школьного возраста средствами китайского языка // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 52–59.

- Rozhkova, S. A.** Development of primary school age children creative activity means Chinese. *Scientific Review. Series 2: Humanities*, 2015, no. 4, p. 52–59. (in Russ.)
- Стернберг, Р.** Практический интеллект. *Practical Intelligence in Everyday Life*. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
- Sternberg, R. J.** *Practical Intelligence in Everyday Life*. St. Peteraburg, Peter, 2002. (in Russ.)
- Тихомирова Т. Н., Богомолова М. В.** Влияние обогащенной образовательной среды на интеллектуальное и креативное развитие детей старшего дошкольного возраста // *Психология*. 2007. № 3. С. 149–157.
- Tikhomirova, T. N., Bogomolova, M. V.** Effect of the enriched educational environment on the intellectual and creative development of children of preschool age. *Psychology*, 2007, no. 3, p. 149–157. (in Russ.)
- Туник Е. Е.** Диагностика личностной креативности // Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. С. 42–45.
- Tunik, E. E.** Diagnostics of personal creativity In: Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., Manuilov, G. M. *Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups*. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002, p. 42–45. (in Russ.)
- Ушаков Д. В.** Интеллект: структурно динамическая теория. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2003. 264 с.
- Ushakov, D. V.** *Intelligence: structural dynamic theory*. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2003. (in Russ.)
- Хазратова Н. В.** Формирование креативности под влиянием микросреды: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во ИП РАН, 1994.
- Khazratova, N. V.** Formation of creativity under the influence of the microenvironment. Author. diss. ... cand. psychol. sciences. Moscow, Publishing House of IP RAS, 1994. (in Russ.)
- Эрдынеева К. Г., Батоцыренов В. Б.** Факторы и механизмы развития креативности российских и китайских студентов: кросскультурное исследование // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 6 (37). С. 320–323.
- Erdynееva, K. G., Batotsyrenov, V. B.** Factors and mechanisms of Russian and Chinese student's creativity development: a cross-cultural study. *The world of science, culture and education*, 2012, no. 6 (37), p. 320–323. (in Russ.)
- Эрдынеева К. Г., Попова Р. Э.** Функциональная асимметрия мозга как условие адаптации студента к учебной деятельности // *Успехи современного естествознания*. 2009. № 1. С. 64–66.
- Erdynееva, K. G., Popova, R. E.** Functional brain asymmetry as a condition of the student's adaptation to educational activity. *Successes of modern science*, 2009, no. 1, p. 64–66. (in Russ.)
- Яголковский С. Р.** Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. 272 с.
- Yagolkovsky, S. R.** *Psychology innovation: approaches, models, processes*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. (in Russ.)
- Erdynееva, K. G., Popova, N. N.** Cross-cultural research of creativity. In: *Applied and Fundamental Studies Proceedings of the first International Academic Conference*. Publishing House "Science and Innovation Center", International Journal of Advanced Studies, 2012, p. 251–257.
- Feldhusen, J. F.** Giftedness, talent, expertise, and creative achievement. In: Sternberg, R. J., Davidson, J. E. (eds.). *Conceptions of giftedness*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, p. 64–79.

- Guilford, J. P.** Creative talents: Their nature, uses and development. Buffalo, NY, Bearly Ltd, 1986.
- Vasilyeva, K., Ochirov, O.** The Mentality as the Image of the Cognitive Properties of the Another. In: Proceeding of the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2017). Atlantis Press, 2017. DOI 10.2991/iccessh-17.2017.9
- Mayer, R.** Fifty Years of Creativity Research. In: Sternberg R. J. (ed.). Handbook of Creativity. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 449–462.
- Plucker, J. A., Renzulli, J. S.** Psychometric approaches to the study of human creativity. In: Sternberg R. J. (ed.). Handbook of Creativity. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 33–64.
- Smedslund, J.** Meanings, implications, and universals: towards a psychology of man. *Scandinavian J. of Psychology*, 1969, vol. 10, no. 1, p. 1–15.
- Sternberg, R. J., Lubart, T. I.** The concept of creativity: Prospects and paradigms. In: Sternberg R. J. (ed.). Handbook of Creativity. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, p. 3–28.
- Storfer, M. D.** Intelligence and giftedness: The contributions of heredity and early environment. San Francisco; Oxford, Jossy-Bass Publ., 1990.
- Torrance, E. P.** Guiding creative talent. Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hal, 1962, 120 p.
- Torrance, E. P.** Prediction of adult creative achievement among high school seniors. *Gifted Child Quarterly*, 1969, no. 13, p. 223–229.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
29.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Васильева Клавдия Кирилловна, академик РАЕН, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России (ул. Нарвская, 15А., стр. 1, Москва, 125130, Россия)

Klavdiya K. Vasilyeva, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, lead researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service (15A, build. 1, Narvskaya Str., Moscow, 125130, Russian Federation)

klavdiya5@yandex.ru

ORCID 0000-002-2808-9575

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (ул. Алек-Заводская, 30, Чита, 672010, Россия)

Klavdiya G. Erdyneeva, Doctor of Sci. (Education), Professor, Head of the Department of Education at Zabaikalski State University (30, Alek-Zavodskaya Str., Chita, 672010, Russian Federation)

eridan58@mail.ru

Наименования дней недели в языковом сознании русских и китайских студентов

М. А. Башанова, Юй Чжан, А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Представлен сопоставительный анализ сферы языкового сознания русских и китайских студентов, которая объединяется вокруг наименований дней недели. Языковое сознание определяется как понятие, фиксирующее зависимость между изменениями значений и личностных смыслов слов, с одной стороны, и внешними (социальными) и внутренними (психическими) факторами функционирования языка, с другой. В эксперименте приняло участие 104 русских и 100 китайских студентов разных курсов. Для анализа материала применялся авторский метод семантико-тематической группировки реакций с их последующим многофакторным анализом. Показательно увеличение числа реакций группы «досуг» начиная с пятницы, но при этом не исчезают и реакции группы «учеба / работа». Каждый день недели – это не просто строго будний или строго выходной день, он наполнен разнообразной деятельностью, сохраняющей свою значимость для индивида. В основных своих характеристиках языковое сознание русских и китайских студентов не отличается, а культурная специфика проявляется в незначительной степени. Фрагмент обыденного сознания, объединенный наименованиями дней недели, имеет не столько социально-культурную специфику, сколько эмоционально-личностную. За наименованиями дней недели стоит эмоционально переживаемый личный опыт студентов, обобщенное представление о деятельности, обычно совершаемой в течение того или иного дня недели. Важно, что ни один день не похож на другой, и соответствующие представления не могут быть сведены к общему знаменателю. Такого понятия, как «день недели вообще» в языковом сознании студента не существует.

Ключевые слова

языковое сознание, русские студенты, китайские студенты, значение, личностный смысл, психолингвистика

Для цитирования

Башанова М. А., Юй Чжан, Яковлев А. А. Наименования дней недели в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 102–114. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-102-114

Names of the Days of the Week in the Language Consciousness of Russian and Chinese Students

Maria A. Bashanova, Yu Zhang, Andrey A. Yakovlev

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses a comparative analysis of the area of language consciousness of Russian and Chinese students related to the names of the days of the week. Language consciousness is defined as a concept establishing a relationship between word meanings and its individual senses, on the one hand, and external (social) and internal (mental) factors of language functioning, on the other hand. In Vygotskian psychology it is not only meaning, but also an individual sense that make up the sign content. Every sign has two aspects – a social and an individual ones. Every sign is an instrument of both interaction with the world and its emotional experiencing (*переживание, perezhivanie*). The exper-

iment conducted involved 104 Russian and 100 Chinese students. The analysis of the material was based on the authors' method of semantic- and thematic grouping of associations with their subsequent analysis. The study showed an increase in the reactions of the "leisure" group, starting on Friday. At the same time the reactions of the "study / work" group do not disappear, so apparently, every day is not just a weekday or a day off, it is filled with various activities that retain their personal significance. The representation of the day of the week reflects a part of a person's life with its activities, experiences, relationships, etc. The name of the day of the week in the student's language consciousness is meaningful and emotionally coloured, not just time related. Russian and Chinese students showed little difference in their language consciousness, cultural specificity being manifested to a small extent only. The names of the days of the week accumulate a student's emotionally relevant personal experience, i.e. a general idea of the activities usually performed during a particular day of the week. It is important that all the days of the week are different and the corresponding representations cannot be reduced to some common content. There is no such thing as a "day of the week in general" in the student's language consciousness.

Keywords

language consciousness, Russian students, Chinese students, meaning, individual sense, psycholinguistics

For citation

Bashanova, Maria A., Yu Zhang, Yakovlev, Andrey A. Names of the Days of the Week in the Language Consciousness of Russian and Chinese Undergraduate Students. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 102–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-102-114

Вводные замечания

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, как и какие социально-культурные и личностные факторы влияют на те языковые явления, которые охватываются понятием «языковое сознание», применительно к русским и китайским студентам. Мы намеренно говорим об одновременном влиянии разнородных факторов, поскольку данные психолингвистического эксперимента, как будет показано далее, выявляют именно взаимодействие социального и личностного. Однако для того чтобы зафиксировать и изучить влияние этих двух факторов как закономерное, а не как случайное, необходимо понимать его отражение в понятии «языковое сознание» и методах познания соответствующего эмпирического материала.

Сначала установим содержание ключевого для нас понятия и дадим ему определение, соответствующее нашему материалу, цели и методу, затем вкратце изложим метод анализа материала, после чего представим собственно его анализ и следующие из него выводы и обобщения.

Определение и содержание понятия «языковое сознание»

Множество авторов трактуют языковое сознание (далее – ЯС) как индивидуальное явление, как часть индивидуального сознания человека [Баландина, 2013. С. 8; Киселева, 2009. С. 32–34; Штехман, 2007. С. 33; Шишканов, 2002. С. 18–19; Данилова, 2001. С. 13]. ЯС, как правило, понимается не как понятие теории, отражающее некоторые факты языка и сознания, а как сами эти факты. В этой трактовке ЯС между явлениями индивидуального сознания и их обобщенным отражением в теоретическом понятии ставится знак равенства.

Такая точка зрения полностью соответствует одному из наиболее часто цитируемых определений ЯС: «Языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А. Н. Леонтьеву, – это знания, формируемые личностью в процессе восприятия объектов реального мира, а вторичные образы – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [Уфимцева, Тарасов, 2009. С. 20]; ср. также: [Уфимцева, 2011. С. 206].

Положительный момент этой трактовки ЯС состоит в том, что она позволяет выявить то общее, что есть в различных формах проявления ЯС. Отрицательный момент состоит в том, что она не позволяет выявить составляющие ЯС единицы и их связи, а также лишь *указывает* на предметную область, но не выявляет *закономерности* ее изменения именно в силу от-

сутствия в определении этих внешних и внутренних связей. Кроме того, чрезвычайно трудно (если вообще возможно) отделить знания, ассоциированные с языковыми знаками, от «остальных» знаний. Во всяком случае работы, содержащие методику такого разделения, нам неизвестны.

Та же трактовка ЯС как сугубо индивидуального явления заложена в другом распространенном и часто цитируемом определении: «...*Языковое сознание* – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и – добавим, что очень важно – *хранение языка в сознании*. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания» [Попова, Стернин, 2007. С. 45–46].

Аналогичной логике рассуждения следует Е. В. Дзюба, определяющая ЯС как один из видов познавательной деятельности, при которой язык становится, с одной стороны, средством вербализации знания, а с другой – инструментом и механизмом познания вообще [Дзюба, 2015. С. 13]. Вслед за И. А. Стерниным автор указывает, что ЯС является свойством мозга, а не деятельностью [Там же]. В конечном счете автор приходит к точке зрения, близкой З. Д. Поповой и И. А. Стернину: «...Под *когнитивным сознанием* понимается система знаний и представлений человека о мире, сформированная в результате не только вербального, но также авербального типов мышления; *языковое сознание* трактуется как такая область лингвоментального мира человека, которая объективирует в виде вербальных единиц когнитивное сознание» [Там же. С. 38–39]. ЯС все так же оказывается частью индивидуального сознания, которая объективирует его вербальную «составляющую».

Во многих других работах ЯС трактуется противоречиво – то как индивидуальное, то как коллективное явление [Гудков, 1999. С. 46–49; Раевская, 2007. С. 44], некоторые авторы не приводят четкого определения ЯС, хотя оно фигурирует в качестве основного понятия [Григорьев, 2005; Лучик, 2006; Сафонова, 2004].

При этом примечательно, что те же авторы связывают ЯС с ментальностью народа (лингвокультуры и т. п.) или какой-то социальной группы. Таким образом, оказывается, что ЯС – это такое нечто, что, оставаясь частью индивидуального сознания, является, тем не менее, инвариантным или во всяком случае схожим у представителей одной социальной группы.

Кроме всего прочего, в ЯС отражаются различные культурные и социальные явления, из чего следует, что ЯС – это отражение в *индивидуальном* сознании *внешних* по отношению к нему предметов, проявляющееся в языке и до определенной степени одинаковое у представителей некоторой группы. Такое объединение разнородных явлений в одном понятии представляет собой, на наш взгляд, попытку связать два аспекта языка (индивидуальный и социальный) и проследить связь между динамикой языковых явлений, рассматриваемых с групповых позиций и с позиций индивидуально-личностных.

Мы намеренно говорим здесь о группе носителей языка, а не о нации, этносе или лингвокультуре. Особенности языка как явления общественного, по нашему мнению, есть наиболее общий случай языка как явления группового, когда границы группы определяются масштабами лингвокультуры в целом, а не профессией, социальным положением и т. п. Лингвокультура есть, таким образом, предел абстрагирования от каких-либо других характеристик группы, кроме языка, которым в той или иной степени владеют входящие в нее индивиды.

Сказанное позволяет охарактеризовать ЯС как такое понятие, которое описывает общие черты ментальных лексиконов группы людей в их зависимости от внешних условий (профессия, возраст, социальное положение и т. д.), а также отражение в них отношения этих людей (упорядоченного, т. е. регулярно проявляющегося, или не упорядоченного) к условиям или явлениям действительности.

ЯС не находится целиком где-то «внутри» индивидуального сознания или целиком где-то «рядом» с ним, оно есть обобщенно представленное отражение внешнего (явления действительности) во внутреннем (индивидуальный язык, ментальный лексикон). Но ЯС не находит-

ся ни где-то в языковом материале, в текстах, ни в теории (являясь чистым научным конструктом), ни «рядом» с ними. ЯС выступает своего рода производной от внешних (групповых, социальных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов, влияющих на значения и личностные смыслы слов, притом что между внутренними и внешними факторами имеет место постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

В ЯС как теоретическом понятии фиксируется определенная закономерная связь между внутренними и внешними факторами, влияющими на язык. Эта связь (зависимость) состоит в том, что для существенного, т. е. проявляющегося в виде явной тенденции, изменения значения и личностного смысла слова необходимо устойчивое, а не случайное изменение отношения людей к явлению, обозначаемому словом. Сказанное приводит нас к следующему определению: **языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов.** Таким образом, ЯС фиксирует в обобщенном виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т. е. учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов.

В понятии ЯС воссоздается в обобщенном виде закономерная связь между языковыми явлениями, с одной стороны, и явлениями эмоционально-личностного и социально-культурного порядка, с другой. Следовательно, ЯС – это понятие теории, научный конструкт, а не объективно существующий конкретный предмет познания. В понятии ЯС психолингвистическими методами в обобщенном виде воссоздаются закономерности влияния эмоционально-личностного переживания социально-культурных явлений на явления языка как достояние человека. ЯС носит вероятностный характер, что позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений.

Методология исследования

Поскольку ЯС обобщает явления в индивидуальных сознаниях группы людей, а сознание человека не может быть схвачено как таковое, а только по результатам его активности, то к ЯС применимы только экспериментальные методы. Проблема метода такого исследования состоит из двух аспектов.

Во-первых, сознание является *активной и пристрастной* формой отражения мира человеком, а язык является одной из форм существования его сознания. Поэтому носителя языка необходимо поставить в такие условия (например, дать ему соответствующее задание), в которых он вынужден использовать то или иное слово. Результаты такого использования слова в заданных условиях будут основой для выводов о характеристиках слова. Но сам акт активности сознания переводит его в новое состояние, которое в данный момент неизвестно, не познано (известно то состояние сознания, которое было до акта активности и которое привело к наблюдаемому результату). Это новое состояние сознания тоже требует определенной активности со стороны субъекта, в результате чего сознание вновь окажется в новом состоянии, о характере и направлении «движения» которого можно будет узнать только по результатам его активности, и так до бесконечности.

Во-вторых, индивидуальное сознание целостно и уникально; оно реализуется всякий раз в действии (в частности, речевом), а процесс и результат наблюдения за множеством индивидуальных сознаний интерпретируется и обобщается ученым с позиций теории как характеристика самого объекта наблюдения и познания. Однако же способы и средства наблюдения входят в итоговый результат познания в качестве особенностей знания о самом объекте, а не в качестве средств его познания как таковых. Характер способов познания кристаллизуется, фиксируется в характере знания об объекте, в специфике приписываемых объекту свойств. Поэтому те свойства, которые теорией трактуются как относящиеся к ЯС, вовсе не

обязательно присущи во всей полноте сознанию каждого носителя данного языка, они суть «издержки» познания и обобщения его результатов.

Характеристики способа наблюдения интерпретируются в итоге как свойства самого наблюдаемого объекта. Наблюдаемая в эксперименте активность различных индивидуальных сознаний устраняется посредством теоретической интерпретации и обобщения от индивидуальных, проходящих, незначимых свойств в пользу наиболее значимых и ценных для целей исследования. Последние как раз и фиксируются в понятии ЯС, давая обобщенное представление о значении слова как достояния человека и позволяя делать выводы о месте и роли данного слова в целом в ЯС «среднестатистического» представителя некоторой лингвокультуры или социальной группы вне строгой зависимости от конкретной ситуации использования данного слова, но с сохранением наиболее значимых его свойств.

Оба этих обстоятельства приводят к выводу о необходимости изучать ЯС путем обращения к индивидуальным сознаниям группы людей, которые условиями эксперимента проявляют свою активность. И уже по результатам этой активности и с учетом внешних условий делаются выводы о характеристиках их сознаний и ментальных лексиконов, в частности.

Необходимость работать с группой людей создает ситуацию, когда о характеристиках ЯС можно говорить только в понятиях *относительных* и *вероятностных*. Нельзя сделать однозначного вывода о характеристиках некоторого слова в ментальных лексиконах группы людей, можно лишь сделать вывод, что во всей совокупности выявленных его характеристик имеются такие-то тенденции, которые более или менее вероятны при таких-то условиях, но никогда сумма их вероятностей не равна 100 %. К тому же невозможно однозначно судить об эмоциональном отношении конкретного человека к обозначаемому данным словом предмету или явлению. Можно лишь сказать о большей или меньшей (но никогда не абсолютной) вероятности такого его отношения в условиях, схожих с данными.

Таким образом, в ЯС как теоретическом понятии отражаются не непосредственные характеристики индивидуальных сознаний, а теоретические модели зависимостей этих характеристик от разных факторов, которые (характеристики) выражаются в слове.

Сформулированные методологические особенности изучения тех явлений, которые фиксируются в понятии ЯС, проявляются в свободном ассоциативном эксперименте и позволяют сконцентрироваться на систематических наблюдениях, а не на случайных: специально подбирая слова-стимулы и задействованных людей, можно «вынуждать» их ментальные лексиконы проявлять интересующие исследователя свойства и признаки и изучать их характер.

С учетом всех названных особенностей изучения ЯС нами была проведена серия экспериментов, в которых приняли участие русские и китайские студенты – 104 и 100 человек соответственно. На момент проведения экспериментов все испытуемые (далее – Ии.) были студентами разных университетов Красноярск и Шанхай, в основном языковых специальностей. Им были предъявлены в письменном виде 55 слов-стимулов, среди которых вразброс были даны интересующие нас слова – наименования дней недели (и, соответственно, их китайские эквиваленты: 周一, 周二, 周三, 周四, 周五, 周六, 周日).

По заданию эксперимента Ии. могли дать до трех реакций на каждый стимул. Может появиться возражение, что такая процедура вносит нежелательное влияние на результаты ассоциативного эксперимента (каждая следующая реакция дается не на стимул, а на предыдущую реакцию). Однако специальное исследование этой проблемы показало, что возникающие при такой процедуре флуктуации получаемых ассоциаций остаются в пределах 1–2 %, носят случайный характер и не искажают имеющихся в ментальном лексиконе связей (см.: [Яковлев, 2018]).

Основываясь на методе распределения реакций по типу связи между реакцией и стимулом [Залевская, 2011. С. 140–141], для анализа полученных данных мы применяли метод, который может быть назван методом семантико-тематической группировки реакций. В его основе лежит одновременный учет и связей между стимулом и реакцией, и связей между разными реакциями. Это позволяет сконцентрироваться на личностном смысле, реализующемся в ре-

акциях, и на его «удельном весе» во всей совокупности полученных реакций (ассоциативном поле).

Реакции на каждый стимул объединялись по признаку их потенциальной принадлежности к одной теме или высказыванию, сфере употребления, классу обозначаемых предметов и т. д. Для выявления эмоционально-личностного компонента в ЯС студента реакции группировались также не по какому-то формульному или произвольно выбранному признаку, а по признаку выражения в них личностного отношения Ии. к обозначаемым словами-стимулами явлениям. Затем полученные группы реакций сравнивались для выявления общей тенденции. Здесь важно не просто количество, например, эмоционально-окрашенных реакций, а их *отношение* к количеству всех остальных реакций. В нашем случае происходит не сопоставление групп реакций, полученных от одной группы Ии., а сопоставление одинаковых групп реакций, полученных от разных групп Ии.

Анализ результатов

Всего от русских Ии. было получено 1 089 реакций, которые были разделены на семантико-тематические группы. Необходимо прояснить те критерии, по которым разграничивались группы реакций. Группы «синонимия» и «другие дни недели» отличаются тем, что в первую группу входят реакции типа (реакции указаны без индексов) ПОНЕДЕЛЬНИК – *первый; будний день; начало рабочей недели*; а во вторую – реакции типа ВТОРНИК – *среда; четверг; суббота*. В группу «деятельность», как следует из ее названия, вошли реакции, связанные с некоторой активностью субъекта, например: ЧЕТВЕРГ – *физкультура; сон; военка; хип-хоп; бассейн* и др. Группа «часть дня» – это реакции типа ВТОРНИК – *рано; утро* и др. Группа «часть – целое» выражает связь реакции с более широким по семантике словом, например: ПЯТНИЦА – *неделя; семь* и др. Тонко, но важно различие между группами реакций «оценка» и «характеристика». Первая включает в себя реакции, выражающие эмоцию или состояние самого субъекта (ПОНЕДЕЛЬНИК – *тяжесть; ненависть; грусть* и др.), а вторая – реакции, выражающие «свойство» самого дня недели (ПОНЕДЕЛЬНИК – *день тяжелый; долгий; легкий день* и др.). Не все реакции подходят под выделенные группы, и исключения вошли в группу «прочие»; это, например, реакции, у которых связь со стимулом не может быть непротиворечиво восстановлена (СУББОТА – *браслет; поезд; шифоньер* и др.).

Обобщенно эти группы реакций представлены в табл. 1.

Уже первый взгляд на таблицу обнаруживает непохожесть дней недели друг на друга (за исключением, пожалуй, понедельника и вторника) и стремительное увеличение реакций группы «досуг», начиная с пятницы. Это, разумеется, вполне объяснимо, но при этом не исчезают и реакции группы «учеба / работа», т. е. каждый день, по-видимому, – это не просто строго будний или строго выходной день, он наполнен *разнообразной* деятельностью, сохраняющей свою значимость для индивида. Можно сделать предварительный вывод: образ ЯС, стоящий за наименованием дня недели, отражает часть жизни человека с ее занятиями, переживаниями, отношениями и т. д., так сказать, сгусток его разнообразных видов деятельности.

Важно также, что отнесенность к жизни человека проявляется не только в реакциях группы «деятельность», но и в других, например, ЧЕТВЕРГ – *до 17:30* (группа «часть дня»); *тупее субботы*; ВТОРНИК – *никуда не пойду* (группа «оценка»). Эта отнесенность к собственной жизни, как мы полагаем, отражает личностный смысл. Наименование дня недели в ЯС студента имеет не столько временную отнесенность, сколько отнесенность пространственную и эмоциональную – речь идет о пространстве жизни человека.

В отношении наполненности дня недели какими-то событиями и действиями наиболее «пустым» является среда; впрочем, при учете числа нулевых реакций сюда можно добавить и четверг.

Таблица 1

Количество реакций русских студентов на стимулы – дни недели

Table 1

Russian Students' Reactions to the Days of the Week Stimuli

Группа	День недели							Итого реакций
	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье	
Синонимия Синониму	5	9	4	3	0	1	0	22
Другие дни недели Other days of the week	12	18	27	14	14	3	8	96
Деятельность Activity	33	32	18	20	11	10	16	140
Учеба / работа Classes / Work								
Досуг Leisure	6	12	2	11	49	78	69	227
День недели – часть дня Part of the day	5	2	0	4	1	2	4	18
Частное – общее Part – whole	26	21	56	18	37	33	29	220
Оценка Evaluation	21	11	4	11	16	17	16	96
Характеристика Characteristic	28	15	5	12	5	5	7	77
Прочее Other	9	12	45	23	25	12	19	145
Отказы Zero reaction	3	16	4	21	6	8	5	63

Интересно, что во многих реакциях отражается содержание дня, действия субъекта в этот день. При этом немало и реакций, которые связывают данное слово с другими элементами ментального лексикона безотносительно к действиям самого человека. Можно сказать, что в этих реакциях проявляются чисто языковые связи данного слова – его связи с другими словами, а не с образами памяти, эмоциями и т. п. Подобных чисто языковых реакций немало в группе «частное – общее», например: ПОНЕДЕЛЬНИК – *начало* (13); *день* (3); *неделя*; *время*; *новый день*; *начало рабочей недели*; СРЕДА (дано много таких реакций): *день недели* (16), *середина* (13), *неделя* (10), *день* (9), *выходной* (5), *середина недели*; СУББОТА – *выходной* (19); *день* (5); *неделя* (3); *выходные* (2); *семь*; *день недели* и др.

В значениях наименований дней недели проявляются и социальные факторы. В группе «прочее» наблюдаются реакции, связанные с теми или иным социально-культурными явлениями, например: ЧЕТВЕРГ – *рыба* (3); ПЯТНИЦА – *ранний развод*; *развод*; ВОСКРЕСЕНЬЕ – *Толстой*; *Христос*; *православие* и др. В этих реакциях хорошо видно, как внешнее (социально-культурное) явление преломляется через внутреннее явление (личность), поскольку это внешнее не выражалось бы в реакциях, если бы не оценивалось Ии. как существенно важное для их жизни.

Реакции группы «оценка» различны. В основном это отрицательная оценка всех будней, кроме пятницы, положительная оценка пятницы и субботы и неоднозначная оценка воскресенья. Приведем несколько примеров: ПОНЕДЕЛЬНИК – *тяжело* (4); *лень* (2); *тяжесть* (2); *ненависть*; *грусть*; *не надо*; *ад*; *боль*; *фу*; *тяжело вставать с постели*; *трудно*; ЧЕТВЕРГ – *усталость* (3); *свобода*; *трудность*; *не люблю*; *тупее субботы*; *любимый день*; *так себе день*; ПЯТНИЦА – *радость* (2); *наконец-то* (2); *весело*; *беспокойство*; *приятно*; *спокойствие*; *унижение*; *слабость*; *ура*; *УРА отдых!*; СУББОТА – *счастье* (3); *веселье* (3); *радость* (2); *без заботы*; *настроение*; *хорошо*; *ура*; *жажда*; *ненависть*; *бессмысленно*; ВОСКРЕСЕНЬЕ – *лень* (2); *раздражение*; *я свободен*; *уныние*; *время осознания жизни*; *лучший*; *ужас*; *напряг*; *нелюбимый день*; *спокойствие*; *грусть*; *ура* и др. Отдельные реакции негативного характера на стимулы ПЯТНИЦА и СУББОТА связаны, по всей видимости, с большим количеством занятий в эти дни.

Точно такое же изменение наблюдается в группе реакций «характеристика». Проиллюстрируем ее примерами: ПОНЕДЕЛЬНИК – *день тяжелый* (16); *тяжелый день*; *трудный день*; *очень тяжелый*; *любимый день*; *долгий*; *нормально*; *не лучший день*; *время зомби*; *легкий день*; ЧЕТВЕРГ – *полный*; *пустота*; *серьезность*; *стабильность*; *обычный*; *такой же день недели, как и остальные*; *ничего особенного*; *удачный день*; *неплохо*; *скоро выходные*; ПЯТНИЦА – *долгожданная*; *снова, выходные близко*; *последний*; СУББОТА – *странный день*; *развратница*; *хороший день недели*; ВОСКРЕСЕНЬЕ – *плохо*; *уютное*; *не отдых*; *не выходной*; *плохой день недели*; *быстро*; *день тяжелый* и др. Видно, что воскресенье переживается не как выходной или свободный день, в большей степени как начало новой трудной недели.

Разумеется, наиболее интересная для нас группа реакций – это «деятельность». Уже из табл. 1 видно изменение соотношения реакций, означающих учебу или работу и досуг, начиная с пятницы. Реакции подгруппы «досуг»: ВТОРНИК – *отдых* (2); *сон* (2); *алкоголь*; *компания*; *скрипка*; *дом*; ПЯТНИЦА – *отдых* (15); *кино* (2); *клуб* (2); *вечеринка* (2); *свобода* (2); *отдыхать*; *вино*; *алкоголь*; *бухло*; *дискотека*; *веселье*; *сон*; *сооооон*; *бар*; СУББОТА – *отдых* (23); *уборка* (4); *спать* (3); *гулять* (3); *прогулка* (2); *дом* (2); *туса* (2); *банный день* (2); *друзья* (2); *вечер* (3); *дача*; *клуб*; *кинотеатр*; *тусня*, *спим*; *отдыхать* и др. Реакции подгруппы «учеба / работа»: ВТОРНИК – *учеба* (5); *работа* (3); *пары* (2); *начерталка* (2); *английский* (2); *много пар*; *немецкий*; *домашняя работа*; *математика*; *физкультура*; *лекции*; ПЯТНИЦА – *пропедевтика* (3); *работа* (2); *конец рабочей недели* (2); *конец учебы*; *пробки*; *учеба*; СУББОТА – *учеба* (2); *проект* (2); *работа*; *информатика*; *4 пары с утра* и др.

Обратим внимание, что, хотя многие реакции на разные стимулы повторяются, все же из них нельзя составить некое «типичное» содержание дня недели. Даже реакции этой группы

Таблица 2

Количество реакций китайских студентов на стимулы – дни недели

Table 2

Chinese Students' Reactions to the Days of the Week Stimuli

Группа	День недели							Итого реакций
	Понедельник 周一	Вторник 周二	Среда 周三	Четверг 周四	Пятница 周五	Суббота 周六	Воскресенье 周日	
Синонимия Synonymy	2	3	6	7	5	3	4	30
Другие дни недели Other days of the week	8	9	15	10	8	5	12	67
Деятельность Activity	32	43	48	30	11	7	7	178
Учеба / работа Classes / Work								
Досуг Leisure	4	2	8	8	18	32	39	111
День недели – часть дня Part of the day	0	0	0	0	0	0	0	0
Частное – общее Part – whole	6	0	8	3	39	21	9	86
Оценка Evaluation	23	17	13	11	13	8	10	95
Характеристика Characteristic	1	2	0	11	7	5	19	45
Прочее Other	21	13	5	14	7	11	11	82
Отказы Zero reaction	2	3	2	3	2	2	2	16

отражают индивидуальный и личностно-переживаемый опыт каждого испытуемого. Можно заключить, что в ЯС студента нет такого явления, как «день недели вообще», как нет и явления типа «первый день недели», «второй день недели» и т. д., поскольку каждый из них по-своему переживается через деятельность, регулярно осуществляемую в каждый из дней, и ее эмоционально-личностную оценку. Каждый образ сохраняет свою уникальность при общей тенденции отражать в себе различные виды деятельности человека в различном их эмоционально-личностном преломлении.

Обратим также внимание, что на стимул СРЕДА дано больше всего реакций – наименований других дней недели. Можно сделать предварительный вывод о том, что содержательно это слово и этот день недели наиболее пустые (это подтверждается малым количеством реакций группы «деятельность»).

Еще сильнее социальный аспект значений интересующих нас слов проявляется при сравнении реакций русских студентов с реакциями их китайских сверстников.

От китайских Ии. Всего получено 710 реакций. Критерии их распределения по группам были те же. Количественно реакции представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, общая количественная тенденция та же, что характерна для русских Ии., а именно увеличение числа реакций группы «досуг», начиная с пятницы. Интересно при этом, что наиболее частотная реакция русских Ии. здесь – это *учеба*, а у китайских Ии. – *上课* ‘ходить на занятия’. К тому же китайские студенты значительно реже русских приводят в качестве реакций наименования учебных дисциплин.

Реакций группы «частное – общее» значительно меньше, и эту особенность мы можем на данный момент только констатировать: возможно, она имеет связь с языком, это требует дальнейшей проверки.

Следует отметить, что многие реакции группы «характеристика» могут быть отнесены и в группу «оценка», но это связано с особенностями китайского языка, которые не позволяют однозначно их интерпретировать. Так, например, 周二 ‘ВТОРНИК’ – *难过* может быть раскрыт прилагательным ‘тяжелый’ и /или наречием ‘тяжело’; 周三 ‘СРЕДА’ – 心 ‘радостно’ и ‘радостный’ и т. д. Однако общие особенности таких реакций одинаковы как для русских, так и для китайских Ии.: как правило, это негативная оценка или характеристика для будней и позитивная для пятницы и выходных. Например: ВТОРНИК – *тяжело* (2), *усталость* (2), *беспокойство*, *плохой*, *плохой день недели*, *не люблю*, *скучно*, *ад*, *второй день мук*, *тяжелый*, *тяжелый день*, *далеко до выходных* и др.; СУББОТА – *счастье* (3), *веселье* (3), *радость* (2), *без заботы*, *хорошо*, *ура*, *рай*, *хороший день недели* и др.; 周二 ‘ВТОРНИК’ – 累 (5) ‘усталый’; 无聊 (2) ‘скучный, неинтересный’; *lost day* (англ.) ‘потерянный день’; 痛苦 ‘мучения’; 难 ‘трудный’; *难过* ‘тяжелый, расстроенный’ и др.; 周六 ‘СУББОТА’ – 心 (5) ‘радостный’; 耶 ‘ура’; 高兴 ‘радость’, 来正 ‘кайф пришел’, 真好 ‘особенно хороший’; 好 ‘хороший’; 完美 ‘идеальный’ и др.

Предварительный вывод по этой части эксперимента может быть следующим. В образах ЯС студента, стоящих за наименованиями дней недели, доминирующими компонентами являются деятельностный и эмоциональный, которые имеют различный «удельный вес» в зависимости от конкретного образа. Неделя условно делится на две части – рабочую и досуговую, каждой из которых соответствуют свои реакции, связанные с деятельностью студентов и их эмоционально-личностной оценкой этой деятельности. При этом данные не позволяют утверждать, что такая оценка, содержащаяся в значениях наименований дней недели и выявляемая ассоциативным экспериментом, существенным образом зависит от культуры респондентов.

Выводы

Напомним, что выше языковое сознание было определено как понятие, которое показывает зависимость между изменениями значений и личностных смыслов слов, с одной стороны,

и внешними (социальными) и внутренними (психическими) факторами функционирования языка, с другой.

Внешним фактором является совокупность видов деятельности, регулярно осуществляемой в тот или иной день недели. Внутренним фактором является эмоционально-личностное переживание этой деятельности самим субъектом.

Можно заключить, что объединение образов языкового сознания и соответствующих им слов является в определенной степени условностью, и как таковые эти категории в ментальном лексиконе не существуют (но они, заметим, существуют в сознании человека – как абстракции). Об этом говорит уникальность реакций на каждый стимул, несводимость их к общему «семантическому знаменателю».

Образы дней недели в языковом сознании студента осмысляются в основном через деятельность самого студента, через его активность в каждый из дней. С психолингвистических позиций наименования дней недели едва ли можно охарактеризовать как отрезки времени, равные 1/7 недели. Если учесть, что в основе психолингвистического понимания значения лежит постулат о его изменении, то можно заключить, что каждое слово в ментальном лексиконе изменяется по-своему, но общее направление схожих по значению слов едино.

Несмотря на уникальность значения каждого слова (а значит, соответствующего ему образа языкового сознания), проявляющегося в реакциях, совокупности слов, объединенных по некоторому семантическому признаку, имеют схожие свойства. Это сходство свойств связано прежде всего с тем, какой личностный смысл и с какой «интенсивностью» входит в соответствующие образы языкового сознания и индивидуальных сознаний некоторой группы носителей языка.

Более широкие выводы состоят в следующем. Наименования дней недели являются характерной частью повседневного сознания носителей русского и китайского языков. Вместе с тем, судя по результатам нашего исследования, обыденное сознание имеет не столько социально-культурную специфику, как это обычно подчеркивается, сколько эмоционально-личностную. Характер реакций показывает, что они не напрямую обусловлены этносом и культурой, а опосредованы той деятельностью, включая профессиональную, в которую регулярно вовлечен конкретный человек. По этой причине образы обыденного сознания китайских и русских студентов, выявленные на примере отношения к дням недели, отличаются друг от друга меньше, чем образы сознания русских студентов и русских же преподавателей, врачей, сантехников и т. д.

Список литературы / References

- Баландина Е. С.** Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Екатеринбург, 2013. 23 с.
- Balandina, E. S.** Dynamics of the family image in the language consciousness of representatives of different cultures. Thesis ... candidate of philology. Ekaterinburg, 2013, 23 p. (in Russ.)
- Григорьев А. А.** Репрезентация лексических категорий в языковом сознании: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 362 с.
- Grigoriev, A. A.** Representations of the lexical categories in the language consciousness. Thesis ... doctor of philology. Moscow, 2005, 362 p. (in Russ.)
- Гудков Д. Б.** Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1999. 400 с.
- Gudkov, D. B.** Precedent phenomena in the language consciousness and intercultural communication. Thesis ... doctor of philology. Moscow, 1999, 400 p. (in Russ.)
- Данилова Е. В.** Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2001. 204 с.

- Danilova, E. V.** Psycholinguistic analysis of the literal text perception in different cultures. Thesis ... candidate of philology. Moscow, 2001, 204 p. (in Russ.)
- Дзюба Е. В.** Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
- Dzyuba, E. V.** Linguocognitive categorization in Russian linguistic consciousness. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2015, 286 p. (in Russ.)
- Залевская А. А.** Значение слова через призму эксперимента: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
- Zalevskaya, A. A.** Word meaning through the prism of the psycholinguistic experiment. Tver, Tver State University Publ., 2011, 240 p. (in Russ.)
- Киселева М. П.** Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д, 2009. 166 с.
- Kiselyova, M. P.** Linguistic consciousness as the problem of the Russian cognitive studies. Thesis ... candidate of philology. Rostov on Don, 2009, 166 p. (in Russ.)
- Лучик М.** Функционально-семантическое поле интраперцептивности в русском языке на фоне польского языкового сознания: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2006. 269 с.
- Luchik, M.** Semantic-functional field of intraperspectivity in the Russian language on the background of the Polish language consciousness. Thesis ... doctor of philology. Moscow, 2006, 269 p. (in Russ.)
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A.** Cognitive linguistics. Moscow, AST: Vostok – Zapad, 2007, 314 p. (in Russ.)
- Раевская М. М.** Испанский язык XVI–XVII вв. и испанское языковое сознание: взаимосвязь и взаимодействие: Дис. ... д-ра филол. наук. 10.02.20. М., 2007. 484 с.
- Raevskaya, M. M.** The Spanish of the XVI–XVII c. and the Spanish language consciousness: interconnections and interaction. Thesis ... doctor of philology. Moscow, 2007, 484 p. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф.** Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18–25.
- Ufimtseva, N. V., Tarasov, E. F.** Problems of the language consciousness research. *Psycholinguistic Journal*, 2009, no. 10, p. 18–25. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В.** Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.
- Ufimtseva, N. V.** Language consciousness: dynamics and variations. Moscow: Institute of Linguistic RAS Publ., 2011, 252 p. (in Russ.)
- Шишканов И. В.** Специфика немецкого и русского языкового сознания: психолингвистический анализ тематической группы «Человек»: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2002. 216 с.
- Shishkanov, I. V.** German and Russian language consciousness specifics: psycholinguistic analysis of the thematic group “Human”. Thesis ... doctor of philology. Moscow, 2002, 216 p. (in Russ.)
- Штехман Е. А.** Особенности языкового сознания диалектоносителей в аспекте лингвистического моделирования основных составляющих: на материале русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Омск, 2007. 250 с.
- Shtekhman, E. A.** Specifics of the language consciousness of the dialect speakers in the perspectives of the linguistic modeling of the general components: on the material of the Russian

ancient dialects of the mid Irtysh river. Thesis ... candidate of philology. Omsk, 2007, 250 p. (in Russ.)

Сафонова Н. В. Ментальная и языковая репрезентация концепта благо / добро в русском языковом сознании: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Тамбов, 2004. 497 с.

Safonova, N. V. Mental and language representation of the concept "good" in the Russian linguistic consciousness. Thesis ... doctor of philology. Tambov, 2004, 497 p. (in Russ.)

Яковлев А. А. Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 16–25.

Yakovlev, A. A. On a procedural error in the free association experiment. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 16–25. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
16.02.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Башанова Мария Алексеевна, студентка Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Maria A. Bashanova, student at Siberian Federal University (82a Svobodniy Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

mashabashanova46@gmail.com

Чжан Юй, преподаватель кафедры восточных языков Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Yu Zhang, lecturer, Department of Asian Languages, Siberian Federal University (82a Svobodniy av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

yuzhang0829@foxmail.com

Яковлев Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Andrey A. Yakovlev, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Romanic Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (82a Svobodniy av., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

mr.kolobouque@rambler.ru

ORCID 0000-0003-1491-0577

Функции русского и тувинского языков в общении матери с ребенком в билингвальных семьях

А. В. Колмогорова¹, О. О. Чыпсымаа²

¹ *Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

² *Тувинский государственный университет
Кызыл, Россия*

Аннотация

Проблематика работы находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистики: когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, этнолингвистики, и обращена к рассмотрению специфики языкового сознания ребенка как носителя определенной культуры. Общение матери и ребенка – это сложный коммуникативно-когнитивный процесс, в результате которого происходит тонкая «культурная настройка» процесса восприятия и концептуализации мира ребенком. Статья посвящена прагмакоммуникативному анализу речевого общения в билингвальных семьях с целью определения функциональной значимости русского и тувинского языков в речи матери тувинки, обращенной к ребенку. В статье обосновывается актуальность проблемы, ее научная и практическая значимость, продиктованные системным подходом к осмыслению природы таких явлений, как язык, культура, этноязыковая идентификация, этноспецифика языкового сознания, что позволяет увидеть влияние билингвизма на процесс восприятия и концептуализации мира ребенком, осуществляющихся в общении с матерью. Материалом исследования послужил корпус видео- и аудиозаписей, сделанных в 2017–2018 гг. в тувинских семьях, проживающих в Республике Тыва. В проводимом исследовании объектом функционального анализа статусно-ролевых характеристик тувинского и русского языков в билингвальной семье стали следующие речевые ситуации, отражающие характерное тувинско-русское билингвальное речевое поведение в естественной коммуникации матери тувинки и ребенка: прагматическая ситуация обучения, прагматическая ситуация запрета, прагматическая ситуация побуждения к действию. Анализ видеоматериала и личных наблюдений практик речевого общения в билингвальных семьях, владеющих тувинским и русским языками, позволяет констатировать наличие специфической дистрибуции языков в различных ситуациях общения.

Ключевые слова

функционально-коммуникативный анализ, практика материнского общения, функции языка, билингвизм, концептуализация, прагматическая ситуация, языковое сознание

Для цитирования

Колмогорова А. В., Чыпсымаа О. О. Функции русского и тувинского языков в общении матери с ребенком в билингвальных семьях // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 115–123. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-115-123

Functions of the Russian and Tuvan Languages in Mother – Child Communication in Bilingual Families

Anastasia V. Kolmogorova¹, Oyumaa O. Chypsymaa²

¹ *Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

² *Tuva State University
Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

The research question of the paper is at the crossroads of the most important disciplinary areas of modern linguistics: cognitive linguistics, linguistic conceptology, and ethno-linguistics. The paper considers the specificity of the child's language consciousness as a carrier of a certain culture. Mother-child communication is a complex communicative-

cognitive process, as a result of which a subtle “cultural adjustment” of the process of perception and conceptualization of the world by a child takes place. The article is focused on the analysis of verbal communication in bilingual families on the pragma-communicative level. The purpose of the study is to identify significant functions of the two languages (Russian and Tuvan) in Tuvan mother’s communication with her child. A systematic, functional and semantic as well as a pragmatic approaches in the study will help us understand such phenomena as language, culture, and ethnolinguistic identification and will allow us to see the impact of bilingualism on the process of perception and conceptualization of the world by a child in communication with its mother. The research is based on traditional methods: observation of the language material, comparison, description with elements of componential and contextual analysis. The empirical material for the study includes video- and audio recording corpus made during 2017–2018 in Tuvan bilingual families living on the territory of the Republic of Tuva. The following speech situations which reflect the characteristic of the Tuvan-Russian bilingual speech behavior in natural communication between mother and child are analyzed: the pragmatic training situation, the pragmatic ban situation and others. Analysis of video materials and personal observations of speech communication practices in bilingual families who speak Tuvan and Russian languages allows us to state the presence of a specific distribution of languages in various communication situations.

Keywords

practice of maternal communication; functions of a language; bilingualism; conceptualization; pragmatic situation

For citation

Kolmogorova, Anastasia V., Chypsymaa, Oyumaa O. Functions of the Russian and Tuvan Languages in Mother – Child Communication in Bilingual Families. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 115–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-115-123

Введение

Общение матери и ребенка – это сложный коммуникативно-когнитивный процесс, в котором происходит «культурная настройка» процесса восприятия и концептуализации мира ребенком. Совокупность представлений об окружающей социальной, природной, культурной среде, разделяемая всеми членами лингвокультурного сообщества, превращается в достояние конкретного индивида – ребенка, будущего полноправного представителя данного коллектива. Чтобы подобная «конвертация» социального в индивидуальное могла произойти, необходим механизм так называемой «мягкой сборки» – опыт сведения воедино побуждений, выразительных средств, ожиданий и аффективных состояний, получаемый во взаимодействии с другими в рамках данной культуры: «пока другие ориентируют свои действия относительно нас, мы осуществляем тонкую настройку собственных действий с тем, чтобы получить компенсацию, в том числе эмоциональную» [Коули, 2009. С. 207].

Подобная «мягкая сборка» особенно важна и ясно просматривается в общении матери и ребенка: специфическое сцепление актов вербальной, невербальной, интенциональной и аффективной активности матери – практика материнского общения [Колмогорова, 2012] – позволяет сориентировать ребенка на принятые в сообществе модели поведения. Скажем, принятое в общении русских матерей со своими детьми использование различных форм «совместного агентива» («Сейчас мы погуляем, помоемся и спать»), «псевдоагентива» («Сейчас Катя чистую маечку наденет» – но мама сама одевает полуторагодовалого ребенка), «псевдосовместного агентива» («А куда мы смотрим?» – смотрит ребенок, но мать концептуализирует это как совместное действие) [Колмогорова, 2015] формирует в когнитивно-коммуникативном опыте ребенка модель поведения, которую можно эксплицировать следующим образом: «в отдельные моменты действия может совершать один человек, а другой заботится и помогает ему, и все думают и говорят так, как если бы это сделали вместе они оба, или второй из них». В рамках русской лингвокультуры данная модель поведения затем экстраполируется на широкий круг ситуаций взаимодействия – учитель / ученик, начальник / подчиненный, врач / пациент т. д. В какой-то степени речь идет об этнокультурных доминантах, которые представляют «устойчивые взаимодействующие мотивационные установки (иерархию мотивов и установок), доминирующие внутри определенного субэтнуса (этнической группы), формирующие потребности его членов и определяющие основные социокультурные параметры его самоорганизации, в итоге его функциональный статус в этнической системе» [Шапошникова, 2008. С. 89–90].

В таком контексте особый интерес вызывает вопрос о том, как подобная культурная настройка реализуется в билингвальных семьях, в которых дети не только усваивают два языка, но у них формируется устойчивое представление о том, с какими моделями социально релевантного поведения связан тот или иной язык. В билингвальном модусе в разной степени активизированы оба языка, что создает благоприятные условия для кодовых переключений [Мишинцева, 2010. С. 99], способности билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них [Чиршева, 2004. С. 48].

Методы и материалы

В процессе раннего усвоения двух языков дети-билингвы руководствуются познавательными потребностями без статусной дифференциации языков на родной и неродной [Выготский, 2004; Чиршева, 2014]. В то время как для родителей языки являются разностатусными, что проявляется в различной функциональной значимости языков. В этой связи в эволюции билингвального статуса можно выделить ряд периодов, каждый из которых характеризуется сменой модуса общения [Дебренн, 2015. С. 8]. Использование каждого из языков в конкретной языковой ситуации для матери имеет функциональную прагмакоммуникативную необходимость, т. е. выбор языка зависит от совокупности прагматических параметров в рамках одной коммуникативной интеракции ¹.

Целью настоящего исследования является определение и описание прагмафункциональной значимости русского и тувинского языков в билингвальном речевом общении матери тувинки со своим ребенком.

В качестве ведущего метода использовался метод функционально-коммуникативного анализа ситуаций общения. Функционально-коммуникативный анализ предполагает анализ «языка в действии», «в ситуации общения» ², т. е. анализ высказываний говорящих (коммуникативного акта) с учетом различных как интра-, так и экстралингвистических (возраста, пола, родственных отношений говорящих, прагматических целей и мотивов их коммуникации, успешности / неуспешности акта общения) факторов коммуникативной ситуации [Baxter, 2010].

Материалом исследования послужил корпус видеозаписей общения матерей с детьми в билингвальных семьях в условиях естественной коммуникации. Видео- и аудиофиксация практик материнского общения билингвов – носителей тувинского и русского языков, проводилась на территории Республики Тыва и либо производилась по просьбе исследователя, либо передавалась из семейного архива. В обоих случаях – после письменного согласия информантов на участие в исследовании. Объем корпуса в настоящее время – 93 минуты записи.

Анализ видеоматериала и личных наблюдений практик речевого общения в билингвальных семьях, владеющих тувинским и русским языками, свидетельствует о наличии функциональных особенностей речевого поведения родителей и детей в определенных прагматических ситуациях ³, при этом число ситуаций не ограничено. Мы рассмотрим коммуникативные

¹ Теоретические положения любой коммуникативной интеракции коррелируют с основными вопросами семантики и прагматики языкового общения [Чыпсымаа, 2017].

² Терминология предложена по Ю. С. Степанову [1975]. Подобная терминология встречается у Дж. Бэкстер: «language in use», «language in social context» [Baxter, 2010].

³ В любой коммуникативной ситуации вербальным и (или) невербальным способом реализуется определенная прагматическая цель (личная интенция говорящего). Таким образом, прагматическая ситуация шире и включает в себя коммуникативную ситуацию.

функции тувинского и русского языков в общении билингвов-тувинок со своими детьми в следующих прагматических ситуациях:

- прагматическая ситуация обучения;
- прагматическая ситуация запрета.

Выбор данных прагматических ситуаций обусловлен прежде всего параметральным признаком целевой группы респондентов (участников ситуации общения) «родитель – ребенок», что однозначно включает рекуррентные действия обучения и запрета. Кроме этого, несмотря на то, что действия обучения и запрета являются разными каналами получения опыта, именно благодаря данным действиям ребенок в первые годы жизни приобретает опыт познания мира, языкового в том числе.

Прагматическая ситуация обучения

Ситуация обучения предполагает овладение «какими-либо навыками, опытом, умением делать что-либо» (ССРЛЯ, 1956. С. 1163)⁴, т. е. направлена на развитие познавательной активности. Прагматическая ситуация обучения включает взаимодействие двух участников, при котором познавательные действия, являясь ключевыми, специально организованными, совершаются осознанно и целенаправленно [Выготский, 2004; Леонтьева, 2011].

Рассмотрим следующий пример:

(1) Мама 20 лет, близнецы 1 год и 11 месяцев, длительность записи 0:32, 2018 г.

Мама с детьми гуляет во дворе частного дома. В ходе прогулки учит счету: берет в руки по одному камушку и считает:

– Один, два. Меңээ санап бер че, Доржу (Давай посчитай мне, Доржу⁵). Два, три, четыре, пять, шесть. Ребенок под каждый счет добавляет по камушку в ладонь матери.

Анализируемая прагматическая ситуация речевого общения матери и ребенка представляет ситуацию обучения. Обращение побуждающего характера звучит в речи матери на тувинском языке (*Меңээ санап бер че, Доржу*). Однако, для обучения ребенка самому счету мама использует русский язык (*Один, два... Два, три, четыре, пять, шесть*). Очевидно, что тувинский язык в данной прагматической ситуации выполняет функцию поддержания эмоционального контакта, а русский – познавательную.

(2) Мама 32 года, сын 8 лет, длительность записи 1:53, 2018 г.

Мама помогает сыну выполнить домашнее задание по математике и задает наводящий вопрос:

– Кор даан бо, алдыга чедини казыырга? (Ну, подумай, к шести вычесть семь?)

Сын спрашивает недоуменно:

– Это как?

Мама пытается объяснить, не замечая при этом своей оговорки в речи:

– Шесть минус семь. Каш боор-дур (И сколько будет?)

Сын отвечает:

– Шесть минус семь будет один.

Пауза. Мальчик удивленно смотрит на маму, затем улыбается и переспрашивает:

– Что? (и тут же сам себе отвечает) А-а-а, нет. Блин, вот это боль! Это минус, а не плюс!

Мама повторяет:

– Минус. Ам каш боор-дур? (И сколько же теперь выходит?)

– Один.

Мама не верит и говорит:

– Мегелеве даан! (Ну, не ври же!)

Сын доказывает, выставив семь пальцев и загибая каждый демонстративно под счет:

– Нет смотри! Семь, да... минус шесть. Раз, два, три... Раз, два, три, четыре, пять, шесть. И чё? Кто тут из нас умнее, ы-ы, мама?

⁴ ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука; Изд-во АН СССР, 1948–1965.

⁵ Здесь и далее перевод О. О. Чыпсымаа.

- Ынчаарга бижи че (Тогда записывай).
Сын записывает в тетрадь и проговаривает:
– Написал один.
Мама продолжает:
– Оон? (А дальше?)
Сын переходит к решению другого примера и комментирует:
– А девять минус один будет восемь.
Мама поправляет его:
– Чеден, тос боор чуве диин маарта (Семь и девять нужно писать здесь).
Сын вопросительно и недоверчиво:
– Как? Скажи мне как?
Мама выдвигает встречное требование:
– Сен менээ чугаала даан! Кандыг? Как деп? (Это ты мне скажи! Как? Как же это?)
Сын всё равно не понимает математическое выражение, предложенное мамой, и снова задается вопросом:
– Как?
Мама продолжает:
– Каш боор-дур? (Сколько выходит?)
Сын дает ответ к своему полученному выражению:
– Будет восемьдесят один. Девять минус один будет восемь.
Мама переспрашивает:
– Ынча деп бодап тур сен бе? (Значит, ты так полагаешь?)

Данный фрагмент описывает речевое поведение матери и ребенка в прагматической ситуации обучения, в которой для выражения собственных речевых интенций коммуниканты-билингвы выбирают разные языки: мама – чаще тувинский язык, ребенок – только русский язык. Двуязычие в анализируемом фрагменте оказывает непосредственное влияние на речевое поведение коммуникантов, на их выбор языковых средств для выражения своих прагматических интенций. При этом общение на разных языках не затрудняет сам факт обучения, о чем свидетельствуют ответные реплики, реакции коммуникантов. Рассмотрим микроситуации ответных реплик:

1) на вопрос ребенка *Это как?* мама для объяснения сначала тоже переходит на русский язык *Шесть минус семь*, затем сам вопрос ставит на тувинском *Каш боор-дур (И сколько будет?)*;

2) когда ребенок осознает и восклицает *Это минус, а не плюс!*, мама рефреном повторяет на русском *Минус* и тут же переходит на тувинский язык *Ам каш боор-дур? (И сколько же теперь выходит?)*. Сын сразу отвечает на поставленный вопрос *Один*;

3) реплика мамы *Мегелеве даан! (Ну, не ври же!)*, заставляет сына доказывать, восклицая на русском *Нет, смотри!*

Рассмотренные микроситуации указывают на взаимопонимание между коммуникантами-билингвами. Выбор языковых средств русского языка ребенком представляется как необходимое условие обучения или, возможно, критерий обученности.

Анализ примеров (1), (2) указывает на возможность выделения познавательной функции русского языка и эмотивной функции тувинского языка.

Прагматическая ситуация запрета

Прагматическая ситуация запрета предполагает намерение предотвратить / прекратить планируемое или совершаемое адресатом действие [Ломакина, 2001; Сарайкина, 2007]. Вербализация запрета включает различные по значению и характеру употребления эксплицитные средства выражения (отрицательные императивные и инфинитивные прохибитивные формы), однозначно выражающие идею запрета, и имплицитные языковые средства, которые в контексте с другими средствами языка высказывают запрет. При этом различные средства выражения семантики запрета реализуют разную степень категоричности.

В общении матери с ребенком семантика запрета часто выражается посредством лексической единицы *нельзя*. Действительно, одним из константных значений лексемы *нельзя*,

предлагаемых в разных словарях, является запрет – «2. Не разрешено, запрещается, не следует» (ТСО)⁶; наречие «2. Не разрешается, не дозволено» (МАС)⁷; предикатив «2) Запрещено, запрещается, недопустимо, не следует» (ТСЕ)⁸; «2. Вы говорите, что нельзя совершать какие-то действия, когда имеете в виду, что они запрещены» (ТСД)⁹. Рассмотрим пример билингвального смешанного общения в прагматической ситуации запрета:

(3) Мама 36 лет, сын 1 год и 8 месяцев, длительность записи 1:12, 2018 г.

Мама гуляет с сыном на игровой площадке. Мальчик очень активный, проявляющий самостоятельность, забирается на горку не по лестнице, а со стороны горки и поскальзывается. Мама, увидев это, запрещает ребенку:

– Так нельзя, Нордуп (голос строгий).

Ребенок отходит от горки, оглядывается и пытается повторить действие. Мама останавливает с той же строгой интонацией, но темп речи быстрее:

– Нельзя, Нордуп. Оглум, нельзя. Хоржок (Сына, нельзя. Нельзя).

При этих словах, ребенок пятится назад и бежит уже к лестнице, при этом держится не очень крепко. Мама говорит строго:

– Тутун, оглум, тутун. Ток дидиң, ток дидиң, тутун (Держись, сына, держись. Не ударься, держись).

В данной прагматической ситуации мы наблюдаем два функциональных вида запрета: коррективный и превентивный. Коррективный запрет, который определяется как более жесткий и имеющий большую иллюкативную силу, в речи мамы выражен русской лексемой *нельзя*. В то время как превентивный запрет, предупреждающего характера, обладая не наказательной функцией, а побудительной, передается в речи мамы на тувинском языке (*Тутун, оглум, тутун. Ток дидиң, ток дидиң, тутун*). Таким образом, можно говорить о наличии прохибитивной функции тувинского и русского языков в прагматической ситуации запрета в целом. Однако когда мы имеем дело с разными видами запрета, то наблюдаем некоторую функциональную «специализацию»: коррективный запрет – русский язык, превентивный – тувинский язык.

Интересно отметить, что, когда мы рассматриваем различные виды побуждения к определенному действию, поведению в репликах мам-билингвов (например, во фрагментах (1) и (3) практик речевого общения), данные высказывания побуждающего характера звучат на тувинском языке. Из этого следует, что тувинский язык несет побудительную функцию в билингвальном общении.

(4) Мама 24 года, дочь 2 года, длительность записи 0:49, 2017 г.

Мама с дочерью и племянником гуляют во дворе частного дома. Дети бегают по двору, у девочки в руках мяч. Мама, вдруг заметив, что дочь пытается лизнуть мячик, мгновенно запрещает:

– Ай, нельзя, Севилья. Бляк (соответствует русскому ‘Фуу, бяка’). Незяа.

Девочка понимает замечание мамы, протягивает мячик и говорит:

– Мама, мячик.

– Аскынче сукпас! (Нельзя облизывать!)

Девочка, повторяет:

– Мячик, мама, мячик.

Мама подтверждает и добавляет:

– Ийе. Тегер ик чоп мячикти (Да. Мячик ведь пинать надо).

После этих слов мамы дочка бросает мячик на землю и пинает ногой. Мама хвалит и одобительно повторяет:

– Оу, молодец. Хирлиг шээй, уруум, мячик. Аскынче сукпас (Грязный ведь мячик, доча. Нельзя облизывать).

⁶ ТСО – Толковый словарь Ожегова. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018)

⁷ МАС – Малый академический словарь. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018).

⁸ ТСЕ – Толковый словарь Ефремовой. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018).

⁹ ТСД – Толковый словарь Дмитриева. URL: <http://endic.ru/rusethy/Nelzja-2276.html> (дата обращения 13.09.2018).

В данной прагматической ситуации запрета также повторяются два функциональных вида запрета: коррективный и превентивный. Коррективный запрет в речи мамы не ограничивается русской лексемой *нельзя*, а далее уточняется в нескольких репликах на тувинском языке (*Аскынче сукпас. Хирлиг шээй, уруум, мячик. Аскынче сукпас*). Данная ситуация запрета оформлена в некоторую рамочную схему коррективного запрета, т. е. ситуация начинается и заканчивается коррективным запретом. Для смягчения жесткости коррективного запрета в общении с маленьким ребенком мама использует в речи детские выражения *Бляк. Незяа*. Фонетическое искажение слова *нельзя* на *незяа* в общении с ребенком придает смягчение запрету. *Бляк*, как коннотативно окрашенная лексема в значении «чего-то отвратительного, нехорошего», используется в целях языковой доступности, осмысления запрета.

Превентивный запрет в речи мамы, произнесенный на тувинском языке (*Ийе. Тегер ик чоп мячикти*), используется с целью отвлечь ребенка от желания попробовать мяч на вкус. Мама напоминает, что надо делать с мячиком: по нему нужно ударять ногой.

Реплики мамы-билингва на тувинском языке имеют намерение не просто запретить, но объяснить, и в этом случае мама пользуется тувинской речью. Вероятно, в билингвальных семьях тувинский язык имеет большую объяснительную силу и тем самым обладает экспланаторной функцией.

Заключение

Таким образом, проанализированный в статье языковой материал практик билингвального речевого общения матери-тувинки со своим ребенком позволил охарактеризовать значимое функционирование тувинского и русского языков в прагматических ситуациях обучения и запрета. Выбор того или иного языка в речевом поведении коммуникантов-билингвов в прагматических ситуациях обучения и запрета позволил выделить следующие прагмакоммуникативные функции:

- тувинский язык выполняет эмотивную, экспланаторную и побудительную функции, служит поддержанию эмоционального контакта, а также реализует прохибитивную функцию превентивного характера;
- русский язык выполняет познавательную функцию и прохибитивную функцию коррективного характера.

Комментируя подобное разделение функций, отметим, что, по всей видимости, в рамках билингвальной коммуникации женщин-матерей первичными социокогнитивными функциями анализируемых языков являются функции маркирования «своего» (тувинский) и «чужого» (но в некоторой степени эталонного) (русский) культурного пространства. Отсюда вытекают отмеченные выше интенции объяснить, предупредить, показав заботу, наладить эмоциональный контакт, реализуемые женщинами при помощи тувинского языка, и строго запретить, дать знания, для которых прибегают к русскому языку.

Список литературы / References

- Выготский Л. С. Психология развития ребенка: Сб. тр. М.: Изд-во «Смысл», Изд-во «Эксмо», 2004. 512 с.
- Vygotskiy, L. S. Psychology of child's development. Moscow, Smysl Publ., Eksmo Publ., 2004, 512 p. (in Russ.)
- Дебрени М. Лингвистическая интроспекция плюрингва // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 5–14.
- Debrenne, M. A plurilingual's linguistic introspection. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 5–14. (in Russ.)

- Коули С.** Понятие распределённости языка и его значение для волеизъявления // *Studia linguistica cognitive*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. С. 192–228.
- Cowley, St.** The concept of distributed language and its importance for the intentionality. In: *Studia linguistica cognitive*. Irkutsk, BGUEP Publ., 2009, vol. 2: A language in face of the change of scientific paradigm, p. 192–228. (in Russ.)
- Колмогорова А. В.** «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределённой модели языка и когниции. М.: Флинта – Наука, 2012. 177 с.
- Kolmogorova, A. V.** «The motherese»: practices of mother-child communication in the context of distributed model of language and cognition. Moscow, Flinta – Nauka Publ., 2012. 177 p. (in Russ.)
- Колмогорова А. В.** «А чьи там такие сёчки?», или ценностные доминанты «мы-образа» в русской культуре через призму общения матери с ребёнком // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2015. № 1. С. 33–48.
- Kolmogorova, A. V.** «Whose cheeks these are?» or Russian culture values constuing We-image in mother-child communication. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2015, no. 1, p. 33–48. (in Russ.)
- Леонтьева Т. В.** Тема образования и обучения в русской паремиологии // *Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та*. 2011. № 2 (14). С. 38–49.
- Leontyeva, T. V.** The theme of education and teaching in Russian paremiology. *Science Bulletin of the Irkutsk State Lingvistic University*, 2011, no. 2 (14), p. 38–49. (in Russ.)
- Ломакина Н. А.** Репрезентация концепта «запрет» в рамках диалогического дискурса // *Филология и культура: Материалы III Междунар. науч. конф.* Тамбов, 2001. Ч. 1. С. 85–86.
- Lomakina, N. A.** Representation of the concept "ban" in the framework of the dialogical discourse. In: *Philology and Culture. Proc. of the 3rd International Scientific Conference*. Tambov, 2001, pt. 1, p. 85–86. (in Russ.)
- Мишинцева И. Ю.** Прагматика речи билингвального персонажа (на материале высказываний Эркюля Пуаро) // *Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение*. 2010. Вып. 43, № 13 (194). С. 99–103.
- Mishintseva, I. Yu.** Pragmatics of the bilingual character's speech (based on the statements of Hercule Poirot). *Science Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2010, nol. 43, no. 13 (194), p. 99–103. (in Russ.)
- Сарайкина О. В.** Репертуар языковых средств выражения семантики запрета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 174 с.
- Saraykina, O. V.** Repertoire of language means with prohibition semantics: Dissertation abstract. Moscow, 2007, 174 p. (in Russ.)
- Свердлова Н. А.** Лингвopsихологические особенности формирования языковой личности билингва // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2018. Вып. 6 (797). С. 196–202.
- Sverdlova, N. A.** Lingvopsychological Features of Formation of Linguistic Bilingual Identity. *Vestnik Of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 2018, issue 6 (797), p. 196–202. (in Russ.)
- Степанов Ю. С.** Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 312 с.
- Stepanov, Yu. S.** Methods and principles of modern linguistics. Moscow, Nauka Publ., 1975, 312 p. (in Russ.)
- Чиршева Г. Н.** Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 190 с.
- Chirsheva, G. N.** Bilingual communication. Cherepovets, 2004, 190 p. (in Russ.)

- Чиршева Г. Н.** Родной и неродной языки в условиях формирования раннего детского билингвизма // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 101–104.
- Chirsheva, G. N.** Native and non-native languages in the development of early childhood bilingualism. *Filologicheskij klass*, 2014, no. 1 (35), p. 101–104. (in Russ.)
- Чыпсымаа О. О.** Языковое описание улыбки как коммуникативной тактики выражения радости, счастья и одобрения (прагматический аспект) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2017. № 3 (59). С. 121–128.
- Chypsymaa, O. O.** Linguistic Description of a Smile as a Communicative Tactics of Joy, Happiness and Acceptance. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2017, no. 3 (59), p. 121–128. (in Russ.)
- Шапошникова И. В.** Размышления о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования в контексте взаимодействия внешней и внутренней истории языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 1. С. 89–107.
- Shaposhnikova, I. V.** Thoughts on Historical Study of Mentality in the Interaction between Internal and External Histories of English. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2008, vol. 6, no. 1, p. 89–107. (in Russ.)
- Baxter, J.** Discourse-analytic approaches to text and talk. In: *Research methods in linguistics / Lia Litosseliti*. London, Continuum, 2010, p. 117–137.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.11.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Колмогорова Анастасия Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия)
- Anastasia V. Kolmogorova**, D. Sc., Professor, Head of the Department of Romanic Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
- nastiakol@mail.ru
- Чыпсымаа Оюмаа Олеговна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета (ул. Ленина, 36, Кызыл, 667000, Россия)
- Oyumaа O. Chypsymaa**, Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor of Tuva State University (36 Lenin Str., Kyzyl, 667000, Russian Federation)
- ojustaz@mail.ru

Психолингвистический ассоциативный эксперимент для изучения отношения французских и российских студентов к интернационализации высшего образования

М. Дебрени, К. С. Фомель

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье описывается первый этап разработки комплексного психолингвистического ассоциативного эксперимента на двух языках, позволяющего определить ассоциативные поля слов, описывающих отношение молодежи к мультикультуранности, академической мобильности и интернационализации образования в целевых городах – Новосибирск, Томск в России, Монпелье и Бордо во Франции. В нашем случае ассоциативный эксперимент дополнит социологические и другие исследования и позволит показать бытовые представления респондентов о различных словах, описывающих отдельные элементы студенческой жизни. Ассоциативный эксперимент рассматривается как надежный способ выявления осознанных и неосознанных смыслов, который позволяет наблюдать языковое сознание индивида. Участие большого количества испытуемых поможет овнешнить и коллективное представление благодаря изучению наиболее устойчивых и повторяющихся реакций. В результате обработки полученных результатов будет получен фрагмент ассоциативной сети, моделирующей лексикон испытуемых в данной тематической области.

Ключевые слова

психолингвистика, университетские города, ассоциативный эксперимент, французский язык, русский язык

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18-510-22001). Авторы выражают благодарность Университету Монпелье-3 им. Поля Валери и лично профессору Клоду Шастанье (Claude Chastagner) за помощь в организации стажировки и сбора экспериментального материала.

Для цитирования

Дебрени М., Фомель К. С. Психолингвистический ассоциативный эксперимент для изучения отношения французских и российских студентов к интернационализации высшего образования // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 124–134. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-124-134

Psycholinguistic Study of the Attitude of French and Russian Students to Internationalization in Higher Education

Michèle Debrenne, Katerina S. Fomel

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article describes the first stage of the realization of a complex psycholinguistic associative experiment in French and Russian. The aim of this experiment is to identify associative fields of words describing the attitude of young people towards multiculturalism, academic mobility and internationalization of higher education in target cities – Novosibirsk and Tomsk in Siberia (Russia), Montpellier and Bordeaux in France. The associative experiment will supplement sociological and other studies and will allow us to show the respondents' naive views on various words describing certain aspects of students' life. Associative experiments are considered to be a reliable method to identify conscious and unconscious meanings of words. Thus, the “language consciousness of the individual” (a concept intro-

duced by Moscow School of Psycholinguistics, describing the language of an individual or a community from a psycholinguistic point of view) becomes visible to the external observer. The analysis of the most stable and repetitive reactions of a large number of participants makes it possible to infer the collective opinion. After processing the results of the experiment, a fragment of the associative network modeling the lexicon of French and Russian students in this subject area will be obtained.

Keywords

psycholinguistics, university town, word association, French language, Russian language

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (project №18-510-22001)

The authors also express their gratitude to Université Paul-Valéry Montpellier III and personally to Professor Claude Chastagner for his assistance with the organization of the training course for K. Fomel at the University and advice about how to collect experimental material.

For citation

Debrenne, Michèle, Fomel, Katerina S. Psycholinguistic Study of the Attitude of French and Russian Students to Internationalization in Higher Education. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 124–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-124-134

Введение

В рамках сравнительного исследования привлекательности четырех университетских городов – Новосибирска, Томска, Монпелье и Бордо – планируется проведение психолингвистического ассоциативного эксперимента для выявления имплицитного отношения обучающихся к некоторым аспектам их студенческой жизни, таким как мобильность, мультикультурность, интернационализация высшего образования. Подобный эксперимент позволяет объективировать психолингвистическое значение слов в узусе рядовых носителей языка [Стернин, Рудакова, 2011]. После проведения эксперимента результаты будут сопоставлены с данными, полученными в ходе социологического анкетирования, что позволит определить мотивацию студентов в выборе города для учебы, их отношение к присутствию иностранных студентов, к англификации учебных программ, а также к другим аспектам межкультурного общения в университетских городах. В настоящей статье описывается первый, подготовительный, этап ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент как метод

По своей сути ассоциативный эксперимент, при котором фиксируются свободные ассоциации на предъявленный стимул, является психодиагностической методикой, своего рода объективным тестом для изучения личности. И действительно, первый ассоциативный эксперимент, направленный на выяснение индивидуальных особенностей человека, был проведен в XIX в. немецким психологом Т. Цигеном [Спенсер, Циген, 1998], и лишь затем ученые перешли к анализу речевого поведения. Первый словарь вербальных ассоциативных норм был опубликован Г. Кент и А. Розановым в 1910 г. [Kent, Rosanoff, 1910]. В рамках московской психолингвистической школы (А. А. Леонтьев, А. Е. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др.) считается, что, проведение ассоциативных экспериментов и создание словарей на их основе является одним из возможных способов описания усредненного коллективного языкового сознания реальных носителей данного языка, а Ю. Н. Караулов полагает, что ассоциативный словарь «являет язык в предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ “держания” языка в памяти его носителя» [Караулов, 2002].

Теоретические предпосылки применения ассоциативного эксперимента можно резюмировать следующим образом: языковое сознание есть язык в его психолингвистической трактовке, оно становится доступным для внешнего наблюдателя с помощью слова. «Это знания, полученные в процессе социализации в рамках определенной культуры, выраженные с помощью языка» [Региональное языковое сознание..., 2017. С. 11]. Полученная в результате

ассоциативного эксперимента сеть рассматривается в качестве модели языковой картины мира носителя того или иного языка / культуры.

В нашем случае психолингвистический эксперимент используется в комплексе с другими методами для междисциплинарного сравнительного исследования различных типов университетских городов в России (на примере Томска и Новосибирска) и во Франции (на примере Бордо и Монпелье). Важно осознать, что мы остаемся в рамках (психо-)лингвистики, и полученные выводы лишь косвенно выявляют отношение респондентов – студентов данных университетских городов – к интернационализации высшего образования и к тому, как эти процессы отражаются на них. Для получения полной картины необходимо будет ее дополнить социологическим опросом и другими исследованиями.

Мы считаем, что психолингвистический ассоциативный эксперимент позволяет проводить подобного рода исследования, избегая негативного отношения к ним со стороны испытуемых. Дело в том, что социологические опросы, в которых студентов прямо спрашивают, как они относятся к интернациональным студентам, зачастую вызывают критику – считается, что неправильно выделять такую категорию, как «иностранный (интернациональный) студент». Так, согласно Ж. Каллагану, «интернациональные» студенты, как и прочие студенты, бывают сильными и слабыми, благодарными и безразличными, веселыми и угрюмыми и т. д., а «интернационального студента вообще» не бывает [Callaghan, 2018]. Преимущество метода ассоциативного эксперимента как раз в том, что он позволяет прикоснуться к бытовым представлениям испытуемых о языке, о значении слов, и реконструировать систему их наивных, неосознанных представлений о данном явлении [Голев и др., 2015].

Возможности использовать ассоциативный эксперимент в социологии, несмотря на различие в предмете исследования (язык и языковое сознание в случае психолингвистики vs социальный фон для социолога) подробно рассмотрены в работе Л. А. Паутовой. Она выделяет четыре важных момента, благодаря которым применение ассоциативного эксперимента в социологии оправданно: ассоциативный эксперимент позволяет получить информацию о повторяющихся смыслах; он позволяет также исследовать разнообразие социальных смыслов; анализ ассоциативного поля позволяет выделить социальный опыт различных групп; можно отдельно рассматривать личные и социально обусловленные реакции [Паутова, 2007. С. 157–166]. Однако мы считаем, что для получения полноценного материала нам необходимо проводить ассоциативный эксперимент не по одному слову (как у Паутовой), а по целому ряду стимулов, одни из которых имеют непосредственное отношение к интересующему нас вопросу, а другие лишь косвенное, а то и не имеют никакого отношения и играют роль «шума». По своей природе ассоциативный эксперимент не может дать ответы на вопрос о том, «как студенты выбирают город и университет для дальнейшего обучения», поэтому мы решили интересоваться их представлениями об «интернационализации высшего образования». Но для того чтобы получить как можно более спонтанные реакции, было решено «спрятать» интересующие нас стимулы среди слов, принадлежащих к более широкому семантическому полю «университет».

Применение ассоциативного эксперимента для изучения отношения студентов к интернационализации высшего образования

Как известно, в психолингвистике практикуются различные типы ассоциативных экспериментов, которые различаются по двум критериям: «тип ожидаемой реакции» и «количество требуемых реакций».

По первому признаку различают:

- свободные эксперименты – в них не накладывается никаких ограничений на ожидаемую реакцию – это может быть слово, принадлежащее к любой части речи, высказывание, precedentный текст, даже смайлик (эмотикон) или знак препинания;

• направленные эксперименты, в которых исследователь специфически ограничивает выбор реакции – часть речи (например, «только существительные») или лексические отношения между стимулом и реакцией («приведите антоним») и т. п.

По второму признаку различают цепочечные (или цепные) эксперименты и эксперименты с единичным ответом.

Наиболее распространенной формой ассоциативного эксперимента является свободный ассоциативный эксперимент с единичным ответом. В некоторых исследованиях прибегают к цепочечному эксперименту для получения большего фактического материала (см, например, исследование Л. А. Этмановой о франко-русских билингвах [Этманова, 2006]). Однако в таком случае, как отмечают исследователи, каждая последующая реакция является реакцией не только – и, возможно, не столько – на исходный стимул, сколько на предыдущую реакцию [Горошко, 2005]. Исходя из этих соображений в данном исследовании, так же как и в предыдущих [Дебрэнн, 2010; 2016], мы будем придерживаться свободного ассоциативного эксперимента с фиксацией первого ответа.

Относительно количества испытуемых, участвующих в эксперименте, следует сказать, что наиболее частотные реакции и общий облик ассоциативного поля выделяются уже тогда, когда количество респондентов достигает 200 [Черкасова, 2006]. Таким образом, мы считаем необходимым собрать ответы от 200–250 респондентов в каждом из городов, участвующих в эксперименте. Что касается методологии сбора материала, то могут использоваться опросники как в бумажном виде с последующим вводом реакции в базу данных, так и непосредственно в электронном виде (интернет-опросники). Исследования показали, что способ сбора материала несущественно влияет на его содержательные и количественные характеристики [Рудакова, Стернин, 2016].

Специфика данного эксперимента состоит еще в том, что он – сопоставительный. Список стимулов на русском и французском языках должен состоять из эквивалентных языковых единиц, что не означает, что они будут буквальным переводом друг друга. Перевод в рамках ассоциативных исследований представляет определенные трудности. В случае списка стимулов бывает сложно определить точный эквивалент, тем более в нашем случае, поскольку он связан с реалиями университетской жизни, имеющей специфику в обеих странах. Данная проблема снова возникнет на этапе обработки полученного материала – реакций, составляющих ассоциативное поле, поскольку в отсутствие контекста порой бывает сложно понять, что хотел сказать респондент [Исаев, 2015, Уфимцева, 2001].

Обсуждение предложенного формуляра для ассоциативного эксперимента

Анкетная часть

В анкетной части эксперимента будут предложены следующие вопросы:

Французский формуляр	Русский формуляр
1. Etes-vous étudiant ?	1. Вы студент?
2. Faites-vous actuellement vos études dans la ville où vous avez terminé l'école ?	2. Учитесь ли Вы сейчас в том городе, где закончили школу?
3. Quelle est votre langue maternelle ?	3. Какой Ваш родной язык?
4. Parlez-vous d'autres langues ? lesquelles ?	4. Владеете ли Вы другими языками? Какими?

Первый вопрос необходим для того, чтобы впоследствии выбрать анкеты только студентов. Материал, собранный от других респондентов, может быть использован для сопоставительных исследований.

Второй вопрос имеет большое значение в контексте нашего исследования, поскольку мы хотим посмотреть, отличается ли восприятие слов, описывающих студенческую жизнь, у местных и у приезжих обучающихся.

Что касается третьего вопроса, он имеет двойное назначение. С одной стороны, это единственный политкорректный способ определить принадлежность респондента к той или иной лингвокультуре – ведь во Франции вопросы о национальности считаются антиконституционными. С другой стороны, из опыта прежних экспериментов мы знаем, что у респондентов есть тенденция приводить ответы на других языках, и в данном случае третий вопрос нужен для ввода последнего – открытого – вопроса о других языках.

Анкетная часть должна непременно располагаться до начала самого теста, иначе придется браковать часть не до конца заполненных анкет, как это произошло в ситуации с экспериментом по созданию словаря ассоциативных норм франкофонии [Дебрэнн, 2018].

Список предложенных стимулов

Каждому участнику ассоциативного эксперимента предлагается, не задумываясь, приводить первое пришедшее на ум слово или выражение на следующие 40 стимулов за ограниченное время (5–8 минут), русскоязычным студентам – на русском, франкоязычным – на французском. Количество стимулов выбрано не случайно. Несмотря на то что в «классическом» ассоциативном эксперименте, например в тех, что позволили создать Русский ассоциативный словарь, количество стимулов в одной анкете равняется 100, согласно нашим наблюдениям современный респондент (студент) довольно быстро утомляется и бросает слишком длинный эксперимент. Заполнение анкеты психолингвистического ассоциативного эксперимента зачастую сопровождается ощущением психологического дискомфорта, и испытуемые склонны не дописывать анкету. Мы предлагаем следующий список:

Французские стимулы	Русские стимулы
<i>étranger*</i>	иностранец
<i>mobilité</i>	мобильность
<i>échange</i>	обмен
<i>colocation</i>	жилье
<i>bilingue</i>	билингв
<i>choc</i>	шок
<i>réussite</i>	успех*
<i>diplôme</i>	диплом
<i>international</i>	международный*
<i>patrimoine</i>	наследие
<i>culture*</i>	культура*
<i>sécurité</i>	безопасность
<i>passeport</i>	паспорт
<i>nationalité</i>	гражданство
<i>campus</i>	кампус
<i>interculturel</i>	межкультурный
<i>voyage*</i>	путешествие
<i>communiquer</i>	общаться
<i>bourse</i>	стипендия
<i>intégration</i>	интеграция
<i>multiculturel</i>	мультикультурный
<i>examen</i>	экзамен*
<i>matière*</i>	предмет*
<i>note</i>	оценка
<i>professeur</i>	преподаватель

grève	забастовка
transport	транспорт*
valider	сдать*
faculté	факультет
semestre	семестр
vacances	каникулы
emploi	занятость
permis	разрешение
discrimination	дискриминация
sélection	отбор
concours	конкурс
bibliothèque	библиотека
restauU	столовая*
réduction	скидка
religion	религия*

Первые 20 слов (выделенные полужирным шрифтом) непосредственно относятся к теме нашего исследования, остальные играют роль «шума». Тем не менее реакции, полученные на эти стимулы, могут быть использованы в ходе более широкого исследования студенческой жизни. В эксперименте эти слова будут даны вразброс, чтобы испытуемый не подозревал о том, о чем мы хотим его спросить и, соответственно, чтобы не влиять на его ответы. Звездочками отмечены стимулы, фигурирующие во Французском ассоциативном словаре (далее ФАС, доступен по ссылке <http://dictaverf.nsu.ru/dict>) или в Русской региональной ассоциативной базе данных (далее СИБАС, доступна по ссылке <http://adictru.nsu.ru/dict#>). Нахождение этих стимулов в названных списках означает, что они относятся к наиболее частотным словам языка. При необходимости можно будет сопоставить ассоциативные поля, полученные в ходе настоящего эксперимента, с данными из словарей. Далее прокомментируем выбранные стимулы для французского и русского языков.

Многозначность стимула

В некоторых случаях интересующее нас в рамках данного эксперимента значение стимула – всего одно из его значений, и при этом оно даже не первое. В таком случае, скорее всего, мы получим лишь небольшое количество реакций, отражающих тематику «интернационализация высшего образования». Так обстоит дело, например, с парой стимулов *mobilité* – *мобильность*, когда нужно быть готовыми к тому, что респонденты не обязательно свяжут стимул «мобильность» с понятием «академическая мобильность», которая является предметом исследования. Дело в том, что существительное *mobilité*, так же как и, хотя в меньшей мере, его эквивалент *мобильность*, – многозначно, и респонденты, скорее всего,отреагируют на значение «подвижность».

Аналогично с парой стимулов *échange* – *обмен*, где речь может идти о любом обмене, не только «академическом», *choc* – *шок*, где мы бы хотели увидеть сочетание типа «культурный шок», *matière* – *предмет*, *permis* – *разрешение*. В последнем случае мы бы хотели иметь реакции на значение «вид на жительство» (*permis de séjour*), но респондентам может оказаться ближе «*permis de conduire*» (водительские права). В русском языке существительное «разрешение» может натолкнуть респондентов на словосочетания типа «на работу», что не совсем эквивалентно понятию «вида на жительство», но все-таки ближе, чем те ассоциации, которые могли бы быть навеянными слишком многозначным существительным «вид».

В паре *valider* – *сдать* французский глагол относится к труднопереводимым. С одной стороны, *valider un ticket* означает «отмечать билет» на транспорте («предъявлять валидатору»). В контексте высшего образования, этот глагол означает «успешно сдать экзамен и получить соответствующие зачетные единицы», что описывается еще малораспространенным в рус-

ском языке неологизмом «валидация (образования)». С другой стороны, выбранный в качестве эквивалента русский глагол *сдать* многозначный, и лишь в контексте других стимулов сможет быть воспринят как «сдать экзамен».

Пара *étranger – иностранец*. Французская словоформа стимула *étranger* имеет более широкую семантику, чем русский, поскольку означает ‘иностранный’, ‘иностранец’ и ‘заграница’. Французская лексика отличается большой омонимией и многозначностью, с чем сталкивались составители ассоциативных словарей французского языка, и при создании ФАС была предпринята попытка обойти эти особенности, вводя артикль перед существительным в том случае, когда требовалась реакция на него, а не на прилагательное, или для разграничения омонимов различного рода (*le voile / la voile*). Тем не менее опыт показал, что это не очень удачное решение, и в дальнейшем от него отказались, поскольку ассоциативное поле от стимулов *un étranger* и *étranger* отличается несущественно [Дебрэнн, 2016]. В настоящем эксперименте, так же как и в готовящемся новом издании ФАС, подобные стимулы будут предлагаться без артиклей. Согласно современным тенденциям можно было бы предложить форму обоюдного рода *étranger-ère* (иностранец / иностранка), но подобные формы только-только входят в узус и могут вызвать раздражение и реакцию не на суть, а на форму, поэтому пока решено отказаться от них.

Многозначность стимулов может быть несимметричной: так, в паре *note – оценка*, французский стимул более многозначен, чем русский: среди его значений ‘нота’ (музыкальная или дипломатическая), ‘записка’ в записной книжке, ‘сноска’, ‘оттенок’, ‘счет’ (в ресторане или гостинице) и, наконец, ‘оценка’. Аналогичная ситуация наблюдается в паре *bourse – стипендия*, где французское существительное может переводиться на русский не только как *стипендия*, но также как *биржа* и *кошелек*, и в паре *culture – культура*, поскольку *culture* также означает ‘разведение’ (растений).

Неполное соответствие между французским и русским стимулами

В паре *colocation – жилье* французский стимул описывает типичную для французских студентов ситуацию совместного съема жилья, подобно тому, как это описано в популярном французском фильме Седрика Клапиша «*l'Auberge espagnole*» («Испанка», 2002). Такая ситуация не совсем типична для российских студентов и не полностью описывается термином «подселение». На различных сайтах для студентов, готовящихся выезжать во Францию на учебу, встречается калька «колокация», но она недостаточно употребительна, чтобы ее предлагать в качестве стимула в данном эксперименте. Поэтому мы выбрали нейтральный эквивалент «жилье».

Аналогичная ситуация наблюдается в паре *restauU-столовая*, где слове «restauU» буква «U» обозначает ‘universitaire’. В русском языке нет специфического слова для «студенческой столовой». Мы надеемся, что общий контекст всего опросника восполнит эту лакуну.

Прочие случаи

Симметричными и эквивалентными можно считать остальные пары, относящиеся к общераспространенной лексике: *patrimoine – наследие*, *sécurité – безопасность*, *passport – паспорт*, *nationalité – гражданство*, *réussite – успех*, *international – международный*, *voyage – путешествие*, *communiquer – общаться*, *intégration – интеграция*, *transport – транспорт*, *réduction – скидка*, *grève – забастовка*, *bilingue – билингв*, *interculturel – межкультурный*, *discrimination – дискриминация*, *religion – религия*, *multiculturel – мультикультурный*, *emploi – занятость*.

Некоторые из эквивалентных пар принадлежат к семантическому полю «высшее образование» и создают общий фон для респондентов, которым и будет объявлено, что тема эксперимента «высшее образование»: *diplôme – диплом*, *campus – кампус*, *examen – экзамен*, *professeur – преподаватель*, *bourse – стипендия*, *faculté – факультет*, *semestre – семестр*, *vacances – каникулы*, *bibliothèque – библиотека*.

Пары *sélection* – *отбор* и *concours* – *конкурс* были введены, чтобы проверить, как отреагируют осенью 2018 г. французские студенты на ставший острым весной того же года вопрос о вводе негласного отбора при поступлении в университеты. При конституционном праве всех выпускников школ, успешно сдавших экзамены на аттестат зрелости, поступать в университет, любая попытка отбирать студентов на входе на первый курс воспринимается французской молодежью как незаконная и толкает ее на забастовки и митинги.

Первые результаты

Первые данные, полученные из городов Монпелье (202 ответа) и Новосибирска (213 ответов), позволяют сделать вывод о том, что ассоциативные поля на одинаковые стимулы сильно разнятся. Приведем пример анализа ассоциативного поля стимула *étranger* / *иностранец* с использованием метода концептуальных переменных [Гольдин, 2010].

В ассоциативном поле, составленном из ответов жителей г. Монпелье, видно, что в первую очередь иностранец для них – это носитель другой культуры (20 ответов), а для новосибирских студентов – это человек, разговаривающий на иностранном языке (в сумме – 21 ответ). Внутрязыковая омонимия французского языка, где *étranger* – это «иностранец», но и «заграница», приводит к тому, что для франкофонов этот стимул ассоциируется со словами «путешествие» и «страна». С этим же значением, видимо, связан весь блок «действий и состояний стимула», поскольку именно поездка за границу может быть интересной, открыть новые горизонты, приносить что-то новое. Отметим также, что носители французского языка мало упоминают различные национальности, но вспоминают иммиграцию, мигрантов и расизм, тогда как носители русского языка без внутренней цензуры говорят об арабах, неграх и ниггерах, будто именно они наиболее частые иностранцы в этом городе, что совершенно не соответствует реальному национальному составу мигрантов.

Заключение

В качестве заключения на данной стадии проекта можно лишь высказать некоторые предположения относительно ожидаемых результатов. Для этого можно опереться на имеющиеся в нашем распоряжении данные из ФАС и СИБАС, например, для пары *matière* (вещество, предмет) – *предмет*. В 2006 г. на анкеты ФАС тоже отвечали студенты, поэтому не удивительно, что 27 различных реакций из 158 (17 %) оказались на значение «предмет»: например, *mathématiques* (математика), *biologie* (биология), даже *domaine* (область) или *unité d'enseignement* (педагогическая единица). С учетом количества одинаковых реакции это семантическое поле еще более значительно и составляет 22 %. Среди студентов, участвовавших в сборе материала для составления Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса ЕВРАС [Черкасова, Уфимцева, 2014], на значение «школьный предмет» отреагировали 123 человека (24 %), предложив 37 различных реакций, что в процентном соотношении столько же, что и во французском эксперименте.

Сопоставление данных, полученных в результате нового эксперимента, будет проводиться по двум направлениям.

1. Парное сопоставление русского и французского ассоциативных полей с использованием индекса ассоциативного сходства, разработанного Д. Ю. Просовецким [2015].

2. Обобщенный сопоставительный анализ ассоциативных полей, полученных при сумме ассоциаций, данных на все 40 стимулов на каждом языке, с использованием более классического для ассоциативных исследований семантического гештальта [Караулов, 2000].

Полученные результаты позволят уточнить результаты проводящегося параллельно социологического исследования профиля студентов Новосибирска, Томска, Бордо и Монпелье, поскольку покажут, какое психолингвистическое значение испытываемые вкладывают в те слова, о которых их спрашивали.

Список литературы / References

- Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В.** Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 2. С. 29–35.
- Golev, N. D., Kim, L. G., Stevanovich, S. V.** Multilingual dictionary of bionyms' ordinary semantics as a source of data for comparative study of naïve language pictures. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 2, p. 29–35. (in Russ.)
- Гольдин В. Е.** Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. Вып. 9 (16). С. 97–101.
- Goldin, V. E.** Conceptual variables of the world image according to the data of the associative dictionaries. *Computer linguistics and intellectual technologies*, 2010, vol. 9 (16), p. 97–101. (in Russ.)
- Горошко Е. И.** Проблема проведения свободного ассоциативного эксперимента // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2005. № 3.
- Goroshko, E. I.** Problem of conducting the free associative experiment. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, 2005, no. 3. (in Russ.)
- Горошко Е. И.** Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Москва; Харьков, 2001.
- Goroshko, E. I.** Integrative model of free association experiment. Moscow, Kharkov, 2001. (in Russ.)
- Дебрени М.** Лексические отношения в ассоциативных словарях французского языка // Вопросы психолингвистики. 2016. Вып. 1, № 16. С. 76–89.
- Debrenne, M.** Lexical relations in dictionaries of verbal associations of French. *Journal of Psycholinguistics*, 2016, no. 1 (16), p. 76–89. (in Russ.)
- Дебрени М.** Проект «французский ассоциативный словарь 2.0» // Вопросы психолингвистики, 2018. № 1 (35). С. 150–166.
- Debrenne, M.** A French dictionary of word associations 2.0. *Journal of Psycholinguistic*, 2018, no. 1 (35), p. 150–166. (in Russ.)
- Дебрени М.** Французский ассоциативный словарь: В 2 т. Новосибирск: НГУ, 2010.
- Debrenne, M.** French dictionary of word associations. In 2 vols. Novosibirsk, NSU Publ., 2010.
- Исаев Ю. Н.** Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 156–160.
- Isaev, Yu. N.** Associative experiment as source of studying linguistic world and method of cognitive research. *Bulletin of Chuvash University*, 2015, no. 2, p. 156–160. (in Russ.)
- Караулов Ю. Н.** Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / РАН. М.: Астрель; АСТ, 2002.
- Karaulov, Yu. N.** Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool of analysis of language capability. In: Russian associative dictionary. In 2 vols. Moscow, AST-Astrel, 2002. (in Russ.)

- Караулов Ю. Н.** Показатели национального менталитета в ассоциативно- вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191–205.
- Karaulov, Yu. N.** Indicators of national mentality in the associative-verbal network. In: Linguistic consciousness and the image of the world. Moscow, 2000, p. 191–205. (in Russ.)
- Паутова Л. А.** Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2007. № 24. С. 149–168.
- Pautova, L. A.** Associative experiment: experience of sociological application. *Sociology: methodology, methods, mathematical models (4M)*, 2007, no. 24, p. 149–168. (in Russ.)
- Просовецкий Д. Ю.** Психолингвистический метод выявления оценки, содержащейся в слове // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. 2015. Вып. 32, ч. 2. С. 685–689.
- Prosovetsky, D. Yu.** Psycholinguistic method of identifying the assessment contained in the word. *Bulletin of VSU. Philology, Journalism*, 2015, no. 32 (2), p. 685–689. (in Russ.)
- Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2017.
- Ufimtseva, N. V. (ed.). Regional Language Consciousness of Komi, Russians and Tatars: problem of mutual influence. Moscow, 2017. (in Russ.)
- Рудакова А. В., Стернин И. А.** Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов (материалы Круглого стола) // Вопросы Психолингвистики. 2016. № 1 (35).
- Rudakova, A. V., Sternin, I. A.** Actual problems of conducting and interpreting the results of psycholinguistic experiments (Round Table proceedings). *Journal of Psycholinguistics*, 2016, no. 1 (35). (in Russ.)
- Спенсер Г., Циген Т.** Ассоциативная психология. Основания психологии. Физиологическая психология в 14 лекциях. М.: АСТ, 1998. 560 с. (Серия «Классики зарубежной психологии»)
- Spenser, H., Zigen, T.** Associative psychology. Principles of psychology. Physiological psychology in 14 lectures. Moscow, AST, 1998, 560 p. (Series: classics of foreign psychology) (in Russ.)
- Стернин И. А., Рудакова А. В.** Психолингвистическое значение и его описание. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2011.
- Sternin, I. A., Rudakova, A. V.** Psycholinguistic meaning and description. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2011. (in Russ.)
- Уфимцева Н. В.** Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 65–71.
- Ufimtseva, N. V.** Comparative study of Slave language consciousness. In: Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh: VSU Publ., 2001, p. 65–71. (in Russ.)
- Черкасова Г. А.** Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М., 2006. С. 129–134.
- Cherkasova, G. A.** Quantitative studies of associative dictionaries. In: Language personality: text, vocabulary, image of the world. Moscow, 2006, p. 129–134. (in Russ.)
- Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В.** Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: В 2 т. М., 2014.
- Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V.** Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS. In 2 vols. Moscow, 2014. (in Russ.)

- Этманова Л. А.** Психолингвистические особенности языкового сознания естественных билингвов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 250 с.
- Etmanova, L. A.** Psycholinguistic features of language consciousness of natural bilinguals. Dissertation ... of candidate of philological sciences. Moscow, 2006, 250 p. (in Russ.).
- Callaghan J. M.** Home Office: It is NOT OK to ask our students about the impact of 'International Students' on their experience of University life. 2018. URL: <https://janeemcallaghan.wordpress.com/2018/05/16/> (accessed: 10.12.2018).
- Debrenne M.** La lexicographie associative : vers un nouveau dictionnaire français des associations évoquées par les mots // 6-me congrès Mondial de Linguistique Française. Mons 9–13 juillet 2018, CMLF-18. DOI 10.1051/shsconf/20184605005.
- Debrenne M.** Variabilité diatopique des associations évoquées par les mots en Francophonie // 5-me congrès Mondial de Linguistique Française. Tours 4–8 juillet 2016, CMLF-16. DOI 10.1051/shsconf/20162703002.
- Kent, G. H., Rosanoff, A. J.** A Study of Association in Insanity. *American Journal of Insanity*, 1910, no. 67, p. 37–96, 317–390.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
12.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Дебренн Мишель – профессор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Michèle Debrenne – Professor at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

micheledebrenne@gmail.com

Фомель Катерина Сергеевна, студентка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Katerina S. Fomel, student at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kitty.fomel@gmail.com

Понимание слов с абстрактным значением в условиях учебного двуязычия

В. Г. Дубицкая, А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Обсуждаются результаты эксперимента, направленного на выяснение влияния описания ситуации, в которой употребляется слово, в качестве толкования его значения на степень и характер его понимания билингвами. Гипотеза исследования состояла в том, что качество понимания значения абстрактных слов иностранного языка билингвами будет варьироваться в зависимости от способа толкования этих слов. Для проверки гипотезы был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемым (студенты старших курсов с русско-английским учебным двуязычием) было представлено 12 слов-стимулов на английском языке с абстрактным значением. Первой группе испытуемых (всего 33 человека) давались словарные толкования указанных слов, второй (всего 35 человек) давались предложения, в которых эти же слова употреблены в смоделированной ситуации их возможного использования в соответствии с их словарным толкованием. Испытуемые могли дать до трех реакций на каждый стимул. Авторы приходят к выводу, что ознакомление с конкретной ситуацией использования абстрактных слов не помогает привнести в их значения личностное переживание, а также повышает количество эмоциональных ассоциаций, свидетельствующих о включении значений этих слов в личностный опыт познания и общения. Тем не менее равное количество реакций, связанных со стимулом по значению, а не по вызываемой эмоции, в обеих частях эксперимента означает, что и словарное толкование, и описание конкретной ситуации в достаточной степени реализуют семантический потенциал слова и позволяют правильно интерпретировать его значение.

Ключевые слова

абстрактное значение, личностный смысл, словарное толкование, ассоциативный эксперимент, учебное двуязычие

Для цитирования

Дубицкая В. Г., Яковлев А. А. Понимание слов с абстрактным значением в условиях учебного двуязычия // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 135–145. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-135-145

Comprehension of Abstract Words in Second Language Acquisition

Victoria G. Dubitskaya, Andrey A. Yakovlev

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the results of an experiment aimed to clarify the impact that explaining a context in which a word is used may have on the degree and nature of its understanding in second language acquisition. The underlying hypothesis is that the quality of comprehension of the meaning of abstract words of a foreign language by bilinguals will vary depending on the way these words are represented. To test the hypothesis a free associative experiment consisting of two parts was conducted. 12 stimuli in English with abstract meaning were presented to subjects (4th-year students with Russian-English bilingualism). The first group of participants (a total of 33 people) was given vocabulary explanation of these words; the second group (35 people in total) was given sentences in which the same words are used in a simulated situation of using them in accordance with their dictionary definition. The authors come to the conclusion that informants' acquaintance with a concrete situation of using abstract words does not help them to "internalize" these words, and also increases the number of emotional associations indicating that these words are part

of their personal experience of cognition and communication. However, an equal number of reactions associated with the stimulus by their semantics, and not by the evoked emotion, in both parts of the experiment means that both dictionary interpretation and description of a specific situation realize the semantic potential of a word significantly and allow us to correctly interpret its meaning.

Keywords

abstract meaning, personal sense, vocabulary interpretation, associative experiment, second language acquisition

For citation

Dubitskaya, Victoria G., Yakovlev, Andrey A. Comprehension of Abstract Words in Second Language Acquisition. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 135–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-135-145

Вводные замечания

Данная работа посвящена изучению функционирования абстрактных слов в лексиконе студентов с русско-английским учебным двуязычием. Гипотеза, стоящая в основе исследования, ставит под вопрос возможность более эффективного усвоения абстрактных лексем посредством ознакомления с ситуацией общения, в которой их можно использовать, в сравнении со словарным толкованием.

Поясним сначала, как трактуется понятие «значение» в данной работе. Если рассматривать языковой знак с традиционных лингвистических позиций, то достаточно следовать за О. Н. Селиверстовой, которая определяет значение знака как «знаковую информацию, которую получит человек, владеющий данным языком, при восприятии означающего слова, представленного в звуковой или графической цепочке, а также – при мысленной речи – в их психическом корреляте» [Селиверстова, 2004. С. 116]. Под информацией при этом понимается такая знаковая информация, которую означающее передает о денотате либо о денотативной ситуации в целом. Таким образом, в структуре знака выделяются как минимум три составляющие: означающее, означаемое и денотативная отнесенность. Денотат понимается как все то, на что указывает языковой знак, причем денотату не обязательно соответствует реально существующий объект. Важно отметить, что денотат и означаемое строго разграничиваются: языковой знак передает информацию о денотате, эта информация и будет значением знака.

В отличие от этого в психолингвистике значение знака рассматривается иначе – с позиций носителя языка, его потребностей, его механизмов оперирования языком. Значение описывается через обращение к личностным и социальным сторонам деятельности человека и выделяется из состава «общесистемного» значения. Значение знака предстает в таком случае как внутренняя структура знаковой операции [Выготский, 1982. С. 160]. Последняя рассматривается психолингвистами как процесс интеграции опыта общения и познания для достижения задач взаимодействия с другими людьми [Залевская, 2005. С. 48–49; Леонтьев, 2003. С. 167, 171, 178]. А поскольку в значении слова объединяется не только опыт общения и познания мира, но также опыт его эмоционально-личностного переживания, принято считать, что в том значении, которое отражено в толковом словаре и которым ограничено традиционное понимание самого этого понятия, выражаются далеко не все аспекты, используемые человеком в своей жизни. Общепринято, что словарное толкование знака значительно беднее его психолингвистического значения.

Тем не менее толковые словари продолжают существовать и быть востребованными рядовыми носителями языка. Слова с абстрактным значением, как правило, толкуются не через указание на денотат (что невозможно за его отсутствием), а через указание на другие слова, не менее абстрактные. Например, приятный – доставляющий удовольствие, привлекательный, нравящийся; смелость – смелое поведение, решимость [Ожегов, Шведова, 2006. С. 604, 734]. В этой связи возникает вопрос: «Действительно ли усвоение нового слова с абстрактным значением более эффективно, когда в его толковании содержится ситуация использова-

ния данного слова?» Попытка ответить на него, опираясь на экспериментальные данные, представлена далее.

Конкретные и абстрактные значения

Лексические единицы принято разделять на конкретные и абстрактные. Современное понимание абстракции и абстрактного идет от философии Аристотеля, согласно которой акт абстрагирования был неотъемлемой частью рационального мышления, а впоследствии и научного познания. В ходе абстрагирования происходит процесс отвлечения, т. е. «избирательного отражения или интерпретации» части информации отдельно от самого эмпирического материала, из которого она была получена. Как результат такого познания, формируются «вторичные образы» реальности, составляющие понятия, теоремы, образы и представления [Новая философская энциклопедия, 2010. С. 16–17]. В лингвистическом понимании, абстрактное значение – это обобщенное значение, свойственное отвлеченным существительным [Ахманова, 2010. С. 23]. Тем не менее различие между абстрактным и конкретным не может быть строго определено, это скорее два противоположных полюса значения (существование их обусловлено только наличием сопоставления друг с другом), между которыми находятся еще и «промежуточные» значения.

Если исследовать проблему понятий конкретности и абстрактности, беря за основу теоретические предпосылки О. Н. Селиверстовой, то мы можем заключить, что данные понятия происходят из типов денотативной отнесенности слов. Абстрактный денотат – мысленный конструкт, полученный как результат процессов отвлечения и обобщения, который не существует в такой форме в действительности. В то же время конкретный денотат описывает ситуацию или объект, исходно существующий в физическом пространстве, и, следовательно, он локализован или потенциально локализован в этом пространстве и времени [Селиверстова, 2004. С. 391–392].

Однако в рамках ситуационного (событийного) подхода, абстракции – это и не имена вещей и не простые предикации (отвлеченные имена), а «имена сложных ситуаций», которые связаны с некоторыми сценами реальной жизни, из которых субъект речевой деятельности почерпнул знания и первичные сведения о явлениях и объектах, описываемых абстрактным понятием [Филлмор, 1983. С. 98]. Для психолингвистического подхода также существенно, что значение слова может реализоваться только после включения его в более объемную систему, в нашем случае – в ситуацию использования слова, где оно формируется в совокупности связей, существующих между словом и другими лингвистическими и экстралингвистическими единицами [Залевская, 2005. С. 143].

Сложность представляет, однако, не только само определение абстракции и абстрактного лексического значения слова, но и описание абстрактных лексем, которые представлены в толковых словарях. В словарях значение слова представлено лингвистически: слова описаны либо с помощью синонимов, либо посредством конкретизации. В первом случае трудность заключается в том, что не для всякого слова существует другое близкое ему по значению, которое могло бы описать все аспекты значения этого слова. Хотя в большинстве случаев синонимическая продуктивность абстрактного слова позволяет подобрать довольно близкий гипоним или гипероним, или даже слово того же уровня категоризации. Кроме того, дефиниция абстрактных слов с помощью языковых коррелятов создает замкнутый круг, в котором слова определяются друг через друга. Во втором случае происходит конкретизация слова, т. е. в его толкование вводится знание о том, что этот объект вовлечен в определенный вид деятельности. Современные словари объединяют эти два подхода к толкованию абстрактных слов в одном определении [Пупынина, 2011. С. 147].

Другими словами, лексику можно назвать абстрактной, если она фиксирует посредством обобщения и отвлечения один аспект действительности, принадлежащий носителю какого-либо свойства, отношения или признака, без включения в это значение знаний о самом носи-

теле. В дальнейшем мы будем придерживаться лингвистического определения абстрактной лексики, данного И. М. Кобозевой: «Абстрактная лексика – это слова, обозначающие объекты, свойства и отношения, полученные в результате абстрагирования, отвлечения от конкретных объектов, свойств и отношений» [2000. С. 84].

Учебный билингвизм

Общепринятого определения билингвизма не существует. В зависимости от методов и исходных постулатов теории в явлениях, называемых билингвизмом, разные авторы выделяют разные стороны и характеристики.

Отходя от понимания билингвизма, или двуязычия, как совершенного владения двумя (и более) языковыми кодами, в пользу других (более современных) теорий, в данной работе двуязычие будет рассматриваться в рамках подхода, для которого характерно снятие ограничения на совершенное владение билингвом вторым языком. На самом процессе использования языков акцентируется внимание в определениях Э. Биалисток: «Мы принимаем за билингвов людей, которые могут говорить на двух (и более) языках на довольно высоком уровне» [Bialystok, 2003. Р. 5], и Л. Вэй: «Билингвизм – попеременное использование двух и более языков одним человеком» [Wei, 2001. Р. 22]. Таким образом, билингвизм понимается как частный случай полилингвизма (многоязычия).

В нашем исследовании мы придерживаемся разделения билингвизма на искусственный и естественный, поскольку считается, что критерий «происхождения» языка – один из решающих, так как от источника полученных знаний зависит способ взаимодействия языков в сознании индивида. А. А. Залевская рассматривает эти типы двуязычия, при этом она говорит, что учебное (искусственное) двуязычие формируется в специфических условиях организованного обучения второму / иностранному языку [2013. С. 100]. Учебный билингвизм означает, кроме специализированной среды обучения, что научение второму языковому коду происходит после приобретения устойчивой системы первого, поэтому второй язык накладывается на уже сформированную систему языковых знаний и представлений и испытывает на себе их влияние. В зарубежной лингвистике наиболее близким термином учебному двуязычию является понятие *second-language acquisition (SLA)*, под которым понимается изучение второго иностранного языка на базе первого. Однако Л. Вэй приводит и иные определения для второго языка и «вторичного билингвизма» соответственно: язык, усвоенный индивидом, после освоения им / ей первого языка; ситуация, когда второй язык билингва был изучен через формальное обучение [Wei, 2001. Р. 459]. Следуя определению учебного билингвизма, предложенного в работе Е. К. Черничкиной, будем считать таковым «владение двумя лингвокультурными кодами, один из которых усвоен вне естественной языковой среды» [2007. С. 11].

Обобщая сказанное, в нашем исследовании мы будем придерживаться следующей общей трактовки двуязычия (билингвизма): это способность индивида использовать два и больше языков для осуществления общения, причем иногда попеременно в рамках одной и той же ситуации. Обратим внимание, что такая трактовка билингвизма не подразумевает одинакового уровня владения двумя языками.

Описание и методология эксперимента

Как уже было сказано, эксперимент, лежащий в основе описываемого исследования, был нацелен на выяснение того, является ли усвоение нового слова с абстрактным значением более эффективным, при использовании для его толкования ситуации употребления данного слова.

Гипотеза, положенная в основу исследования, состоит в том, что качество понимания значения абстрактных слов иностранного языка билингвами будет варьироваться в зависимости

от способа толкования этих слов. Мы полагаем, что проводимый нами эксперимент поможет выявить различия в интерпретации абстрактного слова-стимула студентами с учебным двуязычием (т. е. не полным владением вторым языком), если они будут опираться на знания, полученные из словарного толкования этой лексемы. Смоделированная конкретная ситуация, обобщенно представленная в абстрактном значении слова, предположительно, качественно повлияет на понимание испытуемыми этого слова в сравнении с испытуемыми, которые ознакомятся со словарным толкованием слова. Такое качественное изменение в интерпретации слова заключается в том, что конкретная ситуация использования абстрактной лексики позволит испытуемым привнести в нее личный опыт речевой деятельности и передать личный смысл в реакции на этот же стимул.

Для проверки гипотезы был проведен свободный ассоциативный эксперимент, состоявший из двух частей, в ходе которого испытуемым (студенты старших курсов с русско-английским учебным двуязычием) было представлено 12 слов-стимулов с абстрактным значением на английском языке: BLUE, CANDOUR, CHASM, EERIE, COLD, FUTILITY, SERENDIPITY, INVISIBLE, SCORN, BRIGHT, DRASTIC, SOUND. Интересующие нас слова (SERENDIPITY, CANDOUR, EERIE, DRASTIC) были даны вперемешку с другими во избежание влияния стимулов друг на друга. Непосредственно перед самим экспериментом испытуемым (далее – Ии.) требовалось прочитать по четыре предложения, в которых использовались слова SERENDIPITY, CANDOUR, EERIE, DRASTIC. Первой группе Ии. (всего 33 человека) давались словарные толкования указанных слов, второй (всего 35 человек) – предложения, в которых эти же слова используются в смоделированной ситуации их возможного употребления в соответствии с их словарным определением.

Ниже приведены словарные толкования, которые были даны перед началом эксперимента Ии. из первой группы:

DRASTIC – radical, extreme and sudden, and having very noticeable and far-reaching effects;

CANDOUR – the quality of being honest, open and frank in speech or expression, especially when the truth may be unpleasant or embarrassing;

SERENDIPITY – a lucky coincidence when something good unexpectedly occurred or when events develop by chance in a happy or beneficial way;

EERIE – mysterious and strange, making a person feel frightened and nervous by provoking an inexplicable superstitious fear.

В определениях, предложенных нашим Ии., сохранялся принцип толкования абстрактных лексем, использующийся в толковых словарях, через синонимичные им слова или слова близкие по значению.

Второй группе Ии. в качестве ознакомительных текстов перед экспериментом были предъявлены следующие предложения:

When you have very long hair and you suddenly shave your head, this is an example of a change that would be described as DRASTIC;

If someone tells you they think you are dumb, you might reply with, “While I appreciate your CANDOUR, I don’t think we need to be friends anymore”;

An example of SERENDIPITY is finding money in the pocket of a coat you haven’t worn in a while;

Something that’s EERIE is mysteriously creepy like somebody suddenly touching you on the shoulder on a misty graveyard or in an empty house.

В данных предложениях слова-стимулы использованы в контексте ситуации, которая конкретизировала бы слово и связывала бы его с определенным действием или состоянием самого субъекта в описываемой ситуации. Описание конкретной ситуации производилось с целью проверки гипотезы об особенностях изучения абстрактных лексических единиц студентами с учебным русско-английским двуязычием.

Анализ и обсуждение результатов

На каждый стимул Ии. предлагалось дать от одной до трех реакций любой части речи на любом языке. В результате эксперимента нами было получено 190 реакций в первой группе Ии. и 186 во второй, включая нулевые реакции.

Полученные реакции были разделены нами на семь семантико-тематических групп, в зависимости от связи между стимулом и реакцией. Подобная классификация позволит нам увидеть и проанализировать связи, которые возникли между стимулом и реакцией при идентификации слова-стимула, а значит, приблизить нас к пониманию того, как происходит семизис абстрактных слов на втором языке у билингвов. Если выдвигаемая нами гипотеза о том, что дополнительный стимульный материал может каким-либо образом повлиять на эти связи между словами, верна, то мы сможем увидеть отличия в полученных ассоциациях в зависимости от того, какой тип ознакомительного материала был предложен испытуемому. Однако эту разницу можно увидеть, лишь распределив реакции по определенным группам в зависимости от типа возникшей связи:

- 1) форма (фонетическая связь);
- 2) значение (семантическая связь);
- 3) положительная эмоциональная оценка;
- 4) отрицательная эмоциональная оценка;
- 5) связь с ситуацией;
- 6) прочие;
- 7) нулевые реакции.

В шестую группу вошли реакции, которые не могли быть истолкованы однозначно, поэтому были выделены и не учитывались при анализе данных.

Следует обратить внимание на частоту и закономерность появления в ответах слов из прочитанных Ии. толкований: 39 реакций из 190 являлись повторами слов из экспериментальных текстов. Подчеркнем, что это были не любые слова из толкования, а именно ключевые, наиболее значимые для его понимания. К примеру, реакция *honest* на стимул CANDOUR была написана Ии. 11 раз. Кроме того, EERIE – *mysterious* (5), *fear* (3); SERENDIPITY – *lucky* (4), *coincidence* (2), *chance* (2) и др.; DRASTIC – *extreme* (4), *sudden* (3), *far-reaching*, *effects* и др.

Количественный анализ всех реакций, данных Ии. первой группы, представлен в табл. 1.

Анализ реакций Ии. первой группы позволяет обозначить некоторые тенденции и закономерности. Как видно из табл. 1, преобладают реакции по значению. Стратегия синонимизации была одной из самых часто используемых. Предъявленный стимул Ии. часто ассоциировали с синонимичным термином или близким по значению словом: CANDOUR – *honesty*, *прямолинейность*; EERIE – *mysterious* (5), *horror* (2), *мистический*, *таинственный*; DRASTIC – *радикальный* (2); SERENDIPITY – *luck* (3), *случайность* (2), *chance* (2), *coincidence* (2), *совпадение*, *accident*, *неожиданность*. Следовательно, можно утверждать, что у большинства участников эксперимента сложилось понимание интересующих нас слов, а именно их семантической составляющей. Довольно малым оказалось количество формальных реакций (17): EERIE – *eel*, *Eie (oldname for Ireland)*; CANDOUR – *candy*; SERENDIPITY – *sereniti*, *serenity*, *pity*; DRASTIC – *драматичный* (2), *dramatic* (3).

В целом распределение реакций по группам кажется сбалансированным (не принимая во внимание группу семантических реакций), однако дальнейший анализ показал, что в масштабе ассоциативного поля, а не группы, реакции распределяются неравномерно.

Преобладающим типом реакций первой группы Ии. стали лексические единицы, связанные со стимулом семантической связью (CANDOUR – *honest* (11), *честный* (4), *чуткий*, *frankly*, *true*, *embarrassing*, *прямолинейный*; EERIE – *fear* (3), *страх* (2), *мистика* (2); SERENDIPITY – *lucky* (4), *sudden*, *unexpected*, *feeling*; DRASTIC – *important*, *power*, *critical*, *strong*).

Таблица 1

Реакции 1-й группы испытуемых

Table 1

Reactions of the First Group of Participants

Группа реакций Type of reaction	CANDOUR	EERIE	SERENDIPITY	DRASTIC	Итого
Всего реакций Total	52	47	45	46	190
Форма Form	4	2	4	7	17
Значение Meaning	28	23	21	25	97
Положит. эмоц. Positive emotion	6	1	7	0	14
Отриц. эмоц. Negative emotion	4	2	1	5	12
Ситуация Situation	1	12	0	3	16
Прочие Other	6	2	5	4	17
Нулевые Zero reactions	3	5	7	2	17

Остальные реакции распределились равномерно по типам связи между стимулом и реакцией: фонетическая, положительная эмоциональная, отрицательная эмоциональная, связь посредством экстралингвистического контекста. Положительная эмоциональная оценка: CANDOUR – *fair, воля, сила, virtue*; EERIE – *good*; SERENDIPITY – *wonderful, great, splendid, успех*. Отрицательная эмоциональная оценка: CANDOUR – *cruel, stupid*; EERIE – *неприятно, неустойчивый*; SERENDIPITY – *настырность*; DRASTIC – *harmful, угнетающий, мрачный*. Детальный анализ показывает также, что большое количество (12) ситуативных реакций в данной группе испытуемых было вызвано стимулом EERIE – *fairytale* (2), *ктулху, скример, труп, Добби, ухо, stranger things, телефон, fairy*. Можно предположить, что такое количество ситуативных реакций напрямую связано с семантикой самого слова: оно имеет яркую негативную коннотативную окраску, которая понятна многим Ии.

Перейдем теперь к анализу второй части эксперимента. Количественно ее результаты приведены в табл. 2.

Хотя вторая группа Ии. чаще связывала представленные абстрактные лексические единицы с конкретной ситуацией, тем не менее нельзя говорить о сколько-нибудь значимом отличии от первой группы Ии. по данному параметру, поскольку число ситуативных реакций осталось малым относительно самой большой группы реакций – реакций по значению. Полученные ассоциации, связанные со словом-стимулом посредством конкретной ситуации: CANDOUR – *friend* (2), *dumb* (2), *sarcasm, stupidity, “care”, карма, поведение, smart, фракция, Демид Мур, strictness, неприятно, замечание*; EERIE – *graveyard* (2), *кладбище, оборотни, звук, music, darkness, room, house*; SERENDIPITY – *money* (4), *movie, found money, find, pocket*; DRASTIC – *Britney Spirs, shave, long hair, hair*. Несмотря на то что количество ситуативных реакций не возросло, они изменились качественно: если в ответах Ии. второй группы появлялась связь с конкретной ситуацией, то в подавляющем большинстве случаев это была ситуация, описанная в ознакомительном тексте, в отличие от реакций первой группы Ии., где происхождение конкретной ситуации полностью основывалось на их собственном выводном знании.

Таблица 2

Реакции 2-й группы испытуемых

Table 2

Reactions of the Second Group of Participants

Группа реакций Type of reaction	CANDOUR	EERIE	SERENDIPITY	DRASTIC	Итого
Всего реакций Total	51	48	44	43	186
Форма Form	10	5	3	5	23
Значение Meaning	15	23	12	24	74
Положит. эмоц. Positive emotion	0	0	2	0	2
Отриц. эмоц. Negative emotion	1	0	0	2	3
Ситуация Situation	15	9	8	4	36
Прочие Other	2	2	1	0	5
Нулевые Zero reactions	8	9	18	8	43

Количество семантических реакций во второй группе Ии., по сравнению с первой группой, осталось прежним. Отсутствие толкования не помешало Ии. понять и верно интерпретировать слово-стимул, реакции в данной группе представляют собой синонимы слова-стимула либо слова близкие по значению: CANDOUR – *sincerity* (2), *искренность* (2), *honest* (2), *speak from my heart*, *blunt*, *откровенность*, *openness*, *honesty*, *open*, *честный*, *искренний*, *straight forward*; EERIE – *creepy* (7), *scare*, *scary* (2), *жуть* (2), *supernatural* (3), *сверхъестественный*, *mysterious*, *пугающий*, *жуткий*, *terror*, *fright*, *неожиданность*, *suddenly*; SERENDIPITY – *surprise* (2), *out of the blue* (2), *unexpected*, *случайность*, *suddenly*, *fast*, *fate*, *intuitive*, *интуиция*, *luck*; DRASTIC – *change* (3), *effect* (2), *changes* (2), *кардинальный*, *радикальный*, *radical*, *радикал*, *капитальный*, *глобально*, *serious*, *сильная степень*, *unexpected*, *fast*, *quick*, *sudden*, *situation*, *action*, *изменение*, *feeling*.

Несколько увеличилось количество формальных реакций (23), например: EERIE – *Джен Эйр*, *ear*, *year*, *урус*; CANDOUR – *candle* (2), *candy*, *odour*; SERENDIPITY – *serpent*, *сирена*, *séductrice*; DRASTIC – *pidarastic*, *fantastic*.

Особенностью, которую приходится наблюдать в результатах второй части эксперимента, стало крайне малое количество реакций, главным компонентом значения которых была эмоциональная оценка стимула. Это верно как для положительно, так и для отрицательно окрашенных реакций. Приведем все реакции данного типа: CANDOUR – *epic fail*; SERENDIPITY – *happy*, *wow*; DRASTIC – *terrible*, *dreadful*. Еще одной специфической чертой реакций во второй группе стало большое количество нулевых реакций – 43. Таким образом, имеет смысл говорить здесь о недостаточной ясности семантического компонента исследуемых слов, при толковании их посредством ситуаций использования. Кроме того, можно предположить, что практическое отсутствие ситуативных реакций свидетельствует о том, что испытуемые не включили предложенное абстрактное слово в систему «живого знания», т. е. значения, наполненного личностным смыслом.

Некоторые выводы

Описанный эксперимент был проведен именно в условиях учебного двуязычия, чтобы гарантировать неизвестность для Ии. значений используемых слов, а также малое количество связей с другими единицами ментального лексикона. Таким образом, им пришлось ориентироваться только на описываемую ситуацию или толкование, а не на связи толкуемого слова с другими схожими словами.

Описанный анализ позволяет заключить, что ознакомление с конкретной ситуацией использования абстрактного слова не помогло Ии. привнести в них личностное переживание: количество реакций, связанных с ситуацией, не возросло во второй части эксперимента или же возросло незначительно за счет реакций, связанных с ситуацией из ознакомительного текста. Более того, этот вывод подтверждается практически полным отсутствием эмоциональных реакций во второй части эксперимента, ярко сигнализирующих о том, что Ии. далеки от включения данных абстрактных лексем в личностный речевой опыт. В то время как увеличение количества нулевых реакций говорит о том, что для некоторых Ии. второй группы ситуация использования не была достаточной для полного понимания семантики абстрактной лексической единицы.

Таким образом, положенная в основу исследования гипотеза подтверждается: использование описания ситуации употребления слова в качестве толкования его значения влияет на систему связей в ментальном лексиконе, в которую это слово встраивается. А именно, возникают более прочные и многочисленные связи с единицами личностного смысла, которые не наблюдаются при ознакомлении со словарным толкованием. Можно полагать, что такие связи возникают за счет того, что ситуация использования слова в большей степени, чем традиционное толкование, апеллирует к собственным эмоциональным состояниям Ии.

Тем не менее равное количество реакций по значению в обеих частях эксперимента означает, что как словарное толкование, так и описание конкретной ситуации реализуют семантический потенциал слова и позволяют Ии. правильно интерпретировать его лексическое значение.

В работах по психолингвистике и когнитивистике часто говорится о том, что словарные определения неточно и бедно передают содержание описываемого слова. Однако проведенный нами эксперимент показывает, что словарные толкования в полной мере передают значение лексической единицы. Словарные толкования достаточно полно отражают те ситуации, которые стоят за данными словами. Единственное, что они не могут передать – это личностный смысл, как и сами ситуации. Полнота понимания слова достигается не за счет полноты и исчерпывающего характера его словарного толкования, а за счет встраивания содержащейся в толковании информации во внутренний контекст, в сознание и личностный опыт человека, чего не может обеспечить в полной мере традиционное словарное толкование.

Можно поэтому заключить, что в толкования абстрактных слов, потенциально обладающих существенным эмоционально-личностным или культурным компонентом, желательно включать описание ситуаций использования этих слов. Для понимания слов, не обладающих существенным эмоционально-личностным или культурным компонентом, достаточно традиционного словарного толкования.

Список литературы / References

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 2010. 569 с.

Akhmanova, O. S. Dictionary of linguistic terms. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 2010, 569 p. (in Russ.)

- Выготский Л. С.** Собр. соч.: В 6 т. / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. 488 с.
- Vygotsky, L. S.** Selected works. In 6 vols. Moscow, Pedagogika, 1982, vol. 1: Theory and history of psychology, 488 p. (in Russ.)
- Гришук Е. И.** Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2002. 248 с.
- Grishhuk, E. I.** Abstract words in language consciousness (experimental research of the linguistic consciousness of school students). Thesis ... candidate of philology. Voronezh, 2002. 248 p. (in Russ.)
- Залевская А. А.** Значение слова и возможности его описания // Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 133–215.
- Zalevskaya, A. A.** Psycholinguistic researches. Word, text: Selected works. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p. (In Russ.)
- Залевская А. А.** Вопросы теории двуязычия: Учебник. М.: Директ-Медиа, 2013. 144 с.
- Zalevskaya, A. A.** Issue of the theory of bilingualism: handbook. Moscow, Direkt-Media, 2013, 144 p. (in Russ.)
- Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. Учеб. пособие М.: Эдиториал УРСС. 2000. 350 с.
- Kobozeva, I. M.** Linguistic semantics. Handbook. Moscow, Editorial URSS, 2000, 350 p. (in Russ.)
- Леонтьев А. А.** Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 536 с.
- Leontiev, A. A.** Language and speech activity in general and pedagogical psychology: Selected psychological works. Voronezh, NPO «MODEK» Publ., 2003, 536 p. (in Russ.)
- Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
- New philosophic encyclopedia: In 4 vols. Moscow: Mysl', 2010, vol. 1, 744 p. (in Russ.)
- Ожегов С. И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu.** Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, A TEMP Publ., 2006, 944 p. (in Russ.)
- Пупынина Е. В.** Абстрактные существительные как лингвистическая проблема: на материале английского языка // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113), вып. 11. С. 142–150.
- Pupynina, E. V.** Abstract nouns as a linguistic problem: on the material of the English. *Scientific publications of BelGU. Series: Humanities*, 2011, № 18 (113), vol. 11, p. 142–150. (in Russ.)
- Селиверстова О. Н.** Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
- Seliverstova, O. N.** Works on semantics. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004, 960 p. (in Russ.)
- Филлмор Ч.** Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика. С. 74–122.
- Fillmor, Ch.** General problems of the lexical semantics. In: *New research in foreign linguistics*. Moscow, Raduga, 1983, vol. 12: Applied linguistics, p. 74–122. (in Russ.)

- Черничкина Е. К.** Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2007. 29 с.
Chernichkina, E. K. Artificial bilingualism: status and features. Thesis ... doctor of linguistics. Volgograd, 2007, 29 p. (In Russ.)
- Bialystok, E.** Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition. New York, Cambridge University Press, 2003, 288 p.
- Wei, L.** The Bilingualism reader. London, Routledge, 2001, 512 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
07.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Дубицкая Виктория Геннадьевна, студентка Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Victoria G. Dubitskaya, student at Siberian Federal University (82a Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

vika98d@rambler.ru

Яковлев Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия)

Andrey A. Yakovlev, Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Romanic Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (82a Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

mr.koloboque@rambler.ru

ORCID 0000-0003-1491-0577

От редколлегии

Свою последнюю статью о переводах сонетов Рильке, написанную в соавторстве с бывшим новосибирцем Ю. Д. Григорьевым, Григорий Яковлевич Мартыненко опубликовал в предыдущем выпуске нашего журнала. И вот его не стало... Мы попросили его коллег напомнить о жизненном пути этого известного специалиста по математической лингвистике и очень разностороннего человека.

Памяти Григория Яковлевича Мартыненко (1936–2019)

5 апреля сего года ушел из жизни прекрасный и удивительный человек, замечательный ученый, яркий представитель Санкт-Петербургской школы математической лингвистики, профессор одноименной кафедры Санкт-Петербургского государственного университета Григорий Яковлевич Мартыненко.

Григорий Яковлевич принадлежит к числу матлингвистов «первой волны». Он закончил Славянское отделение филологического факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета в 1961 г., а затем – только что открывшуюся очную аспирантуру по специальности «Общее языкознание и машинный перевод» под руководством известного русского лингвиста Ю. С. Маслова, при этом сотрудничал с одним из основоположников машинного перевода в нашей стране Н. Д. Андреевым. После окончания университета Григорий Яковлевич работал в различных научно-исследовательских учреждениях Ленинграда в области разработки лингвистического обеспечения информационно-поисковых систем, а в 1977 г. вернулся в родной университет на кафедру математической лингвистики, где преподавал до последнего времени. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию («Сложность синтаксических структур»), а в 1989 г. – докторскую диссертацию («Стилеметрия – теоретические проблемы, прикладные задачи, методы»). Заложенные им более 30 лет назад основы статистического анализа текста способствовали образованию новой филологической дисциплины – стилеметрии, которая успешно развивается и имеет много последователей в России и за рубежом.

Личность Григория Яковлевича поражает своей универсальностью. Будучи филологом-гуманитарием по образованию, он овладел сложнейшими математическими дисциплинами, стал автором целого ряда новых статистических методов обработки лингвистических данных. Одновременно он является писателем, выпустившим под псевдонимом Григорий Азовский несколько сборников веселых рассказов, а также сборник из 50 сонетов, посвященных великим ученым-математикам. Но и этого мало: Григорий Яковлевич был известным певцом, обладателем красивого лирико-драматического тенора, лауреатом нескольких международных конкурсов вокалистов – конкурса им. Марио Ланца (1998 г.), конкурса русского романса им. Изабеллы Юрьевой (2003 г.) и др. За последние 30 с лишним лет он выступил более чем на ста сценических площадках Ленинграда и Санкт-Петербурга, побывал на гастролях в 30 городах мира.

И, наконец, Григорий Яковлевич удивительно умел дружить. Память о нем навсегда останется в сердцах всех его друзей, коллег и учеников.

Основные направления научной деятельности проф. Г. Я. Мартыненко – математические и компьютерные методы в лингвистике: синтаксическое моделирование художественной прозы, поэзии, устной и письменной речи, квантитативная лингвистика, корпусная лингвистика, математические методы лингвистической поэтики, автоматические классификации, семиотика, стилеметрия. Это те области лингвистического знания, которые в последние годы являются наиболее востребованными в связи с тотальной информатизацией общества, развитием лингвистических и речевых технологий.

Особенностями научного подхода Г. Я. Мартыненко являются междисциплинарность, сочетание традиционного гуманитарного подхода с методами естественных наук, привлечение новейших информационных, компьютерных и корпусных технологий, ориентация на решение конкретных теоретических и прикладных задач.

Стержнем научной деятельности Г. Я. Мартыненко была разработка теоретических основ, методов и прикладных задач стилеметрии – филологической дисциплины, занимающейся измерением стилистовых характеристик текста с целью систематизации текстов и изучения стилистовых закономерностей в синхронии и диахронии. В последнее время исследовательские возможности стилеметрии резко возросли в связи с бурным развитием информационных технологий, позволяющих проводить массовую и многоаспектную обработку больших массивов данных. При этом следует иметь в виду, что стилеметрия с момента своего зарождения в лингвистической среде активно «сотрудничает» с другими «измеряющими» дисциплинами гуманитарного и естественнонаучного толка – биометрией, наукометрией, клиометрикой, психометрикой и многими другими, имея с ними сходный познавательный и методический инструментарий. Вся эта многоаспектность стилеметрии нашла отражение в трудах Г. Я. Мартыненко.

В рамках стилеметрического подхода Г. Я. Мартыненко разработал целый ряд методов обработки лингвистических данных, активно используемых на практике. Это оригинальная типология статистических распределений, теория состоятельности лингвистических переменных, методы разделения частотных словарей на ядро и периферию и установление фундаментальных количественных связей между ними, внедрение в исследовательскую практику теории рекуррентных последовательностей, теории симметрии и др.

Разработанные Г. Я. Мартыненко методы активно используются в научных исследованиях, их эффективность апробирована на материале разных жанров устной и письменной речи. Так, уникальные результаты были получены им в области системно-стилистического анализа литературно-художественных систем (в понимании Ю. Н. Тынянова): на материале русской художественной прозы конца XIX – начала XX века была построена классификация 100 русских авторов-прозаиков в пространстве существенных стилистических признаков. Такая классификация создает основу для разыскания лингвистических версий литературных школ и направлений, а также для изучения эволюции литературно-художественных систем.

Г. Я. Мартыненко одним из первых в мире, а возможно, и первым, стал исследовать сюжетную и композиционную динамику текста с использованием метода временных рядов и комплекса лингвостилистических переменных в линейной развертке текста. На материале русского рассказа было установлено, что каждое конкретное произведение обладает собственным профилем, а для каждого писателя и жанра в целом выделяется система профилей разной степени общности, выявляется система типических профилей, которые можно рассматривать как стилистические универсалии, управляющие динамической разверткой «энергии» текста. Аналогичные исследования были проведены им также на материале патентных описаний, на корпусе русского классического сонета, на полном собрании романсов Рахманинова – гибридного жанра, в котором музыкальная динамика вступает в сложное взаимодействие с вербальной.

Следует специально отметить заслуги Г. Я. Мартыненко по созданию лингвистических ресурсов – как конечного продукта для пользователей и как материала для проведения лингвистических исследований. В частности, под его руководством была разработана первая версия Антологии русского рассказа Серебряного века, которая представляла собой образец корпусного подхода в «докорпусную эпоху» (1988). Под его редакцией подготовлена серия авторских частотных словарей русского рассказа XX в. – Частотный словарь А. П. Чехова (1998), Л. Н. Андреева (2003), А. И. Куприна (2006), И. А. Бунина (2012). Его масштабным достижением является построение таксономии русской художественной прозы начала XX в. До своих последних дней Григорий Яковлевич руководил масштабным проектом по созданию представительного и сбалансированного корпуса русского рассказа 1900–1930 гг., в полной мере отражающего закономерности развития предреволюционной, революционной и постреволюционной прозы. Этот проект имеет целью изучение комплекса языковых и стилистических переменных в динамике на протяжении первых трех десятилетий XX века, а в перспективе планируется расширение хронологических рамок исследования с охватом всего XX века.

Полученные научные результаты нашли отражение в монографиях проф. Мартыненко: «Основы стилеметрии» (1988), «Семиотика описательных текстов: типологический аспект» (в соавт. с С. В. Чебановым) (1999), «Введение в теорию числовой гармонии текста» (2009), «История математико-гармонических представлений: от Пифагора до наших дней» (2016), «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах» (в соавт. с Н. В. Богдановой-Бегларян и др.) (2016), «Последовательности типа Фибоначчи. Теория и прикладные задачи» (в соавт. с Ю. Д. Григорьевым) (2017), «Методы математической лингвистики в стилистических исследованиях» (2019) и др. Научные статьи Г. Я. Мартыненко опубликованы в ведущих мировых журналах по количественной лингвистике, прикладной информатике, искусственному интеллекту.

За годы работы на филологическом факультете Г. Я. Мартыненко воспитал не одну сотню студентов. Трудно подсчитать, сколько дипломников и диссертантов обязаны ему своими достижениями.

Григорий Яковлевич оставил уникальный след в науке. Его заслуги в научной, педагогической и организаторской деятельности отмечены Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2006), званием «Почетный работник сферы образова-

ния Российской Федерации», Премией СПбГУ «За фундаментальные достижения в науке» (2018) и др.

«Человек-оркестр», так назвал Илья Штемлер свое предисловие к книге рассказов Григория Яковлевича. И это был точный и красивый образ этого талантливого, умного и веселого человека. Нам – его коллегам, друзьям, ученикам – очень горько осознавать, что уже больше не будет радости случайных встреч с ним в коридорах филфака, новых проектов, презентаций, концертов, простого человеческого общения. Но нам остались его книги. Остались видеозаписи концертов на YouTube. Продолжаются начатые им исследования. Поклонимся же его памяти, поблагодарим за счастье жить и работать рядом с ним, быть его современниками и соотечественниками.

Светлая память!

*В. П. Захаров
Т. Ю. Шерстинова*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Захаров Виктор Павлович, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского университета, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Victor P. Zakharov, St. Petersburg State University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

v.zakharov@spbu.ru
ORCID 0000-0003-0522-7469
SPIN 5834-5012

Шерстинова Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (наб. канала Грибоедова, 123, Санкт-Петербург, 190068, Россия), доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета СПбГУ (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Tatiana Yu. Sherstinova, PhD in Linguistics, Associate Professor, Department of Comparative Literature and Linguistics, National Research University Higher School of Economics (123 Griboedov Emb., St. Petersburg, 190068, Russia), Associate Professor, Faculty of philology, St. Petersburg State University (11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

t.sherstinova@spbu.ru
SPIN 7625-7688

Слово прощания

Я снял с полки сборник Гришиных рассказов «Капли портвейна» и медленно перелистал несколько страничек. Поплыли воспоминания. Первый же Гришин рассказ о баритоне Кутилине, случайно попавшем в вытрезвитель, запевшем там арию князя Игоря «О дайте, дайте мне свободу», а затем и благополучно покинувшем под восхищенные взгляды служителей порядка это заведение, напомнил мне случай, произошедший со мной 17 июня 2001 года.

Тогда я жил в Новосибирске. Накануне вечером я вернулся из надоевшей мне за два с половиной месяца Германии, выспался, а с утра пошел по друзьям, отмечать долгожданное возвращение. Уже ближе к вечеру, будучи под очень хорошим шафе прямо на Красном проспекте я наткнулся на милицкий патруль, и меня, естественно, ожидала бы участь Кутилина, но случилось чудо! Очень непринужденно (так как настроение у меня было приподнятое) я объяснил ребятам в форме, что только вчера вернулся на Родину из ненавистной Германии и вот на радостях возвращаюсь на свою Достоевскую. Но так как план по задержаниям ребятам надо было выполнять, а забирать такого хорошего парня было как-то не с руки, они попросили меня сесть в машину и подписать протокол, что со мною проведена разъяснительная беседа на тему о том, что появляться в общественном месте в нетрезвом виде нельзя. Я с удовольствием подписал протокол, после чего под взгляды товарищей в форме покинул автомобиль.

Все Гришины рассказы, во-первых, взяты из жизни, а во-вторых, проникнуты совершенно непередаваемым юмором и ароматом давно ушедшей советской жизни времен нашей молодости. Рассказы короткие. Это даже не рассказы. Это стихи в прозе. Сонеты. Я даже специально производил подсчеты количества строк в них. Их число колеблется от 12 до 30, а в сонете их, как известно, 14. Как и в сонете, есть завязка, развитие темы и развязка. Как правило, из одного-двух предложений, как, скажем, у Чехова в рассказе «Переполох».

И таким профессор Григорий Мартыненко был во всем. Очень быстрый и оригинальный ум, своеобразный угол зрения на, казалось бы, «замыленные» вещи. Сколько и каких удивительных треугольников чисел Фибоначчи он наоткрывал! В теории этих чисел есть так называемое тождество Кассини. Непостижимым образом Гриша нашел его обобщение. Почти как индийский математик Рамануджан, который, не имея специального математического образования, получил замечательные результаты в области теории чисел. В нашей с ним книге «Последовательности типа Фибоначчи. Теория и прикладные аспекты» оно приводится.

Про музыку вообще говорить не буду. Потрясающий тенор, итальянские и вообще любые романсы и арии...

Необычайно широкий круг знакомых и друзей. И не просто друзей, а влюбленных в него читателей его таланта. С Гришей всем было легко.

Невероятная эрудиция. В прошлом году я писал книгу воспоминаний о моем рано ушедшем из жизни друге детства, новосибирском поэте и философе Анатолии Соколове. Его стихи насыщены реминисценциями, ремейками, контаминациями, аллюзиями и прочими поэтическими штучками. И я поделился этим впечатлением с Гришей. Вот, мол, даже у Блока такого нет. И Гриша мне, неучу, популярно объяснил, что эта штука в литературе называется интертекстом или интертекстуальностью, и что по этому поводу много чего в последнее время написано. Вот так живешь рядом, общаешься с человеком и не подозреваешь, какая глыба рядом с тобой.

Дорогой друг, ты останешься в моей и нашей памяти навсегда! В день нашего прощания с тобой шел дождик, переходящий в тающий снежок, было пасмурно. А чуть раньше, 4-го февраля, я перевел стихотворение Н. Ленау «Туман», которое хотел показать тебе, но не успел. Пусть оно будет моим прощальным подарком тебе:

Nebel

Du, trüber Nebel, hüllest mir
Das Tal mit seinem Fluß,
Den Berg mit seinem Waldrevier
Und jeden Sonnengruß.

Nimm fort in deine graue Nacht
Die Erde weit und breit!
Nimm fort, was mich so traurig macht,
Auch die Vergangenheit!

Туман

Сырой туман, скрываешь ты
Долину и ручей,
Поросший лесом склон, кусты,
Свет солнечных лучей.

Уйди и ночь с собой возьми,
Всю ширь земли и даль!
Что в прошлом было, все прими,
Утешь мою печаль!

Ю. Григорьев

Сведения об авторе / Information about the Author

Григорьев Юрий Дмитриевич, доктор технических наук, профессор кафедры математического обеспечения и применения ЭВМ Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (ул. Профессора Попова, 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия)

Yuri D. Grigoriev, Doctor of Science, Professor, St. Petersburg State Electrotechnical University (5 Prof. A. Popov Str., St. Petersburg, 197376, Russian Federation)

yuri_grigoriev@mail.ru
ORCID 0000-0002-5962-2395
SPIN 6439-6719

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова

адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphorization tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphorization features are demonstrated.

Keywords

adjectival metaphor, vehicle, metaphorization tenor

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
05.12.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru